ДБ
10

Савелов
Л.М.

С 12 Лекции
по
русской генеал.
1ое полугодие

DB
10
C 12

На правахъ рукописи.

ЛЄКЦІИ

—) ПО (—

РУССКОЙ ГЕНЕАЛОГІИ,

читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ

преподавателемъ Института Л. М. Савёловымъ.

Первое полугодіе.

ИЗДАНІЕ
МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

333

МОСКВА
Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.

Л. М. Савёловъ.

Лекціи

—) по (—

РУССКОЙ ГЕНЕАЛОГІИ.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТ. НАРОДН. ПРОФЕССУРЫ
№ 139594.М

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач.....

ДБ
10
С 12

На правахъ рукописи.

ЛЄКЦІИ

—) ПО (—

РУССКОЙ ГЕНЕАЛОГІИ,

читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ

преподавателемъ Института Л. М. Савёловымъ.

Первое полугодіе.

МОСКВА
Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.

Печатается по опредѣленію Совѣта Московскаго Археологическаго Института
2 октября 1908 г.

Директоръ Института *А. Успенскій.*

I.

Покойный нашъ историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ какъ то выразился, что „гдѣ существуютъ исторіи родовъ, городовъ и учрежденій—тамъ возможны общія исторіи“.

Если мы вникнемъ въ эти слова покойнаго историка, то несомнѣнно должны прійти къ тому же выводу. Дѣйствительно—что такое исторія? Намъ говорятъ, что исторія есть народное самосознаніе. Принимая это какъ истину, т. к. по моему мнѣнію съ этимъ спорить нельзя, мы поймемъ, что во внѣшней жизни народа отражается его внутренняя жизнь — „Міръ нравственный сходенъ съ міромъ внѣшнимъ: его красота и единство выражаются въ разнообразіи частныхъ явленій; только вся совокупность этихъ явленій можетъ открыть таящуюся въ нихъ мысль“. Исторія—это зеркало, въ которомъ отразилась вся прошлая жизнь народа и не только внѣшняя сторона этого прошлаго, но и вся внутренняя—бытовая жизнь народа, и не одна казовая, матеріальная, сторона, но и сторона духовная. Припомнимъ здѣсь слова того же К. Н. Бестужева-Рюмина: „Мы того мнѣнія, что бытовая исторія вовсе не противорѣчитъ политической, а, напротивъ, должна быть въ тѣсной, неразрывной связи съ нею; только разумѣется, при ближайшемъ знакомствѣ съ бытомъ, измѣнится сама собою относительная важность того или другого событія, а главное перестановится точка зрѣнія“, а Маколей говоритъ еще опредѣленнѣе, что „для точнаго опредѣленія характера политическихъ событій необходимо короткое знакомство съ домашней исторіей народа“.

А что такое исторія быта, спросимъ мы, какъ не исторія внутренней жизни народа, какъ не исторія его жизни семейной, т.-е. другими словами, входя дальше въ разсмотрѣніе сущности исторіи, разлагая ее какъ бы на ея составныя части—мы невольно прійдемъ къ тому же выводу, къ какому пришелъ и Бестужевъ-Рюминъ—т.-е., что исторія слагается изъ исторіи отдѣльныхъ явленій, отдѣльныхъ фактовъ, относящихся къ разнымъ сторонамъ жизни того или другого народа—изученіе этихъ сторонъ жизни въ ихъ взаимодѣйствіи даетъ общее представленіе о жизни народа, даетъ намъ его физіономію. Но, изучая отдѣльныя явле-

нія, отдѣльные факты, мы должны невольно прійти въ соприкосновеніе съ болѣе мелкими единицами, чѣмъ народъ, съ тѣми его частями, которыя непосредственно дѣлаютъ исторію, т.-е. съ отдѣльными личностями, отдѣльными семьями, родами, отдѣльными собраніями людей, т.-е. общинами и городами и отдѣльными учрежденіями, созданными же отдѣльными людьми для улучшенія общественнаго быта своего народа, но въ основѣ всего этого несомнѣнно лежитъ отдѣльная личность, которая, такъ или иначе, но несомнѣнно вліяла на ходъ исторіи своего народа, особенно же тогда, когда отдѣльная личность не была еще подавлена высшимъ авторитетомъ государства и могла свободно проявлять свои наклонности, свою энергію, свою иниціативу.

Личность—это есть та ячейка—изъ которой вышла семья, превратившаяся сначала въ родъ, затѣмъ постепенно образовавшая родовой союзъ—племя и наконецъ государство, какъ высшую форму общежитія, которое въ концѣ концовъ поглотило и растворило въ себѣ какъ отдѣльныя семьи и роды, такъ и отдѣльныя личности, подчинивъ ихъ совершенно своему авторитету и своей власти. Отдѣльная личность—это тотъ атомъ, изъ котораго возникло и постепенно сложилось современное государство.

Историки и философы согласны въ томъ, что главные двигатели исторіи—это человѣческіе поступки. Для того, чтобы болѣе охарактеризовать значеніе личности, я приведу здѣсь мнѣнія нѣкоторыхъ изъ историковъ и философовъ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, пр. В. С. Иконниковъ: „Въ безднѣ случаевъ предусматриваемое развитіе вдругъ подвергалось перерыву; хитрый разсчетъ дальновидныхъ умовъ часто заставлялъ даже и глубоко возбужденное настроеніе позабывать первоначальную цѣль его стремленій и надолго подчинялъ его цѣлямъ искусственнымъ, случайнымъ. Способы представленія, пущенныя въ ходъ большими талантами среди благопріятныхъ обстоятельствъ, сопротивлялись прогрессу съ неимовѣрной стойкостью цѣлые иногда вѣка. Сѣмена образованія не всходили какъ подрастающій молодой лѣсъ, съ органическою необходимостью и правильностью, на большихъ пространствахъ однимъ разомъ, но шаткое, неспособное, лишенное творчества влеченіе массы получало первыя явственныя цѣли и первыя поощрительныя удовлетворенія, благодаря счастливымъ пріемамъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ. Это вліяніе личностей, безъ сомнѣнія, однакожъ не равно, смотря по разнымъ областямъ человѣческой дѣятельности, по особому характеру историческихъ эпохъ и по многоразличію условій, существующихъ для взаимодѣйствія между индивидуальной силой и массою человѣчества.

Зависимость отъ природы всего больше вызываетъ людское остроуміе на изобрѣтательность, и помыслы, оказывающіе здѣсь самыя необходимыя услуги, возникаютъ изъ такихъ простыхъ комбинацій обыкновенныхъ опытовъ, что первичное домохозяйство, находимое нами у разнообразнѣйшихъ народовъ,—оружіе, утварь, плетеныя издѣлія и убранство,—легко объяснимо изъ всеобщаго инстинкта, безъ особаго изобрѣтенія отдѣльными лицами. Но всѣ утонченнѣйшія и высшія подспорья, которыя вели къ болѣе многоплодному овладѣнію природою, связаны съ именемъ отдѣльныхъ изобрѣтателей; въ промежутокъ отъ первыхъ своихъ зачалъ до эпохи общаго распространенія образованности,—эпохи, къ которой мы, можетъ быть, приближаемся, жизнь и въ этомъ отношеніи также имѣла свой героическій вѣкъ. Точно также, говоритъ дальше Иконниковъ, и культурный процессъ заключается въ измѣненіи состояній, происходящемъ благодаря дѣйствіямъ людей. Это не есть безличная эволюція: какъ только событія, вызывающія перемѣны, суть дѣйствія, поступки, то настоящими агентами исторіи являются поступающіе и дѣйствующіе. Взаимодѣйствіе событій и состояній приводитъ такимъ образомъ къ взаимодѣйствію личностей и культурныхъ формъ. Какъ извѣстно, въ началѣ своей политической исторіи древность вездѣ выставляетъ имя какого-нибудь законодателя, и если часто неясныя мечты о темномъ происхожденіи народовъ появляются въ исторіи безъ личныхъ основателей, то религіи не выступаютъ безъ нихъ никогда“ въ другомъ мѣстѣ тотъ же пр. Иконниковъ говоритъ (I, I, 207*): “Историкъ долженъ стараться понять отдѣльнаго человѣка въ его обусловленности временемъ и мѣстомъ“...

Тардъ и Карлейль выражаются гораздо энергичнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ дѣлаетъ это пр. Иконниковъ. Первый изъ нихъ говоритъ: „Всѣ спеціальныя модификаціи, крупныя или мелкія, въ сущности происходятъ изъ индивидуальныхъ инціативъ, изъ болѣе или менѣе разрозненныхъ личныхъ плановъ“, а второй: „По моему мнѣнію всеобщая исторія, исторія того, что совершилъ человѣкъ въ этомъ мірѣ, въ сущности есть исторія великихъ людей, дѣйствовавшихъ въ немъ“; не менѣе энергиченъ въ своихъ выводахъ и Владиміръ Соловьевъ: „При переходѣ отъ низшихъ слоевъ собирательной жизни, говоритъ онъ, къ высшимъ, личность, въ силу присущей ей безконечной потенціи пониманія и стремленія къ лучшему, является въ избранныхъ своихъ представителяхъ началомъ движенія и прогресса. Когда единичныя лица, болѣе другихъ одаренныя или болѣе развитыя, начинаютъ испытывать дѣйствіе своей общественной среды не какъ осуществленіе и восполненіе ихъ жизни, а лишь какъ внѣшнее ограниченіе

и препятствіе для ихъ положительныхъ нравственныхъ стремленій, тогда они становятся носителями высшаго общественнаго сознанія, которое стремится затѣмъ къ воплощенію въ новыхъ соотвѣтствующихъ ему формахъ и порядкахъ жизни (Оправданіе добра, 264). Окончательная единица человѣческаго общества есть личность и она всегда была дѣятельнымъ началомъ исторпческаго прогресса, т.-е. перехода отъ узкоограниченныхъ и скудныхъ формъ жизни къ болѣе обширнымъ и содержательнымъ общественнымъ образованіямъ“ (273).

Таково значеніе отдѣльной личности въ исторіи, какъ его понимаютъ историки. Но можемъ ли мы сказать, что отдѣльная личность не является продуктомъ той среды, въ которой онѣ вращаются. и которая ихъ создала, что личность не является только носительницею тѣхъ идей, которыя гнѣздятся въ семьѣ, ее воспитавшей, что она не является только болѣе талантливою, болѣе яркою представительницею своей семьи, которая, въ свою очередь, является выразительницею, можетъ быть, иногда еще и не точно опредѣленныхъ стремленій и не ясныхъ идеаловъ своего народа. Думается, что отрицать этого мы не можемъ, а должны признать за истину,—а разъ это такъ, разъ семья есть выразительница стремленій и идеаловъ того народа, къ которому принадлежитъ, а личность является болѣе типичнымъ представителемъ семьи—то изслѣдованіе дѣятельности отдѣльныхъ семействъ и отдѣльныхъ личностей, на нашъ взглядъ, обязательно и необходимо для постановки правильной исторической критики, а также и потому, что подобное изслѣдованіе поможетъ историку и бытописателю связать отдѣльные факты и событія въ одно неразрывное цѣлое; изъ отдѣльныхъ въ началѣ звеньевъ получится постепенно цѣлая цѣпь, исторически и послѣдовательно вытекающихъ одно изъ другого, событій. Кромѣ того знаніе подробностей внутренней жизни народа можетъ помочь историку сдѣлать выводы общаго значенія. Вотъ въ собираніи подобныхъ отдѣльныхъ звеньевъ и состоитъ задача вспомогательныхъ историческихъ наукъ и въ томъ числѣ генеалогіи,—здѣсь для генеалога открывается обширное поле дѣятельности, еще почти не тронутое изслѣдователемъ. Поле вспахано, засѣяно, посѣвъ взошелъ и ожидаетъ жнецовъ, которое бы съ любовью сняли богатый урожай и всыпали бы его въ общечеловѣческую житницу знаній, сдѣлавъ его такимъ образомъ общимъ достояніемъ.—Развѣ это не великая и не благодарная задача? Развѣ не радостно уже одно сознаніе, что и мы приложили свой трудъ для собиранія матеріаловъ для будущихъ историковъ, что въ ихъ будущихъ трудахъ по описанію нашей

родины найдутся и наши крупицы, которыя мы съ любовью собиралп на богатой исторической нивѣ народной жизни. Между прочимъ существуетъ мнѣніе, что задача современнаго русскаго историка заключается только въ собираніи фактовъ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, пр. С. Ѳ. Платоновъ въ своихъ лекціяхъ по русской исторіи: „Съ тѣхъ поръ, какъ къ изученію фактовъ всемірной исторіи стали подходить съ тѣмъ сознаніемъ, что жизнь человѣческая развивается закономѣрно, подчинена вѣчнымъ и неизмѣннымъ отношеніямъ и правиламъ,—съ тѣхъ поръ идеаломъ историка стало раскрытіе этихъ постоянныхъ законовъ и отношеній. За простымъ анализомъ историческихъ явленій, имѣвшимъ цѣлью указать ихъ причинную послѣдовательность: открылось болѣе широкое поле—историческій синтезъ, имѣющій цѣлью возсоздать общій ходъ всемірной исторіи въ ея цѣломъ, указать въ ея теченіи такіе законы послѣдовательности развитія, которые были бы оправданы не только прошлымъ, но и будущимъ человѣчества. Этимъ широкимъ идеаломъ не можетъ непосредственно руководиться русскій историкъ. Онъ изучаетъ только одинъ фактъ міровой исторической жизни—жизнь своей національности. Состояніе русской исторіографіи до сихъ поръ таково, что иногда налагаетъ на русскаго историка обязанность просто собирать факты и давать имъ первоначальную научную обработку. И только тамъ, гдѣ факты уже собраны и освѣщены, мы можемъ возвыситься до нѣкоторыхъ историческихъ обобщеній, можемъ подмѣтить общій ходъ того или другого историческаго процесса, можемъ даже на основаніи ряда частныхъ обобщеній сдѣлать смѣлую попытку: дать схематическое изображеніе той послѣдовательности, въ какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далѣе такой общей схемы русскій историкъ итти не можетъ, не выходя изъ границъ своей науки“.

Если таково назначеніе исторіи, если для русскаго историка приходится еще думать о томъ, что слѣдуетъ собирать факты, то уже въ одномъ этомъ можно найти оправданіе существованія генеалогіи, которая именно и занята собираніемъ отдѣльныхъ фактовъ изъ жизни отдѣльныхъ семействъ. Относительно же цѣнности тѣхъ или другихъ свѣдѣній—мы имѣемъ слѣдующія слова Грановскаго: „Листокъ современной газеты такъ же дорогъ для историка, какъ хартія лѣтописи“, но этотъ листокъ надо пайти, а затѣмъ и сберечь.—И такъ мы пришли къ выводу, что отдѣльная лпчность составляетъ атомъ будущаго государства, а отдѣльная семья, отдѣльный родъ представляютъ изъ себя прототипъ государства, и задача генеалога изучить исторію тѣхъ семействъ, ко-

торыя, черезъ своихъ представителей, такъ или иначе участвовали въ созданіи своего государства, тѣмъ или инымъ путемъ участвовали въ дальнѣйшемъ его развитіи, какъ политическомъ, такъ и духовномъ. Общій историкъ, работая надъ политической исторіей той или другой страны, не имѣетъ, конечно, возможности обращать свое вниманіе на мелкія детали, онъ рисуетъ общую картину жизни страны, онъ дѣлаетъ общіе выводы, а мелочные факты изъ жизни того или другого лица, той или другой семьи, не могутъ останавливать на себѣ его вниманія, это даже физически для него невозможно, они служатъ историку только лишь для составленія общаго фона картины; весьма вѣроятно, что возможны случаи, когда историкъ пройдетъ даже мимо какого-нибудь событія, до того оно ему покажется мелкимъ и не стоящимъ вниманія по сравненію съ событіями, имѣющими болѣе крупное и непосредственное значеніе въ народной жизни, но это не можетъ имѣть мѣсто въ дѣятельности генеалога или бытописателя, описывающихъ не крупныя событія, а напротивъ мелкіе, будничные факты, но нерѣдко имѣвшіе, въ сцѣпленіи съ другими, послѣдствіемъ и болѣе крупныя событія, что такъ хорошо выразилъ русскій народъ въ своей поговоркѣ: „Отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла“. Припомнимъ также случай съ поясомъ, который великая княгиня Софія Витовтовна сняла съ князя Василія Юрьевича Косого, казалось фактъ самъ по себѣ и незначительный, но онъ сыгралъ немаловажную роль въ дальнѣйшихъ событіяхъ. Вотъ почему генеалогъ обязанъ уловить всякую мелкую подробность и сдѣлать ее достояніемъ общаго историка, который уже и сдѣлаетъ на основаніи ея тотъ или другой выводъ.

Если мы хотимъ спеціально изучить исторію прошлой жизни нашей страны, то мы должны обратить наше вниманіе не только на то, какъ она слагалась политически, росла и крѣпла матеріально, но мы должны знать и о томъ, какъ она росла и крѣпла духовно, потому что не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ, и въ жизни каждаго народа, какъ и отдѣльнаго лица или семьи, существуетъ не одна матеріальная сторона, но существуетъ также и духовная. Въ каждомъ живомъ тѣлѣ есть душа, у которой есть свои стремленія, есть свои идеалы, которыя она стремится удовлетворить тѣмъ или другимъ способомъ, почему мы и не должны пропустить ни одной мелкой черты изъ духовной жизни народа; мы должны войти въ разсмотрѣніе его семейнаго и общественнаго быта и отмѣтить всякую мельчайшую подробность изъ его жизни, изъ его домашняго обихода, помня, что нѣтъ такой мелочи, которая бы не могла повлечь за собою и болѣе крупные факты и

событія; наконецъ мы не можемъ знать, не поможетъ ли эта мелочь историку вывести то или другое заключеніе, сдѣлать тотъ или другой выводъ общаго характера. „Чѣмъ болѣе разрабатываются отдѣльныя части, подробности, самыя мелочи, тѣмъ болѣе выясняется общее, угадывается цѣлое“ (Иконниковъ. Историогр. I,29).

Какъ едва замѣтная черта, проведенная умѣлымъ рѣзцомъ скульптора, даетъ жизнь его скульптурному произведенію, такъ и мелкая черта, умѣло выхваченная изъ дѣйствительной духовной жизни народа, въ опытныхъ рукахъ историка одухотворяетъ его работу, превращая ее изъ безжизненнаго механическаго перечисленія отдѣльныхъ событій въ художественное произведеніе, жизненно описывающее прошлое народа. Почему и повторяю, что обязанность генеалога собирать всѣ мелкіе факты, отмѣчать всѣ мелкія черты народной жизни, часто, быть можетъ, упущенныя общими историками, благодаря обширности ихъ задачи. Въ этихъ случаяхъ на помощь общей исторіи долженъ выступить цѣлый рядъ вспомогательныхъ историческихъ наукъ и знаній, въ числѣ которыхъ мы находимъ и генеалогію. Чтобы исполнить задачу, возлагаемую на вспомогательныя науки, мы должны тщательно изучить внутренній бытъ народа, его нравы, изучить, наконецъ, ту среду, которая выдвинула тѣхъ или иныхъ дѣятелей страны или народа, изучить и семью, какъ источникъ тѣхъ, которые тѣмъ или инымъ путемъ, сознательно, а можетъ быть иногда даже и безсознательно, несомнѣнно вліяли на общій ходъ развитія своей страны и своего народа. Дѣятельность отдѣльной личности внѣ всякаго сомнѣнія происходила подъ вліяніемъ той самой семьи, которая дала ей жизнь, которая ее воспитала и которая при ея же посредствѣ вносила свои идеи въ народное сознаніе и тѣмъ самымъ невольно принимала участіе въ духовной жизни и въ духовномъ развитіи своего народа.

Общее духовное развитіе народа несомнѣнно находится въ неразрывной и непосредственной связи съ творческими талантами его болѣе энергичныхъ, болѣе талантливыхъ представителей, обычно ведущихъ за собой свой народъ по пути развитія и прогресса, по пути величія и славы. „Судьба, говоритъ нѣмецкій историкъ Трейчке, осуществляется въ жизни народовъ посредствомъ сознательной человѣческой воли, которая умѣетъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами“. Вотъ здѣсь и найдется работа именно генеалогу, онъ долженъ выяснить значеніе отдѣльныхъ семействъ и отдѣльныхъ личностей въ общемъ ходѣ историческихъ и культурныхъ событій въ жизни даннаго народа или данной страны. И когда будетъ сдѣлана эта работа, когда будутъ сдѣланы

работы по описанію городовъ и учрежденій, когда народная жизнь будетъ освѣщена со всѣхъ сторонъ ея политической и бытовой жизни, тогда, скажемъ мы словами К. Н. Бестужева-Рюмина, будутъ возможны общія исторіи.

Вотъ въ краткихъ чертахъ тѣ основанія, которыя объясняютъ намъ причину появленія генеалогіи въ числѣ предметовъ, необходимыхъ для лицъ, желающихъ въ подробности изучить прошлое своей страны и своего народа. До сихъ поръ генеалогія не получала у насъ правъ гражданства, и никто изъ ученыхъ не дѣлалъ даже попытки опредѣлить, что такое генеалогія, она совершенно игнорировалась историками; впервые такое опредѣленіе, кажется, даетъ намъ пр. Д. А. Корсаковъ (Л. М. Савеловъ и его труды по русской генеалогіи. М. 1900) въ одной своей брошюрѣ, вышедшей въ 1900 году. Вотъ что онъ говоритъ о генеалогіи: „Въ наши дни она занимаетъ весьма скромное, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опредѣленное положеніе среди вспомогательныхъ, или, говоря точнѣе, предварительныхъ, историческихъ знаній; эти знанія состоятъ изъ нѣсколькихъ группъ справочныхъ свѣдѣній, подготовляющихъ историку разнородный матеріалъ для дальнѣшаго критическаго и научнаго изученія. Къ нимъ относятся: хронологія, археологія съ нумизматикой, археографія, или такъ называемая дипломатика, съ сфрагистикой, историческая географія и генеалогія, или изученіе родословныхъ. Русская исторія, какъ исторія всякаго другого народа, имѣетъ въ числѣ своихъ вспомогательныхъ, справочныхъ знаній и русскую генеалогію“, таково мнѣніе пр. Корсакова, оно, какъ мы видимъ, не противорѣчитъ тому, что только что говорилъ и я. Вотъ мои слова: „Генеалогъ обязанъ уловить всякую мелкую подробность и сдѣлать ее достояніемъ общаго историка, который уже и сдѣлаетъ на основаніи ея тотъ или другой выводъ“, т.-е. мы—чернорабочіе и будемъ таковыми, т. к. мы только готовимъ матеріалъ для будущихъ историковъ. Двери храма науки были очень долго запертыми передъ нами; когда мы стучались—намъ ихъ не открывали, наконецъ насъ позвали въ ту минуту, когда мы робко жались у входа, не смѣя войти вмѣстѣ съ остальными, но теперь мы здѣсь и постарается доказать, что мы также желаемъ и умѣемъ работать, также хотимъ принести и свою крупицу на алтарь науки. Въ слѣдующей своей лекціи я перейду къ подробному опредѣленію, что такое генеалогія, а затѣмъ къ обозрѣнію того матеріала, надъ которымъ придется намъ работать. Матеріалъ этотъ, несмотря на всѣ невзгоды, несмотря на небрежность, не смотря даже на, подчасъ умышленное, преступное къ себѣ отношеніе, неисчерпаемъ. Поле обширно, нужны только работники, работы хватитъ и на

многихъ и надолго, была бы лишь охота работать, была бы лишь любовь къ дѣлу. Говорятъ, что терпѣніе и трудъ все перетрутъ, а если мы къ этому добавимъ еще и любовь, то съ этимъ можно совершить и чудеса, которыхъ отъ насъ никто даже и не требуетъ; наша задача болѣе скромная, мы должны только помогать другимъ— это наша цѣль, къ ней мы и пойдемъ съ любовью, терпѣніемъ и трудомъ.

II.

Генеалогія въ настоящее время заняла, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія, совершенно опредѣленное мѣсто среди цѣлаго ряда вспомогательныхъ историческихъ дисциплинъ, къ каковымъ, кромѣ генеалогіи, принадлежатъ: археологія, археографія, хронологія, дипломатика, палеографія, нумизматика, сфрагистика, историческая географія, геральдика, этнографія, библіографія, метрологія и т. д. Интересенъ взглядъ, высказанный Грановскимъ (I, 10): „Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ науки, которая не входила бы своими результатами въ составъ исторіи, имѣющей передать всѣ видоизмѣненія и вліянія, какимъ подвергалась земная жизнь человѣчества“. —Всѣ перечисленные мною предметы и даютъ историку тѣ знанія, которыя необходимы ему для дальнѣйшаго критическаго и научнаго анализа тѣхъ матеріаловъ и тѣхъ историческихъ событій, съ которыми ему пріидется имѣть дѣло, а русская генеалогія, кромѣ обычныхъ свѣдѣній родословнаго и бытового характера, можетъ дать нерѣдко отвѣты по цѣлому ряду вопросовъ не только политической, но и культурной исторіи Россіи, т. к. касается исключительно культурныхъ слоевъ русскаго народа, игравшихъ видную роль во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни, но при этомъ надо замѣтить, что русская генеалогія находится въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ, вѣрнѣе—мы не имѣемъ пока еще генеалогіи какъ науки; она какъ таковая только зарождается и ее еще надо созидать, потому что до сихъ поръ не удавалось создать для нея извѣстной строго опредѣленной системы, безъ которой невозможна никакая работа, никакая наука.

Не могу не отмѣтить здѣсь того, что въ дѣлѣ разработки исторіи отдѣльныхъ родовъ и исторіи высшаго класса вообще—Россія далеко отстала отъ другихъ цивилизованныхъ странъ и въ этомъ отношеніи стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ, имѣя сравнительно весьма небольшую генеалогическую литературу. Мы не знаемъ ни одного, мало-мальски культурнаго, народа въ мірѣ, который бы такъ мало обращалъ вниманія на свое прошлое, такъ мало бы

цѣнилъ прошлыя дѣянія своихъ предковъ, какъ это дѣлаетъ великій русскій народъ, у котораго мы замѣчаемъ полное отсутствіе самосознанія, самоуваженія и вслѣдствіе этого самопознанія. Даже такая, казалось бы, демократическая страна, какъ Швейцарія, не имѣющая даже своего особаго языка, не имѣющая особой, объединяющей ее религіи, —дорожитъ своимъ прошлымъ, гордится своими былыми дѣятелями, интересуется своими семейными преданіями и даже имѣетъ свои генеалогическія и геральдическія общества, что, при отсутствіи у нихъ дворянскаго сословія, служитъ яснымъ доказательствомъ того, что генеалогія возможна и безъ арпстократическаго или просто сословнаго устройства и, повидимому, служитъ не только для проявленія барской спеси или для удовлетворенія личныхъ мелкихъ инстинктовъ. А у насъ картина получается далеко не та, у насъ, какъ выразился И. С. Аксаковъ: „Большею частью о предкахъ своихъ ничего не знаютъ, преданій рода не уважаютъ, русской исторіи не вѣдаютъ, семейной старины не цѣнятъ“, а между тѣмъ, по выраженію того же И. С. Аксакова—„память о своихъ предкахъ, чувство рода—доброе чувство, чувство историческое, вполнѣ почтенное“. Къ этимъ словамъ Аксакова я бы только прибавилъ еще одно опредѣленіе—чувство святое, потому что безъ этого чувства невозможенъ патріотизмъ, въ лучшемъ значеніи этого слова; доброе чувство къ предкамъ означаетъ присутствіе чувства и къ родинѣ и къ своему народу, а именно эти то чувства и заставляютъ человѣка жертвовать всѣмъ для блага своего народа и для величія своей родины. Но къ сожалѣнію мы не сумѣли воспитать въ себѣ этихъ добрыхъ историческихъ чувствъ, казалось бы, присущихъ народу, имѣющему болѣе чѣмъ 1000-лѣтнее прошлое, но повидимому десятивѣковая исторія русскаго племени прошла мимо насъ, не задѣвъ за сердечныя струны. Мы не только не имѣемъ добрыхъ чувствъ къ прошлому, но если даже онѣ и существуютъ у кого либо изъ насъ, то мы конфузимся и стѣсняемся ихъ выказывать, боясь насмѣшекъ, боясь упрековъ въ отсталости, чего мы боимся больше всего на свѣтѣ. Можетъ быть, мнѣ скажутъ, что это не имѣетъ никакого отношенія къ предмету о которомъ идетъ рѣчь,—нѣтъ, увы, имѣетъ и громадное,—не интересуясь своимъ прошлымъ, мы не интересуемся и его реликвіями, „считая грамоты царей за пыльный сборъ календарей“ по выраженію А. С. Пушкина, что имѣло и имѣетъ даже и въ настоящее время громадные и весьма печальные результаты въ смыслѣ сохраненія тѣхъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ прошлой жизни, по которымъ бы историкъ могъ написать исторію нашего народа, широко раскинув-

шагося отъ Карпатъ до Тихаго океана и отъ Ледовитаго океана до Индіи, и если мы не интересуемся всѣмъ этимъ, если, повидимому, нельзя разсчитывать, что родной стариной заинтересуются и наши ближайшіе потомки, то я убѣжденъ, что наши болѣе отдаленные и, несомнѣнно, болѣе культурные потомки не поблагодарятъ насъ за наше преступное пренебреженіе къ старинѣ своего народа, вѣдь надо же надѣяться, что наступитъ же наконецъ и у насъ въ Россіи такое время, когда у ея сыновъ возродится то доброе историческое чувство, о которомъ говоритъ Аксаковъ, а оно должно проявиться, и я вѣрю въ то, что проявится, когда у нашихъ болѣе кутьтурныхъ потомковъ появится національное самосознаніе и вслѣдствіе этого необходимость въ самопознаніи, и они въ пропломъ своего народа будутъ искать объясненій современныхъ имъ событій. „Изъ всѣхъ наукъ о человѣческой жизни, говоритъ нѣмецкій историкъ Веберъ, исторія имѣетъ наиболѣе практическое значеніе въ смыслѣ дидактики: она должна научить пониманію настоящаго и будущаго на основаніи прошедшаго“(Всеобщ. ист. I, XV—XVII). Кромѣ этого мы имѣемъ еще одно опредѣленіе исторіи, сдѣланное І. Г. Дройзеномъ: „Историческое изученіе имѣетъ не одинъ только научный интересъ. Если есть науки, которыя дѣлаютъ людей не только болѣе разумными, но и лучшими, такъ къ ихъ числу принадлежитъ именно исторія“ (Икон. I, (1), 253*), будемъ надѣяться что и въ Россіи возникнетъ когда-нибудь интересъ къ своей исторіи, и мы станемъ со временемъ и разумнѣе и лучше, а пока приходится вспомнить слова нашего незабвеннаго поэта А. С. Пушкина, слова не потерявшія, къ сожалѣнію, своего значенія и въ наши дни: „Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упоминается имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь передъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіею своего дома, т.-е. исторіею отечества...“ Слова Пушкина находятъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ строкахъ, написанныхъ въ концѣ XIX ст. сенаторомъ Д. Г. Анучинымъ, первоприсутствующимъ въ департаментѣ герольдіи: „Съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ полномъ равнодушіи дворянъ къ своимъ интересамъ вообще и въ частности къ охраненію и содержанію въ порядкѣ своихъ сословныхъ дѣлъ; въ то же время я вижу, что поляки, напримѣръ, въ этомъ отно-

шеніи дѣйствуютъ замѣчательно хорошо: всѣ документы у нихъ въ цѣлости, иногда за нѣсколько столѣтій и приложены къ прошеніямъ, метрики налицо и проч. Вѣрите ли, что болѣе сорока процентовъ поступающихъ прошеній сенатъ не можетъ удовлетворить по неприложенію денегъ, документовъ, марокъ. Есть члены княжескихъ фамилій, не знающіе своего рода далѣе дѣда...“

Такъ мы относимся не только къ прошлому, но и къ настоящему, что, впрочемъ, и понятно: гдѣ нѣтъ прошлаго, тамъ не можетъ быть настоящаго—одно органически вытекаетъ изъ другого, интересъ къ настоящему невольно влечетъ за собой интересъ и къ прошлому. Мы же, напримѣръ, не только не интересуемся знать имена тѣхъ, которые принимали участіе въ строительствѣ нашей родины или которые сложили свои головы, защищая цѣлость и честь Россіи въ отдаленныя времена нашей родной исторіи, въ большинствѣ случаевъ, мы не знаемъ даже тѣхъ, которые умерли за родину почти что на нашей памяти, мы ихъ не знаемъ да и знать не хотимъ—мы и въ настоящее время „не уважаемъ прошедшаго, пресмыкаясь передъ однимъ настоящимъ“. Въ связи съ подобнымъ нашимъ отношеніемъ къ прошлому и занятія генеалогіей у насъ болѣе чѣмъ не популярны,—кромѣ общаго отрицанія родной старины многіе считаютъ, кромѣ того, разработку родословныхъ матеріаловъ проявленіемъ пустого тщеславія и удовлетвореніемъ мелкихъ, личныхъ интересовъ,—но здѣсь выходитъ, что изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса, т.-к. это далеко невѣрно, и мы можемъ указась цѣлый рядъ выдающихся по своимъ работамъ генеалоговъ, работавшихъ надъ родословіемъ семействъ, имъ совершенно чуждыхъ и часто даже не принадлежащихъ къ дворянскому сословію, т.-е. являвшихся какъ бы наблюдателями со стороны. Достаточно, если я укажу здѣсь хорошо извѣстное русскимъ генеалогамъ имя покойнаго Василія Владиміровича Руммеля, такъ много поработавшаго въ области русской генеалогіи. Очевидно здѣсь говорить о какомъ-либо тщеславіи или удовлетвореніи мелкихъ личныхъ интересовъ не приходится; надо думать, что подобными лицами двигали иныя побужденія, и будемъ надѣяться—побужденія не столь уже низменнаго характера.

Весьма возможно, что непопулярность генеалогіи въ Россіи можетъ быть объяснена ея узко-сословнымъ характеромъ, чего мы не наблюдаемъ въ другихъ странахъ, гдѣ она обнимаетъ всѣ сословія и, такимъ образомъ, какъ и всѣ науки, всесословна или безсословна какъ въ Швейцаріи или вообще въ тѣхъ странахъ, гдѣ сословій не существуетъ, но что нисколько не мѣшало рань-

ше и не мѣшаетъ теперь существованію отдѣльныхъ семействъ и родовъ, дававшихъ и дающихъ выдающихся дѣятелей для своей страны. Сословный характеръ русской генеалогіи несомнѣнно стоитъ въ связи и является прямымъ результатомъ низкаго культурнаго уровня народной массы, которая не давала да и не даетъ генеалогу почти никакого матеріала, ни вещественнаго, ни, тѣмъ болѣе, письменнаго. Единственнымъ болѣе или менѣе культурнымъ сословіемъ въ Россіи было до самаго послѣдняго времени одно только дворянство единственно оно было грамотно, только, почти исключительно, отъ дворянства сохранились еще письменные памятники въ нашихъ архивахъ даже правительственныхъ, не говоря уже о семейныхъ.

Разсадникомъ просвѣщенія въ древней Руси были монастыри, привлекавшіе подъ свою тѣнь тогдашнія умственныя силы; въ монастыри стекались всѣ наиболѣе культурные въ странѣ, почему и здѣсь мы находимъ значительный % изъ среды служилаго сословія, т.-е. дворянства, давшаго, между прочимъ, цѣлый рядъ іерарховъ и отцовъ русской церкви, имена которыхъ считаю не лишнимъ привести здѣсь и среди которыхъ много именъ, которыя и теперь чтитъ еще русскій народъ: св. Алексій, митрополитъ всея Руси — изъ рода Плещеевыхъ, архіепископъ Новогородскій Антоній, въ мірѣ Новгородскій бояринъ Добрыни Андрейковичъ, епископъ Корельскій Ааронъ Еропкинъ, епископъ Вятскій Антоній Илляшевичъ, епископъ Черниговскій Ѳеодосій Углицкій, архіепископъ Полоцкій Афанасій кн. Палецкій, архіепископъ Рязанскій Алексій Титовъ, епископъ Тверской Уассіанъ—кн. Стригинъ-Оболенскій, архіепископъ Смоленскій Варсонофій Еропкинъ, архіепископъ Бѣлгородскій Досифей Богдановичъ-Любимскій, митрополитъ Сибирскій Игнатій Римскій-Корсаковъ, епископъ Сарск. и Подонск. Нифонтъ Кормилицынъ, епископъ Тверской Геннадій Коржинъ, митрополитъ Кіевскій Гедеонъ—кн. Четвертинскій, архіепископъ Казанскій Гурій Руготинъ, св. Ефремъ, епископъ Переяславскій, изъ Кіевскихъ бояръ, св. Иннокентій, епископъ Иркутскій,- Кульчицкій, архіепископъ Ростовскій Іоасафъ—кн. Оболенскій, митрополитъ Московскій Іоасафъ Скрипицынъ, патріархъ Московскій Іоакимъ Савеловъ, епископъ Переяславскій Іоакимъ Струковъ, патріархъ Московскій Іосифъ Двяковъ, митрополитъ Псковск. Іосифъ Римскій—Корсаковъ, епископъ Ростовскій Досифей Глѣбовъ, св. Моисей, архіепископъ Новгородскій, изъ Новогородскихъ бояръ, епископъ Вологодскій Пименъ Савеловъ, архіеписк. Новогород. Серапіонъ Курцевъ, еп. Тверской св. Симеонъ изъ кн. Полоцкихъ, еп. Суздальскій Трифонъ Ступишинъ, св. Филиппъ Колычевъ митропо-

литъ Московскій, патріархъ Московскій Филаретъ Никит. Романовъ, еп. Сарскій и Подонскій Ѳеодосій—князь Вадбальскій, епископъ Судальскій Симеонъ Стремоуховъ, преподобный Адріанъ, въ мірѣ Андрей Завалишинъ, епископъ Ростовскій Алексѣй Пильемовъ, св. Андрей Вологодскій, въ мірѣ князь Заозерскій, архіепископъ Ростовскій Арсеній—князь Оболенскій, св. Варлаамъ Шенкурскій, въ мірѣ Василій Степ. Своеземцевъ, преподобный Галактіонъ, въ мірѣ Гавр. Иван. Бѣльской, епископъ Бѣлгородскій Іосафъ Гоженко, преподобный Иннокентій Охлябининъ, епископъ Тульскій Іовъ Челюсткинъ, св. Николай Кочановъ изъ Новогородскихъ бояръ, епископъ Вятскій Кипріянъ Скрыпицынъ, св. Кириллъ Бѣлозерскій, въ мірѣ Козьма Тимоф. Вельяминовъ, св. Макарій Колязинскій, въ мірѣ Матвѣй Васильевичъ Кожинъ, святой Нилъ Сарскій, въ мірѣ Николай Майковъ, Нилъ Полевъ—книгописецъ начала XVI ст.; преп. Паисій, въ мірѣ Павелъ Ивановичъ Гавреневъ, митрополитъ Смоленскій Симеонъ Милюковъ, архіепископъ Казанскій Тихонъ, въ мірѣ кн. Тимоф. Ивановичъ Хворостининъ, митрополитъ Казанскій Тихонъ Воиновъ, преподобный Сергій Малопинежскій, въ мірѣ Симонъ Маркіанов. Неклюдовъ, книгописецъ Ѳерапонтъ Ступишинъ и т. д.

Таковъ, конечно, не полный списокъ именъ, встрѣчающихся въ родословіяхъ нашего дворянства, а сколько еще и такихъ, происхожденіе которыхъ неизвѣстно, достаточно упомянуть имена нашихъ патріарховъ, которые были у всѣхъ на виду и все же въ большинствѣ мірскія имена которыхъ остались неизвѣстными для потомства, но происходило это отчасти и отъ того, что въ противоположность Западу наше дворянство шло въ монастыри по внутреннему влеченію, а не изъ за карьеры. Нашему иноку гордость не была извѣстна, но отсутствіе гордости лишило русскаго генеалога многихъ именъ. Но это значеніе русскихъ монастырей въ жизни нашихъ предковъ имѣло еще и другія послѣдствія—болѣе культурные члены семьи, уходя въ монастыри и порвя свои мірскія связи, переносили туда и свое вліяніе и, конечно, невольно подчинялись въ свою очередъ вліянію монастырской жизни. Мы видимъ, что монастыри дѣлаются, какъ я говорилъ раньше, разсадникомъ просвѣщенія, въ монастыряхъ собираются книги и рукописи, результатомъ чего явился цѣлый рядъ богатѣйшихъ книжныхъ и рукописныхъ собраній, содержавшихъ нерѣдко драгоцѣннѣйшіе и рѣдчайшіе для отечественной исторіи и погибшихъ уже въ болѣе позднее время.

Уходъ болѣе развитыхъ и начитанныхъ лицъ изъ міра сдѣлалъ то, что мы почти не имѣемъ фамильныхъ собраній, т. к.

остававшіеся члены семьи въ большинствѣ случаевъ мало или совсѣмъ не интересовались письменностью, а ушедшихъ привлекалъ уже совершенно другой—духовный міръ. Въ этомъ отношеніи Россія является полной противоположностью Западу, тамъ болѣе сильные характеры устраивали свои замки, тамъ сила духа проявлялась въ болѣе грубой-чисто матеріальной формѣ, тамъ шла борьба съ королями, дворянство съ мечемъ въ рукѣ, не стѣсняясь даже того, что нерѣдко его плечи покрывались мантіями вельможъ церкви, отстаивало свою самостоятельность и свои привилегіи и подчиняло своей власти болѣе слабые элементы населенія, но за то тамъ, въ этихъ мало приступныхъ замкахъ, сохранялась и сохранилась семейная старина за много столѣтій, а у насъ, какъ я сказалъ, все работоспособное и сильное духомъ уходило въ монастыри, тамъ они находили приложеніе своимъ силамъ и служили источниками знанія для своего народа, результаты которые погибли уже при новой культурѣ, когда монастыри перестали привлекать къ себѣ лучшія умственныя силы страны. Особенностью древне-русскаго иночества—было полное забвеніе своего свѣтскаго имени, что является признакомъ полнѣйшаго смиренія и это забвеніе было на столько искреннимъ, что и потомство въ концѣ концовъ запоминало лишь одно иноческое имя. Такъ напримѣръ до сихъ поръ не извѣстно мірское имя патріарха Гермогена, пострадавшаго за Россію. Все это камни преткновенія въ работахъ русскихъ генеалоговъ, камни которыхъ, конечно, не знаетъ его западный собратъ, тамъ ужъ, конечно, извѣстны свѣтскія имена всѣхъ князей и отцовъ церкви, но на Западѣ они являлись дѣйствительно князьями церкви, а наши іерархи были только служителями церкви и первыми печальниками передъ своими государями за русскій народъ, такъ какъ патріархи Никоны были на Руси исключеніемъ, идеаломъ русскаго народа можетъ служить св. Филиппъ, смиренный служитель алтаря, властный ходатай за народъ передъ Грознымъ царемъ, но никогда не стремившійся самъ къ власти. Это имя, которымъ съ полнымъ правомъ можетъ гордиться родъ Колычевыхъ.

Коснувшись вопроса о монастыряхъ и ихъ отношеній къ дворянству, я долженъ еще упомянуть о существованіи въ древности особаго рода монастырскихъ слугъ, занимавшихъ различныя монастырскія должности, носившія чисто свѣтскій характеръ. Этимъ слугамъ приходилось подчасъ браться и за оружіе, чтобы защищать монастырь отъ враговъ, особенно памятна защита Троице-Сергіева монастыря отъ поляковъ. Среди этихъ монастырскихъ слугъ мы также часто встрѣчаемъ дворянскія имена, нерѣдко

цѣлыя семьи служили монастырямъ, получая отъ нихъ и кормъ и помѣстныя дачи. Надо еще замѣтить, что за послѣдніе 200 лѣтъ, благодаря легкости доступа въ дворянство, оно постоянно впитывало въ себя все, что было болѣе развитаго и болѣе культурнаго въ низшихъ слояхъ народа, который такимъ образомъ продолжалъ оставаться внѣ сферы дѣятельности генеалога. Чѣмъ выше стоялъ родъ на іерархической лѣстницѣ, тѣмъ онъ ближе былъ къ культурѣ и тѣмъ больше, конечно, сохранилось о немъ письменныхъ да и вещественныхъ памятниковъ, тогда какъ вся остальная народная масса была совершенно неграмотна и не оставила почти ровно никакой пищи для такого мозаичнаго изслѣдователя, какимъ является генеалогъ, который, какъ бисеромъ вышиваютъ мелкій узоръ, такъ онъ изъ мелкихъ, единичныхъ фактовъ старается воспроизвести картину прошлой жизни нашихъ предковъ. Не говоря уже объ отсутствіи письменныхъ памятниковъ у нашего крестьянскаго населенія, даже такой матеріально обезпеченный классъ, какимъ несомнѣнно всегда было и есть наше купечество, но и оно не имѣетъ семейныхъ архивовъ, а если что нибудь и сохранилось, то не восходитъ далѣе XVIII ст. и касается исключительно мелочныхъ торговыхъ интересовъ, въ родѣ векселей, счетовъ и т. п. документовъ, не представляющихъ интереса даже для бытовой исторіи, и если мы можемъ указать на нѣкоторыя исключенія, то они касаются, можетъ быть, 3—5 купеческихъ фамилій, въ родѣ Іудиныхъ, Дехтеревыхъ, семейные архивы которыхъ извѣстны и имѣютъ общій историческій интересъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна изъ Московскихъ богатыхъ купеческихъ фирмъ издала въ роскошномъ видѣ нѣсколько томовъ матеріаловъ для своей исторіи, богато иллюстрированныхъ массою портретовъ, но несмотря на все это, изданіе не представляетъ никакого историческаго интереса, т. к. касается узко-спеціальныхъ торговыхъ вопросовъ, не дающихъ матеріала даже по исторіи торговли. Но это все и понятно, т. к. и купечество наше никогда не блистало грамотою и если можно послать кому нибудь упрекъ за отсутствіе семейныхъ архивовъ—то это нашему бѣлому духовенству, оно болѣе другихъ классовъ всегда имѣло возможность сохранять памятники прошлаго, но и оно оставалось такимъ же равнодушнымъ какъ и всѣ другіе и обращалось съ памятниками старины самымъ варварскимъ способомъ, о чемъ я еще упомяну, когда буду говорить о русскихъ архивахъ. Въ то время, когда на Западѣ дорожили и дорожатъ и въ наше время каждымъ древнимъ лоскуткомъ исписанной бумаги, „каждою строкою стараго лѣтописца“, каждымъ незначительнымъ предметомъ, напоминающимъ

кого либо изъ предковъ, гдѣ можно встрѣтить цѣлый рядъ не только громкихъ дворянскихъ фамилій, имѣющихъ богатые фамильные архивы и музеи, но и буржуазныя и крестьянскія семьи, которыя имѣютъ свои семейные архивы за нѣсколько сотъ лѣтъ, въ это же самое время у насъ въ Россіи мы можемъ чуть ли не по пальцамъ пересчитать болѣе или менѣе крупные фамильные и семейные архивы, но за то можемъ указать цѣлую массу случаевъ самаго варварскаго, самаго безсмысленнаго истребленія архивныхъ сокровищъ, бросаемыхъ на съѣденіе мышамъ въ обычные у насъ хранилища архивовъ—пыльные чердаки и сырые подвалы, или продаваемыхъ на бумажныя фабрики или просто сжигаемыхъ или сваливаемыхъ въ рѣки, какъ никому не нужный хламъ, требующій кромѣ того и помѣщенія и нѣкоторыхъ заботъ о себѣ, въ лучшемъ же случаѣ, если вопросъ касается архива какой нибудь фамиліи, игравшей видную роль въ исторіи, то онъ переходитъ въ иностранные хранилища, въ родѣ Британскаго музея, не останавливающагося передъ крупными затратами, а въ послѣднее время въ помощь Британскому музею выступили и американцы и прійдетъ, можетъ быть, время, когда русскимъ ученымъ прійдется ѣхать въ какой нибудь Лондонъ или Чикаго для изученія и обслѣдованія русскихъ древнихъ манускриптовъ, спасенныхъ отъ гибели не нами, а нашими, весьма далекими и по духу, и по мѣстожительству, друзьями. Недавно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о переговорахъ съ иностранцами, которые ведетъ случайный владѣлецъ громаднаго фамильнаго собранія кн. Вишневецкихъ, смотрящій на него какъ на простой товаръ и желающій его продать тому, кто больше дастъ. Въ подобныхъ случаяхъ о добрыхъ историческихъ чувствахъ говорить, конечно, не приходится.

А между тѣмъ какой драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторической науки хранятъ въ себѣ фамильные и семейные архивы. Въ то время, когда правительственные архивы даютъ намъ, по большей части, оффиціальную, маложизненную картину прошлаго, говорятъ намъ почти исключительно только о наружной государственной или общественной дѣятельности того или другого лица,—семейные архивы, о которыхъ я скажу болѣе подробно при обозрѣніи источниковъ, раскрываютъ весьма часто самую душу этого лица, показываютъ намъ его внутреннее я, срываютъ нерѣдко тѣ покровы, которыя драпируютъ его при оффиціальной обстановкѣ. Одно незначительное письмо, написанное какимъ нибудь общественнымъ дѣятелемъ какъ частнымъ лицомъ, можетъ иногда объяснить намъ многое такое, чего не объяснятъ никакія царскія

грамоты и оффиціальные документы, извлеченные изъ правительственныхъ архивовъ, въ какомъ бы количествѣ мы ихъ не пересмотрѣли. Но гдѣ эти частныя письма нашихъ предковъ, гдѣ всѣ эти частные документы въ родѣ духовныхъ завѣщаній, рядныхъ и сговорныхъ записей и т. п., которые могли бы помочь историку и бытописателю нарисовать потомкамъ яркую картину жизни ихъ предковъ, жизни ихъ семейной съ ея радостями и печалями? Всего этого нѣтъ. Частью это погибло въ разные „нѣмецкіе и польскіе приходы на Московское Государство, въ разоренья и въ пожары, и въ моровыя повѣтрія“, какъ говоритъ объ этомъ одинъ частный документъ XVII ст., частью погибло это уже на нашихъ глазахъ—въ разоренье 1905—1907 гг., но большею частью погибло и погибаетъ наше архивное достояніе отъ небрежности насъ самихъ—все это уничтожалось и уничтожается самымъ безжалостнымъ образомъ, благодаря тому, что этимъ не дорожили и, къ стыду нашему, не научились дорожить и до настоящаго времени. Но справедливость заставляетъ насъ сдѣлать здѣсь оговорку, т. к. подобное отношеніе къ архивнымъ сокровищамъ явленіе у насъ новое, неизвѣстное нашимъ отдаленнымъ предкамъ. Мы не можемъ упрекнуть въ уничтоженіи архивныхъ сокровищъ нашихъ отдаленныхъ предковъ, т. к. въ до-Петровской Руси отношеніе къ рукописямъ было весьма внимательное, рукописи не только не уничтожались, но напротивъ тщательно хранились и цѣнились очень высоко. Достаточно просмотрѣть вкладныя книги монастырей и мы увидимъ, что бывали нерѣдко примѣры, когда рукописныя книги и грамоты князей и царей жертвовались въ монастыри на вѣчный поминъ души, что уже одно показываетъ, какое было къ нимъ отношеніе, кромѣ того дѣловыя бумаги являлись, какъ бы, кодексомъ дѣйствовавшаго права, служившаго руководствомъ для администраторовъ и судей, т. к. кромѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича другихъ печатныхъ законовъ не было, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Псковѣ, нѣкоторые акты считались дѣйствительными лишь тогда, когда списокъ акта былъ внесенъ въ ларь Троицкаго собора. Но все это рѣзко измѣнилось въ XVIII ст., когда старая національная культура смѣнилась чуждой намъ—западною и на смѣну стараго культурнаго класса появился новый культурный слой, сложившійся на новыхъ началахъ, которому уже не приходилось опираться на старину, результатомъ чего и было презрительное отношеніе къ памятникамъ старины, на которые стали смотрѣть какъ на никуда негодный и никому ненужный хламъ: „Старые архивы и монастырскіе книго-хранилища, заключавшіе въ себѣ массу драгоцѣнностей,

оставались безъ всякаго вниманія, въ полномъ пренебреженіи и упадкѣ“, вотъ примѣры, о которыхъ сообщаетъ Павелъ Михайловичъ Строевъ въ 1823—1829 гг. „Въ одной обители благочестія, къ которой въ исходѣ XVII вѣка было приписано болѣе 15-ти другихъ монастырей, старый ея архивъ помѣщался въ башнѣ, гдѣ въ окнахъ не было рамъ. Снѣгъ покрывалъ на полъ-аршина кучу книгъ и столбцовъ, наваленныхъ безъ разбору, и я рылся въ ней, какъ въ развалинахъ Геркулана. Этому шесть лѣтъ,—слѣдовательно, снѣгъ шесть разъ покрывалъ сіи рукописи и столько же на нихъ таялъ, теперь вѣрно осталась одна ржавая пыль“, о другомъ случаѣ Строевъ доносилъ Академіи Наукъ, при чемъ сообщалъ, что архивъ стариннаго города Кевроля, по упраздненіи его перенесенный въ Пинегу, „сгнилъ тамъ въ ветхомъ сараѣ и, какъ мнѣ сказали, послѣдніе остатки его не за долго передъ симъ (т.-е. до 1829 г.) брошенъ въ воду“, вотъ что дала намъ чуждая культура, которая принесла намъ презрѣніе къ нашему родному прошлому,—презрѣніе, которое глубоко вкоренилось въ насъ, т. к. мы до сихъ поръ не измѣнили своего взгляда, до сихъ поръ не научились тому, что знали наши болѣе отдаленные и, какъ казалось, менѣе культурные предки—не научились уважать и любить наше прошлое, не научились дорожить его реликвіями—мы до сихъ поръ не вѣдаемъ своей исторіи и, кажется, не хотимъ ее вѣдать,—мы даже дошли до того, что кичимся нашимъ невѣжествомъ и считаемъ отрицаніе всего прошлаго признакомъ нашей особой культурности и желаемъ въ этомъ служить примѣромъ для другихъ народовъ, которые все еще упираются и не желаютъ порывать связи со своимъ прошлымъ и даже не стыдятся былыхъ дѣяній своихъ предковъ.

„Неуваженіе къ предкамъ, говоритъ А. С. Пушкинъ, есть первый признакъ дикости и безнравственности“, и, какъ это ни грустно, но приходится только этимъ объяснить наше безобразное отношеніе къ прошлому нашего отечества и пожелать, чтобы не слишкомъ поздно избавились мы отъ нашей дикости и невѣжества, т. к. каждый истекшій годъ, а въ настоящее время и каждый истекшій мѣсяцъ, уносятъ за собою часть памятниковъ былой жизни нашихъ предковъ и уносятъ ихъ безвозвратно. Впрочемъ, въ утѣшеніе себѣ, можно указать на то варварство, которое было допущено во время первой французской революціи, когда были изданы декреты о конфискаціи, сожженіи и передачи на потребности артиллеріи фамильныхъ и общественныхъ архивовъ, содержащихъ въ себѣ феодальные документы. Въ одномъ Прованскомъ округѣ было уничтожено около 40 тысячъ листовъ пергамента,

все это пошло на упаковку пушечныхъ ядеръ. Почти полное отсутствіе у насъ памятниковъ семейнаго быта нашихъ предковъ подъ часъ ставитъ русскаго генеалога въ полную невозможность дать характеристику дѣятельности того или другого, не только рядового, но даже и крупнаго, историческаго лица—онъ не можетъ высказать своего взгляда о духовной физіономіи тѣхъ многочисленныхъ Петровъ и Ивановъ, которыхъ онъ нанизываетъ одного за другимъ, составляя чью нибудь родословную; почему часто и получается лишь сухой перечень именъ съ краткими біографическими данными, чисто оффиціальнаго характера. Рисуя подробную картину службы даннаго лица—русскій генеалогъ весьма часто лишенъ возможности объяснить происхожденіе какого нибудь факта изъ его жизни, т. к. правительственные архивы только кратко сообщаютъ о немъ, а нерѣдко и совершенно не даютъ отвѣтовъ на цѣлый рядъ вопросовъ—а частные, какъ я уже говорилъ, погибли и погибаютъ отъ невѣжественныхъ рукъ ихъ владѣльцевъ, а въ нихъ то, можетъ быть, и можно было бы найти желанные отвѣты. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, дѣятельность современнаго русскаго генеалога весьма сужена,—знакомство съ духовною стороною жизни своихъ предковъ для него, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, недосягаема этого, будемъ надѣяться, удастся сдѣлать генеалогамъ будущаго, которые будутъ писать наши характеристики, но положеніе ихъ относительно давно прошедшихъ временъ будетъ, конечно, не лучше нашего, т. к. погибшихъ памятниковъ не вернетъ уже никакая сила. Задача современныхъ русскихъ генеалоговъ довольно скромная—это сохранить для нашихъ преемниковъ матеріалъ, который дошелъ до насъ и облегчить имъ по возможности ихъ будущую работу, при чемъ, какъ я уже говорилъ, намъ слѣдуетъ твердо запомнить, что для генеалога нѣтъ малозначущаго факта, которымъ онъ могъ бы пренебречь,—все должно быть отмѣчено, малѣйшая черта изъ жизни того или другого лица, той или другой семьи, должна быть сохранена, даже если бы намъ она казалась теперь и не нужною,—весьма возможно, что, теперь еще единичный, фактъ въ сцѣпленіи съ другими, намъ пока еще неизвѣстными, можетъ помочь въ будущемъ объяснить такіе факты и событія прошлаго, которые намъ казались непонятными, но при этомъ необходимо всегда указать и тотъ первоисточникъ, откуда почерпнуто то или другое изъ сообщаемыхъ нами свѣдѣній, что бы будущій изслѣдователь всегда могъ провѣрить сдѣланное сообщеніе. Работа генеалога никогда не является законченною, она всегда только матеріалъ для будущаго изслѣдователя, особенно это при-

мѣнимо къ русскому генеалогу, благодаря еще тѣмъ сюрпризамъ, которые могутъ приподнести, наши, въ большинствѣ случаевъ, неразобранные, а иногда находящіеся даже въ хаотическомъ состояніи архивы, гдѣ еще возможны самыя неожиданныя и весьма цѣнныя находки, въ родѣ сдѣланной нѣсколько лѣтъ тому назадъ управляющимъ Московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи пр. Д. Я. Самоквасовымъ въ своемъ архивѣ, когда были найдены документы XVI ст. по Новгороду, а подобными документами мы не особенно богаты. Затѣмъ перейду къ болѣе точному опредѣленію генеалогіи и тѣхъ формъ, въ какія она выливается.

Опредѣленіе генеалогіи я дѣлю на двѣ части, первая, такъ сказать, внѣшняя оффиціальная часть излагается довольно легко и просто, при чемъ мы получаемъ слѣдующую формулу: генеалогія есть, построенное на достовѣренныхъ документахъ и другихъ источникахъ, доказательство родства, существующаго между лицами, имѣющими общаго родоначальника или потомка, независимо отъ общественнаго положенія этихъ лицъ.

Вторая, вытекающая изъ всего сказаннаго мною, не поддается строгому опредѣленію, т. к. касается духовно-внутренней жизни отдѣльныхъ лицъ и семействъ, что уже не составляетъ необходимости, но является только желательнымъ дополненіемъ, т.-е. тѣмъ идеаломъ, къ которому долженъ стремиться каждый генеалогъ, желающій дать яркую картину общественной и семейной жизни интересующаго его рода или семьи, почему я опредѣляю эту — вторую часть слѣдующими словами: генеалогія есть исторія того или другого рода во всѣхъ проявленіяхъ жизни его представителей, какъ общественной, такъ и семейной.

III.

Для того, чтобы въ занятія генеалогіи ввести строго опредѣленную систему, необходимую при всякой работѣ, намъ прежде всего необходимо выяснить себѣ тѣ формы, въ которыя она вылилась до настоящаго времени.

Разсматривая генеалогію со стороны ея внѣшнихъ формъ— мы встрѣчаемъ два главныхъ вида родословій: восходящихъ и нисходящихъ.

Въ родословіи восходящемъ главнымъ объектомъ изслѣдованія является то лицо, о предкахъ котораго собираются свѣдѣнія, съ него начинаютъ, затѣмъ уже идутъ по восходящимъ ступенямъ или колѣнамъ (французское quartiers), т.-е. къ отцу, дѣду,

прадѣду и т. д. — это первоначальный видъ родословія, когда у изслѣдователя нѣтъ еще достаточнаго количества необходимыхъ матеріаловъ, когда онъ постепенно идетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, когда же собрано уже достаточно матеріаловъ и предки даннаго лица выяснены—то переходятъ уже къ родословію нисходящему, т.-е. начинаютъ съ самаго отдаленнаго изъ извѣстныхъ предковъ и постепенно переходятъ къ его потомкамъ. Подобное родословіе во 1-хъ гораздо болѣе удобно для справокъ, а во 2-хъ болѣе наглядно показываетъ общую картину жизни и дѣятельности рода, начиная съ болѣе отдаленныхъ временъ и постепенно разворачивая до послѣднихъ дней.

Второй видъ родословій—нисходящихъ, самый употребительный и можно смѣло сказать, что исключительно съ подобными родословіями и приходится, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, имѣть дѣло современному генеалогу, не только русскому, но и всякому.

Какъ восходящія, такъ и нисходящія родословія бываютъ мужскія и смѣшанныя. Мужскимъ нисходящимъ родословіемъ называется такое родословіе, которое указываетъ все потомство даннаго родоначальника, но происшедшее лишь отъ мужчинъ, относительно же женскихъ представительницъ рода ограничивается указаніемъ имени ихъ супруговъ. Эта форма родословій самая обычная и прилагается во всѣхъ случаяхъ, когда родословіе не имѣетъ какихъ либо спеціальныхъ цѣлей. Смѣшаннымъ-нисходящимъ называется такое родословіе, которое указываетъ рѣшительно все потомство даннаго родоначальника, какъ происшедшее отъ мужчинъ, такъ равно и отъ женщинъ. Подобное родословіе не является, конечно, родословіемъ одной фамиліи, т. к. охватываетъ часто огромное количество родовъ, происшедшихъ отъ одного родоначальника по женскимъ линіямъ. Оно бываетъ необходимо для выясненія родственныхъ связей между боковыми и часто весьма отдаленными родственниками и чаще всего фигурируетъ въ процессахъ о наслѣдствахъ, т.-е. преслѣдуетъ матеріальные и жизненные интересы.

Смѣшаннымъ-восходящимъ родословіемъ называется родословіе, которое указываетъ всѣхъ прямыхъ предкоаъ даннаго лица, какъ по мужской, такъ и по женской линіи, совершенно пренебрегая не только женскими именами, но и боковыми линіями, происшедшими отъ мужскихъ представителей того же рода. Подобное родословіе всегда имѣетъ весьма правильную фигуру, будучи изображено графически, т. к. въ первомъ колѣнѣ указывается одно лицо, во 2-мъ—два, въ 3-мъ—четыре, въ 4-мъ—

восемь и т. д. въ геометрической прогрессіи, при чемъ каждое изъ этихъ лицъ въ одномъ колѣнѣ принадлежитъ къ другому роду, такъ что въ четвертомъ колѣнѣ мы имѣемъ представителей восьми различныхъ фамилій, а въ пятомъ уже шестнадцати и т. д.

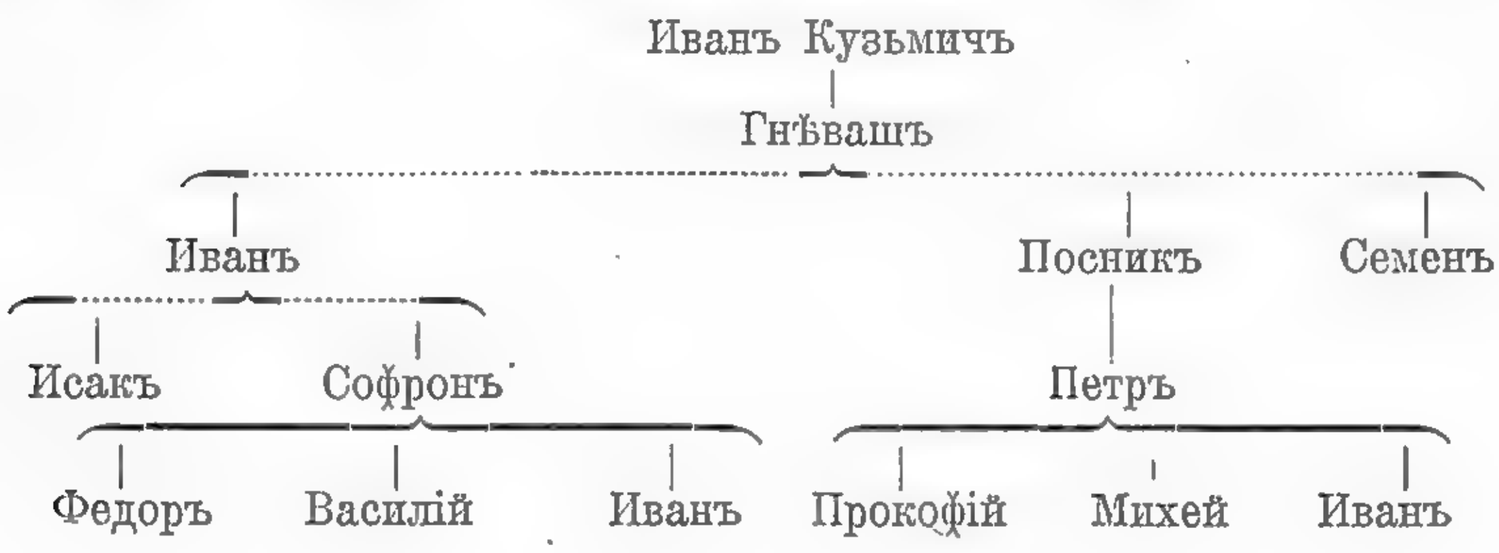
Смѣшанныя родословія, не только восходящія, но и нисходящія, употребляются весьма рѣдко и, какъ я говорилъ, большею частью, съ какими нибудь спеціальными цѣлями. Французскіе генеалоги для этого вида родословій имѣютъ особое названіе: „filiation“.

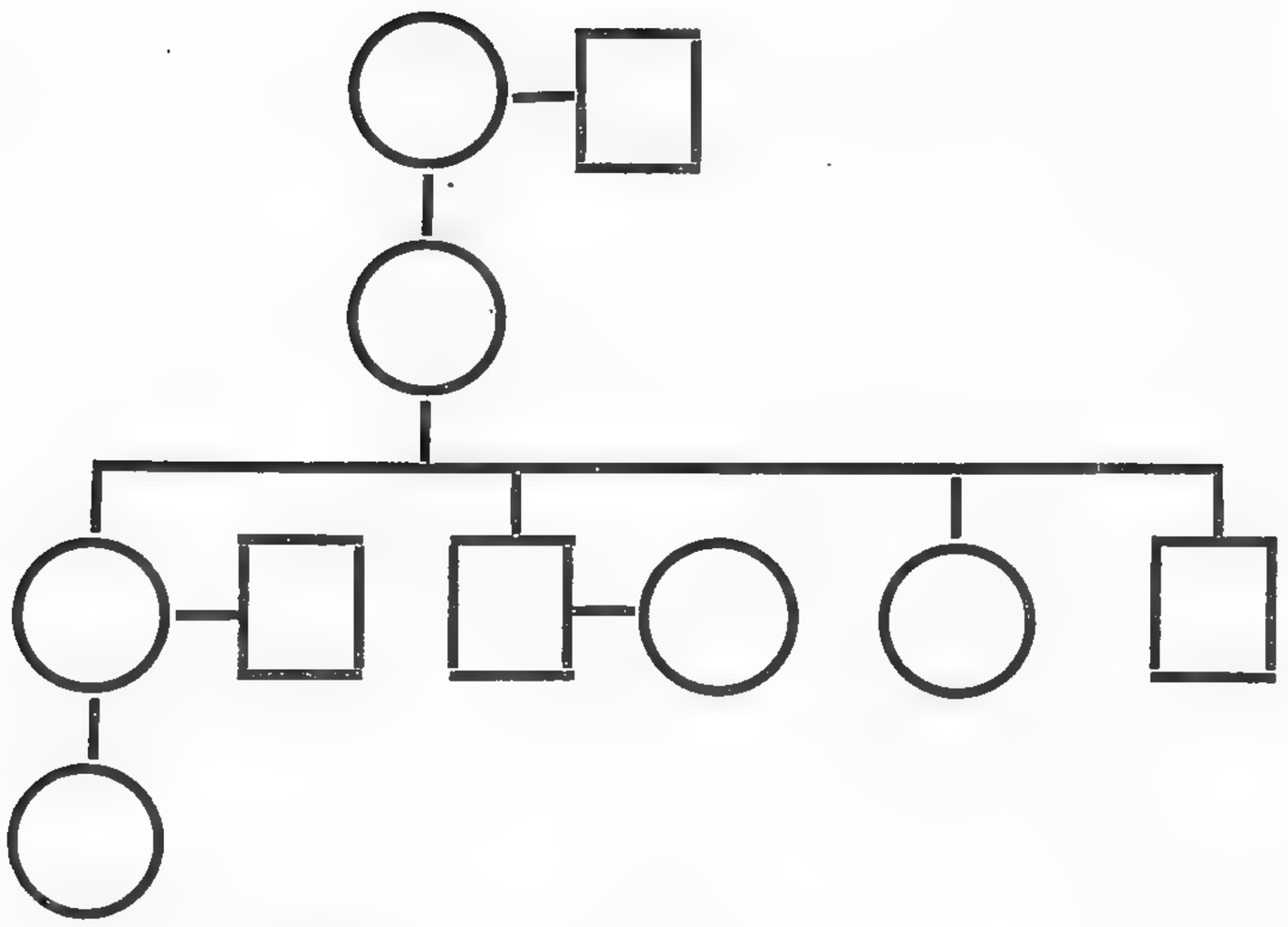
Такимъ образомъ мы имѣемъ слѣдующіе виды родословій:

I. Восходящее-мужское, въ которомъ указаны лишь прямые предки по мужской линіи.

II. Восходящее-мужское другого вида, въ которомъ указаны не только прямые предки даннаго лица, но и братья и сестры каждаго изъ нихъ.

III. Нисходящее-мужское, которое является самымъ распространеннымъ и единственно принятымъ въ научныхъ работахъ, если они не имѣютъ какихъ либо спеціальныхъ задачъ.





IV. Нисходящее—смѣшанное:

Иванъ Петровичъ *Васильевъ*

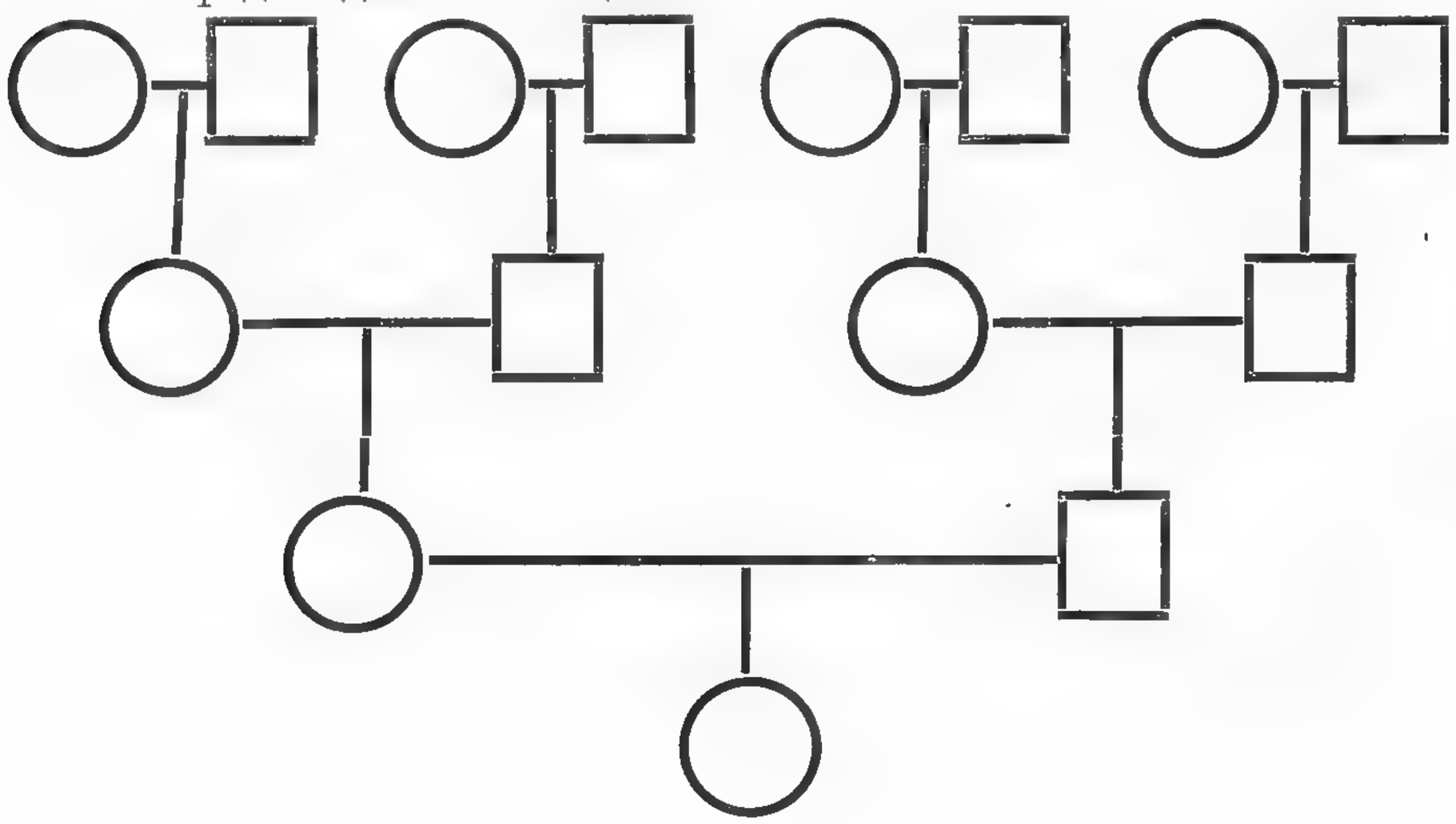
Николай — Семенъ — Анна-Петръ *Николаевъ* — Марія-Николай *Грузовъ*

Иванъ, Софія-Семенъ *Бабкинъ*, Анна-Иванъ *Павловъ*, Николай, Анна-Петръ *Исаевъ*, Федоръ, Марья-Ѳед. *Ивановъ*

Николай, Надежда *Васильевы*; Семенъ *Бабкинъ*; Иванъ, Марія *Павловы*; Петръ, Анна *Николаевъ Исаева*; Марія, Николай *Грузовы*; Ѳедоръ, Марія *Ивановы*

Въ этомъ примѣрномъ родословіи въ 4-мъ колѣнѣ отъ родоначальника мы имѣемъ уже 7 различныхъ фамилій, а возможны случаи когда ихъ будетъ гораздо больше.

V. Восходящее—смѣшанное, въ которомъ указываются всѣ предки даннаго лица:



Здѣсь во второмъ колѣнѣ указано 2 лица, въ 3-мъ—4, въ 4-мъ—8, въ 5-мъ—16 и т. д.

Родословія, какъ нисходящія, такъ и восходящія, изображаются тремя способами:

I. Родословная таблица:

II. Родословное древо—это та же таблица, но только перевернутая.

Генеалогическое дерево имѣетъ дѣйствительно форму дерева со стволомъ, вѣтвями, листьями и плодами. Въ этомъ случаѣ имя родоначальника помѣщается на корняхъ дерева или въ началѣ ствола, а затѣмъ каждое послѣдующее имя написано на кружкѣ, который французы называютъ картушъ (cartouches), и которые прибиты къ стволу или къ вѣткамъ, или же повѣшены въ видѣ плодовъ. Всѣ мужчины, имѣвшіе потомство, написаны въ кружкахъ желтаго цвѣта, прибитыхъ къ стволу и вѣтвямъ, мужчины, не имѣвшіе потомства, привѣшены въ видѣ плодовъ краснаго цвѣта. Имена женщинъ замужнихъ на лиловыхъ кружкахъ, дѣвушекъ на синихъ.

Всѣ лица рода, находящіеся въ живыхъ, помѣщаются въ кружкахъ: зеленаго цвѣта, мужчины болѣе темнаго, женщины болѣе свѣтлаго. Указанная окраска кружковъ не есть правило—это только обычай, принятый въ Западной Европѣ, въ Россіи же онъ совершенно не примѣняется, какъ не примѣняется, развѣ только въ видѣ исключенія, и самая форма родословнаго древа.

III. Родословная роспись, которая является самымъ употребительнымъ видомъ родословій, т.-к. даетъ возможность помѣщать всѣ необходимыя свѣдѣнія при каждомъ имени.

Колѣно I-ое.

1. Андрей Ивановичъ Кобыла.

II.

2. Федоръ Андреевичъ Кошка..... 1

III.

3. Александръ Федоровичъ Беззубецъ, Бояринъ..... 2

IV.

4. Иванъ Александровичъ..... 3
5. Григорій Александровичъ..... 3
6. Константинъ Александровичъ, воевода Василія II и Іоанна III..... 3

Въ подобномъ родословіи при имени съ лѣвой стороны ставится № по порядку, а съ правой стороны, въ концѣ послѣдней строки, номеръ отца.

Большинство генеалоговъ ставитъ №№ только при мужскихъ именахъ, оставляя женскія имена безъ №№, нѣкоторые не нумеруютъ тѣ и другія отдѣльно, что по моему только пестритъ самое родословіе, нисколько не облегчая справокъ, почему я лично не дѣлаю различія между женскими и мужскими именами и нумерую и тѣ и другія подъ рядъ, тѣмъ болѣе, что иногда женщина, будучи единственною представительницею рода, передаетъ и фамильное прозваніе и титулъ своему потомству. Но повторяю, что это мой личный взглядъ и я не настаиваю на его правильности, тѣмъ болѣе, что онъ идетъ въ разрѣзъ съ другими генеалогами.

Затѣмъ, какъ уже я говорилъ, чтобы родословіе было научнымъ—оно прежде всего должно быть достовѣрнымъ, а для этого необходимо, чтобы при каждомъ сообщаемомъ свѣдѣніи былъ указанъ источникъ, изъ котораго оно почерпнуто, что даетъ возможность всегда его провѣрить. Эти ссылки дѣлаются самыми разнообразными способами, иногда тутъ же въ текстѣ, напримѣръ: воевода въ Можайскѣ въ 1627—28 г. (Дворц. Разр. II, стр. 58), или же въ видѣ примѣчанія на той же страницѣ внизу, или же ссылки переносятся въ конецъ книги и т.-п. Всѣ эти способы не играютъ ровно никакой роли и представляются всецѣло вкусу самаго изслѣдователя, необходимо лишь одно—это, чтобы ссылки были сдѣланы, а гдѣ и какъ онѣ приведены—это совершенно безразлично.

Особый видъ родословій—это тѣ родословныя росписи, которыя были поданы въ Разрядный приказъ послѣ уничтоженія мѣстничества, этотъ видъ родословій крайне непрактиченъ и неудобенъ для справокъ, почему совершенно и не употребляется генеалогами, только нѣчто подобное принято было Петровымъ въ его Исторіи родовъ русскаго дворянства.

Какъ примѣръ приведу двѣ росписи, поданныя представителями родовъ Веревкиныхъ и Потемкиныхъ, одна изъ нихъ составлена весьма скромно, въ ней говорится лишь о томъ, что доподлинно извѣстно лицамъ ее подавшимъ, а другая же путается въ различныхъ легендахъ.

1. Родъ Веревкиныхъ. Гаврила Ивановичъ служилъ по московскому списку при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ Московскомъ и всеа Россіи и переведенъ на помѣстьѣ въ Великій Новгородъ. У Гаврила сынъ Андрей—лѣта 7083-го былъ полковымъ воеводою, а съ нимъ были товарищи подъ Сломкирменемъ и Сломкирмень городъ взяли. У Андрея дѣти Иванъ да Ѳедоръ, служили по великому Новугороду. У Ивана сынъ Иванъ. А у Ивана Иванова сына сынъ Логинъ. У Логина дѣти: Никиѳоръ да Максимъ, да Ѳедоръ бездѣтенъ, да Соѳонъ бездѣтенъ. Никиѳоръ служилъ по московскому списку былъ воеводою въ Сибирѣ въ Инисейскомъ во 147-мъ году. У Никиѳора дѣти: Алексѣй, служилъ въ стряпчихъ, Иванъ служилъ въ столникахъ. У Алексѣя дѣти Василій, Иванъ, Степанъ—всѣ служатъ въ стряпчихъ. А у Василья дѣти Михайла да Иванъ. А у Ивана Микиѳорова сына сынъ Гаврила. А у Максима Логинова сына дѣти Елисѣй да Романъ бездѣтенъ; Елисей служилъ по московскому списку и былъ въ Еренскомъ воеводою во 168-мъ году. У Елисѣя дѣти: Иванъ служитъ по московскому списку, Ѳома служитъ въ стряпчихъ, Степанъ служитъ въ житьѣ. А у Ивана Елисѣева сына дѣти: Иванъ да Алексѣй да Ѳедоръ. А у Юрья Иванова сына дѣти: Яковъ да Семенъ. А у Якова дѣти: Семенъ бездѣтенъ да Дружина. А у Дружины дѣти Логинъ, Иванъ, Якимъ, Ѳедоръ, Василій. А у Семена Юрьева сына дѣти: Михайла, да Якимъ бездѣтенъ. У Михайла сынъ Ѳома. У Ѳедора Андреева сына сынъ Григорій. А у Григорья дѣти: Первой бездѣтенъ, Никита, Иванъ, Алексѣй бездѣтенъ, Григорей, Иванъ бездѣтенъ, Семой. А у Никиты сынъ Игнатей. А у Игнатья дѣти Богданъ бездѣтенъ да Иванъ. А у Ивана Григорьева сына сынъ Семенъ. А у Семена дѣти: Степанъ, Михайла бездѣтенъ, Еѳремъ, прозвище Меншой. У Степана сынъ Аѳонасей бездѣтенъ. У Меншова дѣти Степанъ. А у Григорья Григорьева сына сынъ Тихонъ. А у Тихона сынъ Трофимъ да Ѳома. А у Семова Григорьева сынъ Казаринъ. А у Казарина сынъ Петръ. А у Петра сынъ Исакъ бездѣтенъ постригся. А кто преждѣ сего родственника нашего Гаврилы Ивановича Веревкина преждѣ бывшіе родственники наши Веревкины при бывшихъ государехъ были въ честяхъ и въ честныхъ чинѣхъ и въ знатныхъ посылкахъ и ихъ в. государей и в. князей блаженные памяти и при царствѣ прадѣда государева ихъ блаженные памяти в. государя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Россіи были и ихъ в. государей жалованые грамоты и прежде бывшіе паказы до царства дѣда ихъ государева блаженные памяти в. государя царя и в. князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи, и тѣ наказы и жалованныя грамоты въ московское разореніе и въ пожары утерялись.

А отъ царства дѣда ихъ государева блаженные памяти и при державѣ отца ихъ государева блаженные памяти в. государя царя и в. князя Алексѣя Михайловича всеа В. и М. и Б. Россіи самодержца были въ воеводахъ и въ знатныхъ посылкахъ, и тѣ наказы и отпуски нынѣ въ лицѣхъ. А кромѣ сей росписи роду нашего Веревкиныхъ никакого нѣтъ.

На оборотѣ первой склейки помѣта:

195 г. генваря въ 22 день.

Къ росписи руки приложили:

Степанъ Веревкинъ и вмѣсто брата своего Василья Веревкина по-ево велѣнію.

Гаврило Ивановъ с. Веревкинъ.

Иванъ Елисѣевъ с. В. и вмѣсто брата своего Степана Елисѣева сына В-на по ево велѣнью.

Иванъ Алексѣевъ с. Веревкинъ.

Ѳома Елисѣевъ сынъ Веревкинъ.

2. Родъ Потемкиныхъ, а поведеніе того рода изъ государства римскаго, изъ королевства неаполитанскаго, изъ княжества по древнему нареченнаго самницкаго и обоихъ Абрузій и базиликацкаго отъ князя самницкаго Понціуша Телезина. А Понціушъ Телизинусъ—князь самницкаго народа и владѣтельство его было въ Италіи въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Изъ своего владѣтельства далъ онъ, князь Понціушъ, сроднику своему князю Понціушу жъ, городъ Люканскій Потенцію въ Базиликацкомъ княжествѣ да другій городъ Потенцію жъ въ княжествѣ пиценскомъ на устіи рѣки Потенціи и тотъ ево Потенціуша Телезина князя самницкаго сродникъ Потенціушъ тѣми городами владѣлъ и съ того времени нача онъ зватися и при немъ будучи его сродники потентины, а по-словенски Потемкины. И о томъ и о поведеніи жъ сродника ево Потенціуша князя Телезина и о гербахъ ихъ выписано ис печатныхъ лѣтописныхъ латинскихъ книгъ явно подъ сею росписью особо. И по многомъ отъ того времени для воинскихъ частыхъ случаевъ на владѣтельство ихъ и разоренія сродники ихъ. отбывъ изъ владѣтельства своего, жили въ Польской землѣ и были въ честяхъ и даны имъ были отъ королей польскихъ маетности великія. А при державѣ блаженныя памяти великаго князя Василія Ивановича московскаго всеа Россіи пріѣхалъ исъ Полши служить ему, великому князю, отъ вышепомянутыхъ роду Потемкиныхъ Гансъ Александровъ сынъ Потемкинъ, а во святомъ крещеніи дано ему имя Тарасій. А за тотъ ево выѣздъ пожалованъ онъ вотчинами великими въ Смоленскомъ уѣздѣ, и тѣ ево вотчи-

ны и донынѣ, за сродниками ево Потемкинымп, а иныя розданы въ иные роды. А отъ него, Тарасія, дѣти Иванъ да Ларіонъ, прозвище Булчакъ; и ему, Ивану, дано за ево службы село Воротышино зъ деревнями къ старымъ вотчинамъ отца ево Ганса, что ему дано за выѣздъ; и о томъ свидѣтельствуетъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Россіи самодержца жалованная грамота, и съ той великаго государя грамоты списокъ подъ сею росписью. А у Ивана сынъ Ѳедоръ. А тотъ Ѳедора дѣти: Гаврило, Юрья, Степанъ; и Гаврило убитъ на государевѣ службѣ блаженные памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Феодорѣ Ивановичѣ всеа Россіи самодержцѣ подъ Москвою въ приходъ крымскаго царя въ лѣто 7099-го году; а послѣ ево остался сынъ ево Иванъ. А отъ Ивана дѣти: Петръ, и при великихъ государѣхъ царѣхъ и великихъ князѣхъ Іоаннѣ Алексѣевичѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всеа В. и М. и Б. Россіи самодержцехъ Петръ Ивановичъ въ думныхъ дворянѣхъ, — да Ѳедоръ, въ столникахъ. А у Петра сынъ Степанъ въ стольникахъ. А у Степана сынъ Иванъ, въ стольникахъ. А у Петрова родного брата у Ѳедора дѣти: Дмитрей въ стольникахъ да Григорей. А отъ Юрьева Ѳедорова сына Гаврилова и Степанова родного брата сынъ Иванъ. А отъ Ивана дѣти: Василей да Михайло, въ стольникахъ. А у Василья дѣти: Иванъ, Яковъ, Андрей въ стольникахъ. А у Михайла дѣти: Денисей, Иванъ, Богданъ, Илья, Алексѣй, Василей въ стольникахъ.—А отъ Ларіона Тарасьева сына, прозвище Булчака, сынъ Ѳедоръ. А у Ѳедора сынъ Семенъ. А отъ Семена дѣти: Сила, Александръ, Самойла. А Олександъ и Самойла бездѣтны. А у Силы сынъ Василей въ стольникахъ. А у Василья сынъ Александръ. А третьей Гавриловъ и Юрьевъ братъ родной Степанъ убитъ на государевѣ службѣ подъ Тулою блаженные памяти при государѣ царѣ и великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ московскомъ и всеа Россіи самодержцѣ, а былъ онъ, Степанъ Ѳедоровъ сынъ, бездѣтенъ.—А опричь сей поколѣнной росписи иныхъ рода нашего Потемкиныхъ въ Московскомъ государствѣ нынѣ никого нѣтъ. А гдѣ и въ которыхъ годѣхъ Иванъ Гавриловичь и дѣти ево Петръ и Ѳедоръ и вышеписанные сродники ихъ явилися въ честяхъ, были въ полковыхъ и въ городовыхъ воеводахъ и на посольствахъ, и въ знатныхъ посылкахъ, и то писано ниже сего: по указу блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Михайла Ѳедоровича всеа Россіи самодержца Иванъ Гавриловичъ былъ во 141-мъ и во 142-мъ годѣхъ въ Цывильску воеводою: а во 146-мъ году былъ онъ же полковымъ воеводою

на Украинѣ, и о тѣхъ воеводствахъ свидѣтельствуютъ грамоты. А Петръ Иваповичъ былъ во 163-мъ и во 164-мъ годѣхъ съ ратными людьми и съ нимъ были полковники с рейтары и головы с сотнями и иныхъ чиновъ служилые люди подъ полскими городами для промыслу на под (Sic) полскими воинскими людми и надъ городами, и въ то время взялъ онъ въ Полской землѣ городъ Люблинъ и иные двѣнадцать городовъ и многихъ воинскихъ литовскихъ людей побилъ и во взятье города Люблина взялъ въ томъ городѣ древо Животворящаго креста Господня и привезъ блаженные памяти къ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу къ Москвѣ, а о той ево службѣ вѣдомо въ Розрядѣ. И во 164-мъ и во 165-мъ годѣхъ былъ онъ же, Петръ Ивановичъ, полковымъ воеводою въ Свейской землѣ подъ городами Канцами и подъ Орѣшкомъ и тотъ городъ Канцы взялъ и воеводу корельскаго и начальныхъ людей и нарядъ поималъ и многихъ свискихъ людей побилъ. И послѣ того велѣно ему, Петру Ивановичу, ѣхать къ Москвѣ, а полку своего ротныхъ людей отдать сроднику своему Александру Потемкину и былъ онъ, Александръ, полковнымъ же воеводою въ тѣхъ же нѣмецкихъ походѣхъ, и о томъ свидѣтельствуютъ грамоты. Да онъ же, Петръ Ивановичъ, посыланъ для посолскихъ дѣлъ во 175-мъ году въ Гишпанскую да во Өранцужскую земли, во 183-мъ году — къ цесарю римскому, во 189-мъ и во 190-мъ годѣхъ — во Өранцужскую жъ и въ Гишпанскую и въ Аглинскую земли, и о тѣхъ посолствахъ свидѣтельствуютъ наказы и грамоты.—Фодоръ Ивановичь воеводою нынѣ въ Сургутѣ. Юрью Өеодоровичу за московское осадное сидѣнье дана блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Россіи самодержца жалованная грамота. Сила Семеновичь во 185-мъ и во 186-мъ годѣхъ воеводою былъ на Коломнѣ. И которые о вышеписанныхъ ихъ честяхъ жалованные грамоты и наказы, и съ тѣхъ грамотъ и наказовъ списки подъ сею росписью. А которые старинные жалованные грамоты великаго князя Василья Ивановича всеа Россіи даны были за выѣздъ прародителю нашему Гансу на вотчины, и тѣ грамоты и иныя старинныя на чести письма въ московское разоренье пропали. А какъ въ московское жъ разоренье Смоленскъ былъ отъ короля польскаго въ осадѣ, и въ то время сродники ихъ Потемкины въ Смоленску сидѣли въ осадѣ. И такъ король полѣской Смоленскъ взялъ, и они были з женами и з дѣтями взяты въ полонъ и задержаны въ Польшѣ и у тѣхъ ихъ сродниковъ у Потемкиныхъ привиліи королей полскихъ на вотчины на породную ихъ шля-

хетную честь есть; и съ того времени, будучи въ Полской землѣ, по изволенію королевскому печаталися сродники ихъ Потемкины гербомъ: рука съ мечемъ вооруженная изо облака въ щитѣ каруна, и изъ каруны три пера струсовы.

У подлиннаго пишетъ тако:

Къ сей поколѣнной росписи Петръ Потемкинъ руку приложилъ.

Къ сей поколѣнной росписи Михайло Потемкинъ руку приложилъ.

Для того, чтобы приступить къ составленію родословія какой нибудь семьи, не имѣющей никакой литературы, то приходится примѣнить форму восходящаго родословія, т.-е. къ отцу и матери, затѣмъ дѣду и бабкѣ со стороны отца и т.-д. Въ этомъ случаѣ первымъ документомъ, который долженъ быть въ рукахъ изслѣдователя и долженъ лечь въ основу будущаго родословія—это метрическое свидѣтельство о рожденіи, въ которомъ, кромѣ факта рожденія, интересующаго насъ лица, указываются имена обоихъ родителей, хотя въ болѣе старыхъ метрикахъ XVIII и начала XIX ст. имя матери иногда и отсутствуетъ. Такимъ образомъ изъ перваго же документа мы имѣемъ уже имена трехъ поколѣній, т.-е. сына, отца и дѣда, имя послѣдняго мы узнаемъ пока только изъ отчества отца, но во всякомъ случаѣ это поможетъ намъ въ дальнѣйшихъ нашихъ изысканіяхъ. Такимъ же образомъ слѣдуетъ двигаться и далѣе, постепенно расширяя родословіе и по другимъ матеріаламъ, отчасти оффиціальнаго, а отчасти семейнаго характера, такъ послужныя списки, духовныя завѣщанія, раздѣльные акты и другіе подобные же документы могутъ дать намъ указанія на имена братьевъ, сестеръ и дѣтей и такимъ образомъ уже сильно раздвинуть рамки родословія.

Углубляясь въ болѣе отдаленныя отъ насъ времена, мы начинаемъ терять большинство изъ указанныхъ только что документовъ, приходится искать чего нибудь друго—здѣсь на выручку являются сказки, подававшіеся въ Герольдмейстерскую контору, дѣла о недорослѣхъ и т.-п., но все это еще оффиціальные документы, имѣющіе личный характеръ, т.-к. въ нихъ исключительно говорится о данномъ лицѣ, но переносясь свои изслѣдованія въ Московскую Русь, т.-е. въ XVII ст., мы почти совершенно теряемъ этотъ видъ документовъ, приходится уже имѣть дѣло съ писцовыми книгами, десятнями, боярскими и другими списками и т. п., становится все болѣе затруднительнымъ узнавать женскія имена, въ большинствѣ случаевъ можетъ помочь одна лишь счастливая случайность. Здѣсь для того, чтобы узнать имя чьей ни-

будь жены приходиться дѣлать продолжительныя экскурсіи въ невѣдомыя дерби безчисленныхъ дѣлъ обширнаго вотчиннаго архива, экскурсіи весьма часто не дающія ровно никакихъ результатовъ, иногда же приходится довольствоваться однимъ голымъ именемъ безъ отчества и безъ дѣвичей фамиліи и радоваться даже такой скромной находкѣ. Яркимъ примѣромъ подобнаго безплоднаго блужданія могутъ служить мои собственные поиски дѣвичей фамиліи жены патріарха Іоакима Савелова, имя которой извѣстно по его житію, а фамилія все еще остается неизвѣстною, не смотря на то, что я собираю матеріалы для своего рода уже около 20 лѣтъ, для чего не мало просмотрѣно документовъ въ различныхъ архивахъ.

Чѣмъ дальше въ глубь—тѣмъ становится труднѣй, проходятъ нерѣдко годы въ безрезультатныхъ часто поискахъ какого нибудь имени и изслѣдователь, какъ путникъ, брашенный въ безплодной пустынѣ, не знаетъ куда направить свои поиски и съ безнадежною грустью смотритъ на пыльныя груды неразобраннаго и неописаннаго рукописнаго матеріала, таящаго можетъ быть въ своихъ нѣдрахъ желанные отвѣты на тѣ вопросы, которые его мучаютъ.

Особенно трудно, когда подходишь къ тѣмъ временамъ, когда еще у многихъ родовъ не сложилось фамильныхъ прозваній, а это было еще не такъ давно—XV-ое и даже XVI-ое ст. застаютъ еще нѣкоторые роды безъ установившихся фамилій, достаточно указать такой знатный и игравшій крупную роль родъ Романовыхъ, избранный въ началѣ XVII ст. на Московскій престолъ, а въ теченіе XVI ст. перемѣнившій нѣсколько фамильныхъ прозваній, т. к. каждое поколѣніе именовалось именемъ дѣда.

Въ подобныхъ случаяхъ большую помощь могутъ оказать писцовыя книги, гдѣ указаны земельныя владѣнія и гдѣ въ случаѣ совпаденія именъ и общности владеній, интересующихъ насъ лицъ, можно найти иногда одно или два новыхъ поколѣнія даннаго рода, но писцовыхъ книгъ древнѣе конца XV ст. мы не знаемъ, почему здѣсь уже приходится складывать свое оружіе и если нѣтъ какихъ либо, случайно уцѣлѣвшихъ, документовъ, то остается довольствоваться иногда тѣмъ, что „отцы и дѣды наши слыхали отъ отцовъ своихъ, что прародитель нашъ такой-то выѣхалъ изъ какой—нибудь нѣмецкой или тальянской земли и былъ въ чести т. д.“, т.-е. приходится погружаться въ полнѣйшій мракъ легендъ и преданій, недурно впрочемъ разрѣшающихъ всѣ темные вопросы о происхожденіи—выѣхалъ мужъ честенъ, обрадованный его появленіемъ у своего тропа, великій князь сей часъ

же женилъ его на своей дочери или сестрѣ, пожаловалъ нѣсколько вотчинъ, далъ въ кормленіе городъ—и родоначальникъ новаго знатнаго рода готовъ, а генеалогу остается признать себя побѣжденнымъ, если же этого не случится, то могутъ иногда получиться сюрпризы въ родѣ того, который произошелъ съ Яномъ Кучюкомовичемъ Головкинымъ, выѣхавшимъ изъ Польши и оказавшимся по изслѣдованію Н. П. Лихачева, кореннымъ вотчинникомъ Бѣжецкаго уѣзда Иваномъ Анисимовичемъ и далеко не единственнымъ уже представителемъ семьи Головкиныхъ, достаточно уже разросшейся въ исходѣ XIV ст., но для того, чтобы доказать вздорность легенды о выѣздѣ—необходима счастливая случайность, что бываетъ крайне рѣдко, а въ большинствѣ же случаевъ изслѣдователь стоитъ передъ выѣздомъ, какъ передъ стѣной, которую нельзя ни обойти ни перелезть.

Указать прямо, что необходимо для составленія той или другой родословной невозможно, т.-к. матеріалъ слишкомъ обширенъ, одинъ Московскій архивъ Мин. Юстиціи можетъ потребовать многіе годы для обозрѣнія матеріаловъ для одного только рода, я же постараюсь только ознакомить въ общихъ чертахъ съ имѣющимся у насъ матеріаломъ и укажу, что можетъ дать тотъ или другой видъ историческихъ источниковъ, а дальнѣйшее же пользованіе ими будетъ зависить отчасти отъ извѣстнаго архивнаго чутья, которое вырабатывается при занятіяхъ въ архивѣ, а иногда и просто отъ счастья изслѣдователя, но это уже совершенно не поддается никакому учету. Несомнѣнно, когда наши архивы будутъ разобраны, научно описаны и къ описямъ будутъ составлены подробные алфавиты, когда фамильные архивы также будутъ приведены въ извѣстность и порядокъ и станутъ доступны изслѣдователямъ—тогда чутья и счастья потребуется въ значительно меньшей дозѣ и можно будетъ идти въ архивъ съ большею увѣренностью найти необходимыя свѣдѣнія. А пока намъ остается работать ощупью, надѣясь на наше счастіе.

IV.

Для того, чтобы родословіе было научно обосновано—должны быть сдѣланы ссылки на тѣ источники, откуда почерпнуто то или другое свѣдѣніе—безъ этого оно не можетъ считаться достовѣрнымъ, а слѣдовательно и самое родословіе не является въ этомъ случаѣ научнымъ.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ дѣлаетъ слѣдующее опредѣленіе источниковъ: „Въ обширномъ смыслѣ слова историческій источникъ есть всякій остатокъ старины, будетъ ли это сооруженіе,

предметъ искусства, вещь житейскаго обихода, печатная книга, рукопись или, наконецъ, устное преданіе".

Для разъясненія родословныхъ росписей, для доказательства ихъ исторической вѣрности и, наконецъ, для ихъ обработки въ качествѣ историческаго матеріала генеалогу необходимо подробное изученіе тѣхъ государственныхъ, юридическихъ и семейныхъ документовъ и памятниковъ, на которыхъ основаны эти росписи и родословія, а необходимость подобнаго изученія вводитъ изслѣдователя въ обширный кругъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ, послужившихъ или долженствующихъ еще послужить для изслѣдованія исторіи той или другой семьи. Для того, чтобы войти въ болѣе близкое знакомство съ источниками русскаго родословія, намъ прежде всего необходимо классифицировать эти источники, а затѣмъ уже перейти и къ самому ихъ изученію. Главныхъ видовъ источниковъ 3: устные, вещественные и письменные.

1. Устными называются преданія, легенды и т. д., съ этимъ видомъ памятниковъ постоянно приходится встрѣчаться русскому генеалогу, т. к. рѣдкій русскій родъ древняго происхожденія не имѣетъ въ основаніи своемъ какой-нибудь легенды ни на чемъ не основанной и не могущей быть провѣренною, но часто до того входящей въ сознаніе представителей рода, что считается вполнѣ достовѣрною. Случается это впрочемъ и въ жизни народовъ, гдѣ легенда, почему-нибудь пріятная для народнаго самосознанія, облекается въ реальную форму и пріобрѣтаетъ видъ историческаго событія,—какъ характерный примѣръ этого можемъ указать швейцарскую легенду о Вильгельмѣ Теллѣ, въ этихъ случаяхъ: „Миѳы не произведеніе лица, а творчество народа; они сопутствуютъ народному развитію, живутъ и дѣйствуютъ съ народомъ; они умираютъ, когда общество, облекшись въ одежду свѣтскости, становится вполнѣ политическимъ" (Куторга. Ж. М. Н. П. 1868. III. 862—3), тоже происходитъ и съ родовыми легендами, они составляютъ произведеніе цѣлаго ряда поколѣній, сроднившихся съ ними и поколебать ихъ въ этомъ вѣрованіи невозможно. Этотъ видъ источниковъ считается недостовѣрнымъ, что можно ясно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, взятыхъ нами изъ области русской генеалогіи: Багратъ—первый предокъ рода князей Багратіоновъ, происшедшій отъ Царя Давида Израильскаго, прибылъ изъ Филистіи въ Грузію, въ 575 году отъ Р. Х., принялъ крещеніе Православныя Восточныя церкви и имѣлъ въ супружествѣ Ферозисъ, сестру Грузинскаго Царя Мирдата Хастрояна.

Попробуйте доказать происхожденіе этого Баграта отъ Давида, при условіи, что родословіе достовѣрное доходитъ только до конца VIII ст., т.-е. на протяженіе 200 лѣтъ нѣтъ никакихъ данныхъ ни за, ни противъ.

Не менѣе красиво родословіе Жуковыхъ, предокъ котораго грекъ Іоаннъ Самолвинъ былъ современникомъ Владиміра Святого, а первое историческое извѣстіе объ этомъ родѣ мы встрѣчаемъ лишь въ XV ст., къ тому же времени, т.-е. ко Владиміра Св. принадлежитъ начало рода Философовыхъ, предокъ которыхъ Марко Философъ выѣхалъ изъ Македонскихъ предѣловъ.

Крайне интересна легенда о родоначальникѣ Романовыхъ, Шереметевыхъ, Кобылиныхъ, Сухово-Кобылиныхъ, Колычевыхъ, Коновницыныхъ, Яковлевыхъ, Неплюевыхъ, Лодыгиныхъ, Боборыкиныхъ, Мотовиловыхъ, Грабежовыхъ, Воробьиныхъ, Трусовыхъ, Беззубцовыхъ, Кокоревыхъ, Епанчиныхъ, они производятъ себя отъ короля Прусскаго Вейдевута, наслѣдовавшаго въ 305 г. престолъ отъ старшаго брата Прутено—IV и XIII ст., когда считается, что выѣхалъ ихъ родоначальникъ Гланда Камбила Дивоновичъ съ сыномъ, прозваннымъ Андреемъ Ив. Кобылой—это дистанція такого размѣра, что говорить о какихъ бы то ни было историческихъ доказательствахъ весьма трудно и приходится вѣрить, не разсуждая и допуская о существованіи въ IV ст. Прусскихъ королей.

Интересны также показанія нѣкоторыхъ родовъ, что они происходятъ отъ знатныхъ литовскихъ выходцевъ XIV ст., но если мы просмотримъ завѣщаніе кн. Ив. Юрьев. Патрикѣевича, то среди его слугъ, и часто даже несвободныхъ, мы встрѣтимъ лицъ, носящихъ прозванія одноименныя съ знатными мужами семейныхъ легендъ. Это завѣщаніе заслуживаетъ особаго изученія со стороны генеалоговъ. Но пальма первенства принадлежитъ роду Лыщинскихъ, которые происходятъ отъ нѣкоего Корчака, жившаго до Р. Х. и происходившаго въ свою очередь отъ Озириса, сына Хама и внука Ноя. Въ родословной Лыщинскихъ, изд. въ 1907 г., мы въ одномъ колѣнѣ имѣемъ в. к. русскихъ, императоровъ Византійскихъ, Римскихъ и Германскихъ, королей Шведскихъ, Прусскихъ, Польскихъ, Датскихъ, Англійскихъ, Чешскихъ, Норвежскихъ и скромныхъ пастуховъ. Такимъ образомъ въ русской генеалогіи мы имѣемъ 2 рода, ведущихъ свое происхожденіе отъ Адама и имѣющихъ общаго родоначальника въ лицѣ Ноя.

Проф. Иконниковъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣляетъ что такое преданіе: „Преданія представляютъ первоначальный

источникъ историческаго знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый элементъ исторіи, но сами по себѣ они не составляютъ этой послѣдней. Чѣмъ долѣе преданія остаются предметомъ устной передачи, тѣмъ болѣе они подвергаются постороннимъ дополненіямъ и произвольнымъ измѣненіямъ. Часто поэзія и исторія бываютъ перемѣшаны между собою такъ, что ихъ трудно отдѣлить другъ отъ друга."

2. Памятники вещественные, къ нимъ принадлежатъ монеты, медали, надгробные памятники, церковные предметы и т. п. Этотъ видъ памятниковъ бываетъ иногда очень цѣннымъ. Для родовъ не царскихъ пользоваться приходится церковными предметами и надгробными памятниками, первые даютъ имена жертвователей, при чемъ бываютъ случаи, что предметъ жертвованъ отъ цѣлой семьи, имена которой и вырѣзаны на немъ, надгробные надписи даютъ намъ даты смерти даннаго лица, а иногда и рожденія и служебнаго положенія, такъ на одномъ древнемъ крестѣ было помѣщено извѣстіе о службѣ окольничаго Арт. Вас. Измайлова въ смутное время, на одномъ образѣ мы находимъ „слово похвальное пресвятыя Владычицы Богородицы и Присно-дѣвы Маріи чудотворнаго ея образа Одигитріи, яже избави градъ Устюжну отъ безбожныхъ ляховъ и нѣмцевъ".

Но, къ сожалѣнію, эти памятники у насъ также не въ фаворѣ, церковные сосуды съ древними надписями переливаются и пріобрѣтаютъ новый и щегольскій видъ, теряя значеніе историческаго памятника, т. к. надписи на нихъ не сохраняются. „Церковныя древности, говоритъ проф. Иконниковъ, не смотря на болѣе значительную прочность въ отношеніи сбереженія, подвергались нерѣдко самымъ безцеремоннымъ передѣлкамъ, разрушеніямъ и даже полному уничтоженію." Теперь правда повсюду учреждаются церковно-археологическіе музеи, но если мы припомнимъ недавній примѣръ съ Смоленскимъ музеемъ, то должны признать, что и они не служатъ достаточною гарантіей для сбереженія церковной старины.

Не въ лучшемъ положеніи и надгробные памятники, ихъ разбиваютъ на щебень, они идутъ на кладку стѣнъ и т. п., мнѣ, напримѣръ, извѣстенъ случай, когда надгробный камень одного изъ дѣятелей смутнаго времени служилъ для банныхъ цѣлей. Гдѣ, спросимъ мы, большинство надгробій защитниковъ Троицкой Лавры отъ поляковъ? Говорятъ, что большое ихъ число пошло на кладку стѣнъ, но неужели Лавра не могла найти для этого другого матеріала и сберечь то единственное, что напоминало о тѣхъ, которые положили животъ свой, защищая народную свя-

тыню и если это сдѣлала богатѣйшая изъ русскихъ обителей, то что же можно ожидать отъ болѣе бѣдныхъ монастырей.

До послѣдняго времени надгробныя надписи почти не были извѣстны, т. к. если о нихъ и сообщалось, то сообщенія эти были разбросаны по многочисленнымъ описаніямъ монастырей и церквей, при чемъ сообщенія были очень кратки и въ большинствѣ случаевъ приводился голый перечень фамилій, представители которыхъ покоятся на монастырскомъ кладбищѣ.

Только послѣднее время появились изданія, посвященныя надгробнымъ надписямъ — таковы С.-Петербургскій Некрополь Саитова и громадный трудъ, предпринятый в. к. Николаемъ Михаиловичемъ „Московскій Некрополь“, но вѣдь это незначительная часть всего того, что разбросано по всей обширной русской землѣ и что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего описателя, потому что каждый истекшій годъ разрушаетъ извѣстную часть памятниковъ. А вѣдь каждый изъ насъ можетъ указать цѣлый рядъ забытыхъ могилъ въ захолустныхъ монастыряхъ, деревенскихъ церквахъ и заброшенныхъ усадьбахъ и при нашемъ равнодушіи трудно ожидать, чтобы онѣ когда-нибудь дождались своей очереди быть описанными раньше чѣмъ будутъ употреблены для какихъ-нибудь хозяйственныхъ или иныхъ цѣлей.

Къ памятникамъ вещественнымъ принадлежатъ также и родовые гербы, но въ Россіи они не могутъ имѣть никакого значенія, т. к. не составляютъ продукта народной жизни и привиты намъ совершенно искусственно только въ XVIII ст. и представляютъ только неудачный сколокъ съ западнаго обычая, имѣвшаго свое основаніе въ прошломъ.

3. Третій видъ источниковъ—это письменные памятники, это самый главный, самый многочисленный и безусловно самый цѣнный видъ источниковъ. Этотъ видъ памятниковъ можно подраздѣлить еще на три вида: 1) оффиціальный, 2) историческій и 3) семейный.

Оффиціальными источниками называются документы и акты, исходящіе отъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, къ таковымъ принадлежатъ метрическія свидѣтельства о рожденіи, бракѣ, смерти, послужные списки, разные крѣпостные акты и т. п.

Историческими—считаются различнаго вида документы общаго значенія: лѣтописи, разрядныя книги, родословцы, писцовыя книги, десятни и т. п., къ болѣе подробному опредѣленію каждаго изъ этого вида документовъ я возвращусь при описаніи архива Мин. Юстиціи, въ массѣ хранящаго ихъ у себя.

Семейными — считаются воспоминанія, записки, частная переписка, духовныя завѣщанія, рядныя и сговорныя записи и т. п., изъ этого рода документовъ болѣе всего даютъ свѣдѣній духовныя завѣщанія, которыя указываютъ имена семьи завѣщателя и его имущественное положеніе. Здѣсь мы можемъ извлечь женскія имена, которыя составляютъ слабую сторону русскихъ родословій, гдѣ онѣ большею частью блещутъ своимъ отсутствіемъ, въ этомъ же отношеніи интересны также сговорныя записи, при заключеніи которыхъ присутствовали обыкновенно родственники съ обѣихъ сторонъ. Рядныя крайне интересны съ бытовой стороны, т. к. сообщаютъ о принадлежностяхъ домашняго и хозяйственнаго обихода.

Въ духовныхъ завѣщаніяхъ иногда встрѣчаются крайне интересныя свѣдѣнія, какъ яркій примѣръ такового служитъ завѣщаніе кн. Ив. Юрьев. Патрикѣева 1498 г. (С. Г. Г. Д. I), которое требуетъ особаго генеалогическаго изслѣдованія, т. к. наводитъ на нѣкоторое размышленіе о тѣхъ именахъ, которыя мы въ немъ встрѣчаемъ и которыя могутъ оказаться далеко не чуждыми нѣкоторымъ нашимъ дворянскимъ родамъ литовскаго происхожденія.

Всѣ памятники въ качествѣ историческихъ доказательствъ можно раздѣлить, кромѣ того, еще на двѣ категоріи: прямыхъ и косьвенныхъ.

Прямыми называются всѣ произведенія письменности и изображенія искусства, которыя сдѣланы съ цѣлью непосредственно отмѣтить, описать или представить какое-нибудь событіе изъ жизни того или другого лица, т.-е. такіе источники, которые прямо относятся къ данному лицу.

Косьвенными называются тѣ источники, которые говорятъ о данномъ лицѣ въ общихъ выраженіяхъ, имѣя общественный характеръ; къ этому виду памятниковъ принадлежитъ большинство изъ второго вида указанныхъ только что историческихъ памятниковъ. Оффиціальные и семейные памятники въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ категоріи прямыхъ доказательствъ.

Оффиціальные источники считаются самыми достовѣрными, т. к. опредѣленно говорятъ о данномъ лицѣ, хотя можно указать случаи невѣрнаго изложенія фактовъ и въ оффиціальныхъ документахъ. Проф. Иконниковъ прямо говоритъ, что „оффиціальный характеръ документа нисколько еще не обезпечиваетъ насъ отъ невѣрной передачи факта“, при чемъ приводитъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Но генеалогу въ этомъ отношеніи приходится быть менѣе осторожнымъ, чѣмъ вообще историку, т. к. оффиціальные документы, съ которыми, большею частью, приходится

намъ имѣть дѣло—это метрическія записи о рожденіи, о бракѣ, о смерти, послужные списки и т. п.; здѣсь невѣрность можетъ быть только случайною, тогда какъ въ документахъ общаго, иногда политическаго, характера подобныя невѣрности могутъ быть допущены и умышленно. Но это еще не значитъ, что генеалогу совершенно не слѣдуетъ относится критически и скептически къ тѣмъ матеріальнымъ оффиціальнаго характера, которые попадутъ къ нему въ руки,—напротивъ, извѣстное критическое отношеніе необходимо. Русскому генеалогу приходится, напримѣръ, имѣетъ дѣло съ серіею оффиціальныхъ документовъ, которые обязательно требуютъ провѣрки и провѣрки самой тщательной—это Общій Гербовникъ Дворянскихъ родовъ, гдѣ помѣщены иногда самые нелѣпые вымыслы, признанные нашей Герольдіей за историческіе факты, но объ Общемъ Гербовникѣ я скажу въ своемъ мѣстѣ, т. к. онъ заслуживаетъ особаго къ себѣ вниманія и разбора, именно благодаря своему оффиціальному происхожденію, что даетъ ему право считаться неоспоримымъ документомъ.

Второй видъ письменныхъ памятниковъ—историческій требуетъ къ себѣ также критическаго отношенія, хотя также принадлежитъ, въ большинствѣ случаевъ, къ источникамъ вполнѣ достовѣрнымъ, будучи весьма часто оффиціальнаго происхожденія, какъ, напримѣръ, писцовыя и разрядныя книги и т. п.; но дѣло въ томъ, что эти документы не всегда категорически говорятъ о данномъ лицѣ и нерѣдко нужно провѣрить, къ кому именно относится то или другое сообщеніе. Къ подробному описанію этого вида памятниковъ, какъ я уже говорилъ, мы вернемся впослѣдствіи.

Третій видъ письменныхъ памятниковъ—это памятники семейные. Это крайне интересный видъ источниковъ, но и самый сомнительный и требующій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особой и самой тщательной провѣрки. Чѣмъ больше изслѣдователь проявитъ къ этому виду источниковъ скептитизма, тѣмъ будетъ лучше для дѣла.

Особенно отличаются невѣрностями воспоминанія, записки и отчасти письма, если они не имѣютъ совершенно частнаго или родственнаго характера, здѣсь мы часто встрѣчаемся съ умышленнымъ искаженіемъ истины.

Напримѣръ, Наполеонъ I о дѣлѣ герцога Ангіенскаго говорилъ совершенно различно, въ зависимости отъ того, съ кѣмъ онъ велъ бесѣду или переписку—и это, конечно, не единственный примѣръ—да оно и вполнѣ понятно: каждый, пишущій свои воспоминанія или даже простое письмо невольно поддается своихъ

симпатій или антипатій и, можетъ быть, даже противъ своего желанія, придаетъ совершенно иную окраску событій, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Но несмотря на это, все же подобные памятники крайне интересны, это именно то, что можетъ изслѣдователю открыть душу, показать внутреннее я автора и что неуловимо въ документахъ историческаго и оффиціальнаго характера. Особенно, конечно, интересны письма къ близкимъ людямъ, гдѣ нельзя ожидать фальши или умышленнаго искаженія фактовъ. „Самыя полныя, самая искреннія записки, говоритъ кн. П. А. Вяземскій, не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышутъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающейся рукою.... Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея“ и съ этимъ безусловно нельзя не согласиться, здѣсь въ письмахъ и можно уловить ту духовную сторону жизни нашихъ предковъ, которую не дастъ намъ ни одинъ изъ правительственныхъ архивовъ, какъ бы богатъ и разнообразенъ по своему содержанію онъ ни былъ. Только въ письмахъ, повторяю, высказывается душа автора, только въ нихъ мы можемъ увидать то, что гнѣздится въ ея тайникахъ, только въ письмахъ выступаетъ личность ихъ автора безъ всякихъ покрововъ и прикрасъ. Мы имѣемъ прекрасное выраженіе, по этому поводу, Плинія младшаго (Письма, IV, 16): „Иное дѣло писать письмо или исторію; иное дѣло писать для публики или для друга.“ Подобнымъ значеніемъ частной переписки и можно объяснить частое уничтоженіе ея передъ смертію, нерѣдко уничтожается переписка съ такими лицами, которыя играли выдающуюся роль, и письма которыхъ могли бы дать драгоцѣнный и незамѣнимый матеріалъ для историка и бытописателя. Какъ примѣръ подобнаго уничтоженія можно указать на гр. В. Г. Орлова, уничтожившаго всю свою переписку съ братьями съ 1775 г.

Этотъ видъ источниковъ не имѣетъ цѣны, но къ фактамъ, сообщаемымъ въ нихъ, должна быть приложена самая тщательная и строгая критика. Къ болѣе подробному обозрѣнію источниковъ и литературы русскаго родословія и къ объясненію различныхъ видовъ документовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло русскому генеалогу, я перейду послѣ ознакомленія вкратцѣ съ происхожденіемъ и составомъ русскаго дворянства, которое является пока единственнымъ объектомъ русской генеалогіи, а также краткимъ обзоромъ западнаго дворянства, который необходимъ, чтобъ сдѣлать сравненіе, какъ оно складывалось у насъ и на западѣ.

Теперь же я скажу нѣсколько словъ о русскихъ фамильныхъ и семейныхъ архивахъ и собраніяхъ, долженствующихъ играть немаловажную роль въ генеалогическихъ изысканіяхъ. Къ сожалѣнію далеко не о всѣхъ архивахъ мы имѣемъ свѣдѣнія, не мало ихъ, конечно, указано проф. Иконниковымъ въ его Исторіографіи, но несомнѣнно у него есть пропуски и не можетъ ихъ не быть, т. к. о многихъ мелкихъ собраніяхъ никогда ничего не попадало въ печать, или же если и попадало, то въ провинціальные органы печати; кромѣ того послѣ изданія Исторіографіи прошло около 20 лѣтъ, почему является настоятельная необходимость въ печатномъ указателѣ всѣхъ частныхъ и семейныхъ архивовъ и собраній и громадную услугу оказалъ бы тотъ, кто взялъ на себя эту, правда тяжелую и крайне кропотливую, но весьма благодарную работу. Всякій ученый прекрасно знаетъ, какъ облегчаютъ работу подобные указатели, сберегая дорогое время, уходящее иногда на безплатные розыски. А этимъ мы также не можемъ похвастаться, назовемъ труды Межова и должны остановиться.

Кромѣ архивовъ правительственныхъ и общественныхъ, проливающихъ намъ свѣтъ на нашу политическую и общественную исторію, дающихъ намъ картину общественной дѣятельности нашихъ предковъ, т.-е. представляющихъ прошлое нашего отечества, такъ сказать, съ внѣшней, показной стороны—мы къ счастію имѣемъ еще другой видъ архивовъ, въ нѣдрахъ которыхъ заключены матеріалы для исторіи быта, для исторіи внутренней, семейной жизни нашихъ предковъ.

Я говорю о фамильныхъ и семейныхъ архивахъ, вносящихъ жизнь въ оффиціальныя, большею частью сухія, сообщенія правительственныхъ архивовъ.

Гдѣ нѣтъ исторіи родовъ, городовъ и учрежденій, тамъ, говорятъ намъ, не можетъ быть и общей исторіи,—гдѣ нѣтъ частныхъ, семейныхъ архивовъ, тамъ, прибавлю я, не можетъ быть возстановлена и полная картина быта нашихъ предковъ. Вотъ причина, почему изслѣдователь родной старины обязанъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ тѣмъ немногимъ остаткамъ семейной, письменной старины, которая только въ отрывкахъ дошла до насъ. Частными архивами Россія не была никогда особенно богата, все же мы можемъ указать на существованіе собраній книгъ и рукописей и въ древней Руси. Напримѣръ мы имѣемъ свидѣтельство Павла Джовіо или Іовія, жившаго въ концѣ XV и первой половинѣ XVI ст., что въ домахъ московскихъ бояръ можно было найти сочиненія отцовъ церкви, лѣтописи, исторіи Александра Македонскаго, римскихъ Кесарей, Антонія и Клеопатры,

писанныя на русскомъ языкѣ; Максимъ Грекъ привезъ въ Россію греческія книги и изданія Альдо Мануччи, до насъ дошла опись книгъ Михаила Игнатьевича Татищева, извѣстнаго дѣятеля смутнаго времени, у одного изъ Головиныхъ временъ Іоанна Грознаго было „множество книгъ латинскихъ и нѣмецкихъ“, которыя послѣ его смерти порешли къ его брату Ѳедору Головину. Всѣ эти примѣры говорятъ намъ, что фамильныя библіотеки и архивы существовали у насъ и въ древности и только небрежность послѣдующихъ поколѣній не сохранила намъ ихъ остатковъ. Интересенъ взглядъ на этотъ предметъ извѣстнаго знатока древняго быта нашихъ предковъ И. Е. Забѣлина: „Въ фамильныхъ архивахъ, говоритъ онъ, письма предковъ, ихъ родословныя, разрядныя, по которымъ они когда-то считали и взвѣшивали свою службу, свое значеніе въ допетровскомъ свѣтѣ, даже царскія къ нимъ письма стали насъ мало интересовать. Перебирая всѣ эти тлѣющія курьезности отжившаго времени, съ которымъ мы, разставшись навсегда, не хотѣли имѣть уже ничего общаго, мы выбрали для себя только болѣе существенныя бумаги; это такъ наз. крѣпости, акты, документы, утверждавшіе владѣніе населенными землями, домами и т. п. Великую важность этихъ бумагъ нельзя было не понять: онѣ обезпечивали тѣ средства, на которыя пріобрѣтали если не дѣйствительную образованность и просвѣщеніе, то по крайней мѣрѣ ту внѣшность людей образованныхъ, которая, на первый случай, должна была скрывать нашу русскую лѣнь и неохоту къ ученью. Вотъ почему почти всѣ фамильные наши архивы наполнены большею частью документами только этого рода, т.-е. крѣпостями и вообще бумагами, которыя остались отъ этого крѣпостного дѣлопроизводства и вотъ почему всѣ историческіе дорогіе памятники, эти домашніе клейноды, подвергались самой печальной участи. Такъ, напр., знаменитая грамота, данная въ 1613 г. земскимъ совѣтомъ кн. Д. Т. Трубецкому на богатую область Вагу со всѣми волостями, за труды, понесенные имъ при очищеніи Московскаго Государства отъ ляховъ, писанная на большомъ пергаментномъ листѣ, съ собственными подписями членовъ Земской Думы, хранилась при Новиковѣ у князя П. Н. Трубецкого, а въ 1847 г. находилось въ собственности у частнаго лица, вотчиннаго повѣреннаго Брагина, который и принесъ ее въ даръ М. Общ. Ист. и Др. Рос. То же самое случилось и съ письмами ц. Алексѣя Михаиловича къ Матюшкину; они ходили, ходили по рукамъ и наконецъ куплены были С. А. Масловымъ, который передалъ ихъ гр. С. С. Уварову“.

Здѣсь И. Е. Забѣлинъ указываетъ на тоже варварское отношеніе къ своему прошлому, на что указывалъ и я. Результаты получились конечно весьма плачевные, погибла масса самаго драгоцѣннаго матеріала, погибло то, что, какъ я говорю, показываетъ душу нашихъ предковъ.

Изъ семейныхъ архивовъ болѣе крупными были: гр. Шереметевыхъ, приведенный въ порядокъ извѣстнымъ любителемъ старины графомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Ш., этимъ архивомъ воспользовался А. П. Барсуковъ для своей 8-ми томной монографіи о родѣ Шереметевыхъ, часть вотчиннаго архива Шереметевыхъ сдѣлалась въ 1906 г. жертвою освободительнаго движенія.

Архивъ Строгановыхъ, давшій матеріалъ для многихъ изслѣдованій и въ томъ числѣ имъ пользовался историкъ Миллеръ, который говоритъ, что „кромѣ Сибирскихъ архивовъ, особливо господа бароны Строгановы, яко любители наукъ, какъ письменныя, такъ и изустныя извѣстія для Академіи ему благосклонно сообщали и къ немалому его вспоможенію попались ему въ руки письменныя сибирскія лѣтописи, которыя онъ употреблялъ съ пользою.“ Обширная библіотека Строгановыхъ принадлежитъ теперь Томскому университету.

Архивъ кн. Н. В. Репнина, хранящійся въ м. Яготинѣ Полтавской губ. содержитъ 1) фамильныя бумаги гр. Разумовскихъ, 2) фамильныя бумаги кн. Репнинъхъ, 3) матеріалы для исторіи Малороссіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ.

Архивъ Воронцовыхъ обхватываетъ весь XVIII вѣкъ и представляетъ цѣнный матеріалъ для исторіи этого столѣтія. П. И. Бартеневъ, подъ редакціей котораго издавался архивъ Воронцовыхъ, говоритъ, что „Лица семьи Воронцовыхъ преемственно дорожили своимъ прошедшимъ и сберегали какъ служебныя, такъ и частныя бумаги свои. Этимъ объясняется обиліе и разнообразіе Воронцовскаго архива, а равно и поводъ къ его обнародованію.“ Въ этомъ отношеніи, какъ мы видимъ, Воронцовы не были похожи на своихъ современниковъ и берегли то, что другіе уничтожали.

Обширенъ архивъ князей Куракиныхъ, представители которыхъ занимали видное положеніе въ XVIII и въ 1-ой четверти XIX ст., почему архивъ касается именно этого времени, крайне интересны въ немъ записки кн. Б. И. К., свояка Петра I. Архивъ этотъ помѣщался въ родовомъ имѣніи К., въ селѣ Надеждинѣ Сердобскаго у. Саратовской губ., а во время разрухи 1905—07 гг. перевезенъ въ Москву, а знаменитый Надеждинскій дворецъ передѣланъ въ суконную фабрику. Архивъ описанъ В. Н. Смольяни-

новымъ и отчасти изданъ, по сіе время вышло 10 т.т. архива и 3 т. Сборника.

Архивъ кн. Голицыныхъ, касающійся XVIII ст., переданъ въ Московскій архивъ Мин. Иностр. Д.; графовъ Уваровыхъ, въ составъ котораго вошла также часть семейнаго архива гр. Кир. Гр. Разумовскаго, хранится въ Порѣчьѣ и описанъ. Часть документовъ, относящихся къ XV—XVII вв., издана, въ Уваровскомъ архивѣ имѣется нѣсколько весьма интересныхъ родословцевъ; родъ Колычевыхъ, собранный бар. М. Л. Боде-Колычевымъ и принадлежащій гр. Н. М. Соллогубъ; кн-ни Мещерской въ селѣ Дугинѣ Сычевск. у., Смоленской г.; кн. Репниныхъ въ Яготинѣ Пирятинск. у., Полтавск. г.; гр. Милорадовича въ Любечѣ Черниговской г., частью изданный; гр. Мордвиновыхъ; кн. Прозоровскаго-Голицына, хранившійся въ его дворцѣ, въ Зубриловкѣ, Балашовск. у., Саратовск. г., варварски уничтоженномъ въ дни освободительнаго движенія; гр. Мусиныхъ-Пушкиныхъ въ селѣ Стольномъ, Черниговск. г.; Бутурлиныхъ; Сотороженокъ; Полетикъ; Дорошенокъ; Марковичей въ Глухов. у., Черниговск. губ.; Ханенокъ; Галагановъ; Забѣлъ; Горленокъ; Сулимовскій архивъ, охватывающій семьи Есимонтовскихъ, Скорупъ и Войцеховичей; Левшиныхъ; Болотовыхъ; Полянскихъ; Трощинскихъ; Кашкиныхъ въ с. Нижнихъ Прыскахъ Козельскаго у., Калужской г., содержащій въ себѣ семейные архивы нѣсколькихъ родственныхъ фамилій и крайне интересный по содержанію, кое что изъ него было издано въ различныхъ изданіяхъ; небольшое, но интересное собраніе семьи карачевскихъ-Масловыхъ; Власьевыхъ, принадлежащій автору „Потомство Рюрика“ Г. А. Власьеву; небольшое собраніе бумагъ рода Костюриныхъ, принадлежащее Истор. Родосл. Общ., ему же принадлежитъ собраніе бумагъ рода Бибиковыхъ.

На сколько семейные архивы могутъ представлять общій историческій интересъ—достаточно взглянуть на описаніе архива гр. Уварова. Я указалъ здѣсь, конечно, весьма незначительную часть еще уцѣлѣвшихъ архивовъ, но изъ указанныхъ только небольшое число принадлежитъ, къ большимъ, устроеннымъ архивамъ, большинство же скорѣй могутъ быть названы семейными собраніями. Подробный обзоръ фамильныхъ архивовъ сдѣланъ во 2 ч. 1-го тома Опыта Русской Исторіографіи проф. Иконникова, обзоръ этотъ занимаетъ 277 стр., что говоритъ о томъ, что не оскудѣло еще наше отечество архивнымъ матеріаломъ, много его еще уцѣлѣло, не смотря на упорное его уничтоженіе. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ семейныхъ архивахъ разбросаны по трудамъ архивныхъ коммиссій, статистическихъ комитетовъ, въ губернскихъ и

епархіальныхъ вѣдомостяхъ, что не мѣшало бы собрать въ едино, или хотя бы составить указатель. Но терять времени нельзя; частные архивы служатъ незамѣнимымъ подспорьемъ и дополненіемъ къ правительственнымъ архивамъ и ихъ необходимо сберечь для науки, но каждый годъ уноситъ извѣстную часть: что горитъ, что гніетъ, что просто уничтожается, въ виду отсутствія интереса. На сколько еще много сохранилось старинныхъ документовъ и свитковъ, видно было эти два послѣдніе года, когда, благодаря повольной продажѣ старинныхъ дворянскихъ гнѣздъ, на рынокъ была выброшена цѣлая масса рукописей; мнѣ лично удалось за одинъ 1907 г. пріобрѣсти нѣсколько сотъ столбцовъ. Но это—случай, хотѣлось бы, чтобы собираніе архивныхъ остатковъ пошло не случайнымъ, а правильнымъ путемъ, чтобы они сосредоточивались не въ частныхъ рукахъ, что грозитъ имъ опять очутиться въ рукахъ продавцовъ, а въ рукахъ ученыхъ учрежденій, но для этого нужно возбудить въ ихъ владѣльцахъ если не интересъ къ этимъ, нерѣдко рваньмъ, лоскуткамъ, то хоть жалость, которая заставила бы ихъ передавать свои архивы въ ученые общества. Два года тому назадъ, на Владимірскомъ археологическомъ съѣздѣ, подъ вліяніемъ погибели вотчиннаго архива Шереметевыхъ во время аграрныхъ безпорядковъ, я выступилъ съ докладомъ, въ которомъ приглашалъ всѣхъ пересылать свои архивы на храненіе въ Академію наукъ, которая согласна была принять ихъ, докладъ мой былъ напечатанъ въ нѣсколькихъ газетахъ, но, увы, за 2 года никакихъ результатовъ не получилось и архивы продолжаютъ оставаться подъ опасеніемъ разгромовъ. На защиту письменной старины выступило и Московское археологическое общество, которое обратилось къ правительству съ просьбою, чтобы въ случаяхъ пріобрѣтенія Крестьянскимъ банкомъ старинныхъ дворянскихъ усадебъ, если тамъ найдутся рукописи, то чтобы онѣ передавались археологическому обществу. Дай Богъ, конечно, успѣха, но зная взгляды нашего чиновничества, которое является плотью отъ плоти нашего общества, можно съ увѣренностью сказать, что изъ этого ничего не выйдетъ, возможно, конечно, отдѣльные счастливые случаи, но на этомъ далеко не уѣдешь. Зная примѣры, когда должностныя лица и учрежденія (Смоленскій архіерей, Звенигородское полиц. управленіе и мн. др.) преспокойно уничтожаютъ старину имъ ввѣренную, думая, что они дѣлаютъ благое дѣло, то можно ли требовать отъ частныхъ лицъ, которые исторіи не вѣдаютъ, старины не цѣнятъ, болѣе серіознаго отношенія къ предметамъ, не имѣющимъ въ ихъ глазахъ никакой матеріальной стоимости.

Въ заключеніи припомню слова основателя перваго въ Россіи археологическаго института, такъ много сдѣлавшаго для русской археографіи, Н. В. Калачова: „Документы этихъ архивовъ, если можно ихъ такъ назвать, все болѣе и болѣе исчезаютъ; они гибнутъ не только съ каждымъ годомъ, а даже съ каждымъ днемъ. Небрежное отношеніе къ своимъ фамильнымъ бумагамъ частныхъ владѣльцевъ невѣроятно. Фамильные архивы, принимая это выраженіе въ буквальномъ и строгомъ его смыслѣ, у насъ собственно не существуютъ; но нѣтъ сомнѣнія, что намъ слѣдуетъ желать и всѣми силами стараться, чтобы не только сознаніе о нихъ у насъ выработалось и опредѣлилось, но чтобы фамильные архивы устроились и сдѣлались даже общедоступными“ (Сборн. арх. инст. V, 3—4, 28).

V.

На западѣ дворянство начало образовываться послѣ паденія Римской Имперіи, когда на ея развалинахъ стали возникать новыя государства, основанныя германцами, почему легче всего прослѣдить начало западнаго дворянства именно у германскихъ народовъ. У древнихъ германцевъ не было, собственно говоря, особаго высшаго сословія, но какъ и всегда и всюду болѣе энергичный членъ общества выдѣлялся изъ общей среды, получалъ нѣкоторыя преимущества передъ другими, этими преимуществами, конечно, пользовались, отчасти его дѣти, къ которымъ несомнѣнно предъявлялись со стороны толпы уже нѣкоторыя требованія, какъ отъ дѣтей лица, которое обладало выдающимися дарованіями, что въ свою очередь налагало на нихъ извѣстныя обязанности и результатомъ этого явился особый классъ людей благородныхъ, который и образовалъ вмѣстѣ съ землевладѣльческою знатью Римской имперіи, которую засталъ на мѣстахъ, высшій классъ почти во всѣхъ государствахъ западной Европы.

Паденіе Римской имперіи сильно отозвалось на положеніи королевской власти у германскихъ народовъ, съ этого времени начинается ея усиленіе, въ эту эпоху служеніе королю становится единственнымъ и главнымъ жизненнымъ факторомъ каждаго, кто хотѣлъ выдвинуться изъ общей массы. Король представлялъ изъ себя крупную силу и былъ окруженъ блескомъ славы и естественно каждый стремился быть освѣщеннымъ его лучами и получить частицу власти.

Сначала полученіе отличій было личнымъ, но постепенно они становились наслѣдственными, кромѣ того короли стали за службу награждать землями—бенефиціями, которые со временемъ превратились въ лены и феоды.

Бенефиціи въ началѣ ихъ возникновенія, т.-е. при Меровингахъ (481—752), были личными пожалованіями и сопровождали извѣстныя должности, каковыми были должности герцоговъ, маркграфовъ, пфальцграфовъ, графовъ, виконтовъ, бароновъ, пожалованіе которыхъ, какъ и отнятіе было всецѣло въ рукахъ королей, въ этихъ бенефиціяхъ мы можемъ найти большое сходство съ древнерусскимъ помѣстнымъ правомъ. Позднѣй, при Каролингахъ (752—987), все чаще и чаще личныя должности стали превращаться въ наслѣдственныя, бенефиціи сливались съ личнымъ имуществомъ и превращались въ наслѣдственные лены, которые дѣлались центрами, около которыхъ группировалось сельское населеніе, т.-е. превращались въ хорошо знакомыя на Руси вотчины.

Крупный помѣщикъ, занимавшій какую нибудь королевскую должность, являлся у себя вмѣстѣ съ тѣмъ и представителемъ власти, а какъ это было обычнымъ, то постепенно землевладѣльческія права слились съ правомъ власти и ихъ начали разсматривать, какъ составныя части правъ всякаго крупнаго землевладѣнія. Тогда же крупные землевладѣльцы стали принимать на свои земли всѣхъ желающихъ, т.-е. стали въ свою очередь давать бенефиціи, въ замѣнъ которыхъ требовались вѣрность и служба. Такимъ образомъ образовывался классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые, хотя бы и не занимали королевскихъ должностей, пользовались по отношенію къ населенію, сидѣвшему на ихъ земляхъ, судебными, полицейскими, финансовыми и военными правами графовъ. Мѣстныя функціи государственной власти оказались въ рукахъ крупнаго землевладѣнія, пріобрѣвшаго крупное вліяніе на мѣстахъ, съ чѣмъ принуждена была считаться и королевская власть, давшая представителямъ землевладѣнія мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ.

Условія жизни превратили землевладѣльцевъ въ воиновъ, а ихъ вассаловъ въ ихъ дружину — патронатъ превращается въ сеніоріальность, помѣщикъ превращается въ государя, частновладѣльческая территорія превращается въ соціально-политическое государство, которое можетъ существовать и отдѣльно, но борьба за дальнѣйшее вліяніе заставляетъ уступать сильнѣйшему и соединяться въ отдѣльныя группы для взаимной обороны, результатомъ чего явились феодальныя государства, которыя покрыли своей сѣтью всю западную Европу, твердо сложившись уже въ XI ст., т.-е. послѣ распаденія монархіи Карла Великаго. Королевская власть теряетъ все больше свое значеніе и свою силу, которая переходитъ въ руки бывшихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, ставшихъ феодальными государями, т.-е. на Западѣ мы видимъ

тоже, что было и на Руси въ періодъ ея раздѣленія на удѣльныя княженія.

Такъ складывалась въ общихъ чертахъ общественная жизнь на Западѣ.

Теперь мы перейдемъ къ краткому выясненію происхожденія дворянства въ главнѣйшихъ государствахъ и къ опредѣленію его сословнаго дѣленія.

Во Франціи въ вершинѣ феодальнаго зданія стоитъ рядъ феодальныхъ владѣній, владѣльцы которыхъ были обладателями полнаго суверенитета, это были герцоги: Нормандскій, Бургундскій, графы Анжу, Блуа, Шартрскій, Тулузскій, Прованскій и нѣкоторые другіе, во второмъ ряду стоятъ такъ называемыя титулованныя бароніи, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали духовнымъ лицамъ, далѣе идутъ виконтаты—эти три рода феодальныхъ владѣльцевъ несли обязательства, иногда чисто фиктивныя, передъ королемъ, въ самомъ же низу зданія стоятъ сеніоры, владѣльцы мелкихъ феодовъ, обязанные службой не королю, а кому нибудь изъ крупныхъ феодаловъ. Такое положеніе, конечно, должно было вызвать борьбу королей съ феодалами.

Борьба феодаловъ съ королевской властью продолжалась очень долго, но въ концѣ концовъ они должны были уступить и потерять свои суверенные преимущества и превратились въ придворную аристократію, сохранивши свои титулы герцоговъ, графовъ, маркизовъ, виконтовъ и бароновъ. Это былъ высшій слой французскаго дворянства, затѣмъ шло нетитуловавное дворянство, родословіе котораго доходило до 1400 г. — это такъ называемое феодальное дворянство, послѣ него идутъ роды, получившіе дворянство до 1789 г. и наконецъ роды, включенные въ дворянскіе списки въ 1789 г. послѣ провѣрки титуловъ, послѣднее не имѣетъ никакой цѣны, такъ какъ въ эти списки вносились всѣ присутствовавшіе на дворянскихъ собраніяхъ 1789 г. и противъ присутствія которыхъ никто не возражалъ, а также владѣвшіе дворянскими землями внѣ зависимости своего происхожденія. Во время первой французской революціи представители нѣкоторыхъ французскихъ дворянскихъ родовъ эмигрировали въ Россію и такимъ образомъ внесли и свою долю въ составъ русскаго дворянства. Кромѣ того изъ древнерусскихъ родовъ считаютъ себя происходящими отъ выходцевъ изъ Франціи Деремонтовы, Апухтины, Дивовы и Николевы.

Англія.

Государственное устройство въ Англіи въ общемъ походило на государственное устройство государствъ на континентѣ. Родовая организація ослабѣвала, а государственная власть только складывалась и не въ силахъ была охранять массу отъ насилія болѣе сильныхъ членовъ, естественнымъ результатомъ этого явился, какъ и на континентѣ, частный патронатъ,—слабая часть населенія ищетъ защиты у болѣе сильной, каковой являлись королевскіе дружинники (сначала гезлиты, затѣмъ тэны), превратившіеся въ сеніоровъ, глафордовъ и наконецъ лордовъ, которые постепенно пріобрѣли и власть надъ личностью свободнаго населенія; въ Правдѣ вэссекскаго короля Ини конца VII ст. есть такое выраженіе: „Если кто уйдетъ отъ своего лорда безъ позволенія или убѣжитъ тайно въ другое графство и будетъ найденъ, пусть возвращается туда, гдѣ былъ прежде, и заплатитъ своему лорду 60 шиллинговъ“, тамъ же говорится, что глафордъ въ случаѣ убійства зависимаго отъ него человѣка получаетъ выкупъ отъ убійцы, независимо отъ выкупа, уплачиваемаго семьѣ убитаго. Здѣсь мы видимъ, что правительство даже поощряло подобныя отношенія, которыя вытекали естественнымъ путемъ изъ неокрѣпшаго еще положенія правительства, которое нуждалось еще въ поддержкѣ болѣе сильной части населенія, почему и отдавало ему во власть слабѣйшихъ, что видно изъ словъ Правды короля Ательстана (около 930 г.): „Мы постановляемъ относительно тѣхъ не имѣющихъ глафордовъ людей, чтобы родственникамъ такого человѣка повелѣно было найти ему лорда“, т.-е. правительство страны не только допускало подобныя взаимоотношенія общественныхъ классовъ—оно ихъ поощряло и даже больше—принуждало ихъ къ этому, такъ какъ въ случаѣ неисполненія, указаннаго нами выше распоряженія, т.-е. если по истеченіи извѣстнаго срока человѣкъ не находилъ себѣ лорда-покровителя, то объявлялся внѣ закона и каждый могъ его безнаказанно убить. Постепенно права лордовъ увеличивались и населеніе, жившее на ихъ земляхъ, превратилось въ крѣпостное — въ вилановъ. Въ такомъ положеніи было государственное устройство въ тотъ моментъ, когда въ 1066 г. страна была завоевана Вильгельмомъ Завоевателемъ, который послѣ этого и явился единственнымъ распорядителемъ всѣхъ земель. Пришельцы принесли съ континента свои феодальныя идеи, но власть была уже настолько сильна и независима, что не дала сплотиться высшему классу, какъ это было въ другихъ странахъ, благодаря чему развитіе феодальнаго строя было пріостановлено и въ 1080 г. всѣ землевладѣльцы Англіи, чьими бы

они вассалами ни были, принесли присягу въ вѣрности королю Вильгельму-Завоевателю.

Въ исторіи Англіи извѣстно нѣсколько случаевъ попытки феодаловъ пріобрѣсти права, которыми пользовались ихъ собратья на континентѣ, но ихъ борьба всегда оканчивалась побѣдою королевской власти. Но несмотря на неудачи своихъ феодальныхъ стремленій высшіе классы въ Англіи, благодаря своей сословной сплоченности и тому, что владѣли и владѣютъ громадными земельными имуществами, которые не дробятся, а переходятъ къ старшему въ родѣ, сохранили и по настоящее время громадное вліяніе въ странѣ и составляютъ верхнюю палату—палату лордовъ.

О томъ, какъ смотрѣли на свои права англійскіе бароны—можно видѣть изъ словъ одного изъ нихъ—графа Уоренна, сказанныхъ имъ въ 70-хъ годахъ XIII ст. королевской коммиссіи, повѣрявшей земельные права, гр. Уореннъ поднялъ старый, заржавленный мечъ и при этомъ сказалъ: „Вотъ это, милорды, мое право. Предки мои пришли съ Вильгельмомъ Незаконнорожденнымъ (Завоевателемъ) и мечемъ завоевали свои земли; мечемъ и я буду защищать ихъ противъ всякаго, кто захочетъ завладѣть ими. Вѣдь король не самъ завоевалъ и подчинилъ эту страну, но съ нимъ участвовали и помогали ему наши прародители.“—Эта фраза вполнѣ характеризуетъ англійскаго лорда, который остался такимъ и въ позднѣйшее время.

Въ настоящее время англійское дворянство дѣлится на высшее и низшее. Въ составъ высшаго входятъ: 1) герцоги—21 англійскій и 7 шотландскихъ и ирландскихъ родовъ, 2) маркизы—20 родовъ, 3) графы—119 р., 4) виконты—25 р. и 5) бароны—274 рода.

Высшая шотландская и ирландская знать состоитъ изъ 262 членовъ, изъ которыхъ 135 состоятъ перами соединеннаго государства, которые впрочемъ особыми преимуществами теперь не пользуются.

Низшее дворянство носитъ названіе—„джентри“, къ которымъ примыкаютъ пожалованные наслѣдственнымъ титуломъ баронетовъ и кавалеры орденовъ.

Изъ древне-русскихъ дворянскихъ родовъ считаются происходящими изъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи: Брюсы, Кары, Лермонтовы, Бестужевы-Рюмины, Фаминцыны, Хомутовы.

Италія.

Италія уже въ древнѣйшія времена была страной крупныхъ землевладѣльцевъ, которые особенно усилились въ послѣдній періодъ Римской имперіи. Такой аграрный строй сильно укоренился въ странѣ и всѣ грозы, въ изобиліи пронесшіеся надъ страной, не могли измѣнить его, а напротивъ только усиливали значеніе крупныхъ земельныхъ собственниковъ, такъ какъ, между прочимъ, остготы не только не внесли никакихъ измѣненій въ сложившійся строй, а напротивъ—подчинились ему сами.

Нѣкоторое, и то временное, измѣненіе внесли Лангобарды (съ конца VI ст.), при нихъ на отобранныхъ земляхъ возникла мелкая собственность, но еще до переселенія въ Италію у самихъ Лангобардовъ начали проявляться зародыши родовой знати, которые, найдя подходящую почву на новомъ мѣстѣ, быстро развились, — около нихъ, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ, стали группироваться слабѣйшіе элементы, имъ подчинились и свободные германцы-владѣльцы, ариманы, превратившіеся со временемъ въ кабальныхъ людей—альдіоновъ, т.-е. мы видимъ тотъ же патронатъ, какой мы наблюдаемъ и въ другихъ странахъ Европы. Постепенно землевладѣльцы пріобрѣтаютъ политическія права, и когда связь съ Византіей ослабѣла въ концѣ IX ст., то они оказываются во главѣ феодальныхъ союзовъ, постепенно превратившихся въ отдѣльныя государства, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, каковы герцогства Беневентское, Капуанское, Сполетское и Фріульское быстро пріобрѣтаютъ полную политическую независимость, а затѣмъ уже и вся Италія покрывается мелкими самостоятельными государствами, во главѣ которыхъ стояли иногда и духовныя лица. Во главѣ Римской области стоялъ папа, окруженный знатью—сенаторами. Нѣкоторыя области превратились въ аристократическія республики въ родѣ Венеціи, имѣвшей во главѣ дожа и аристократическій сенатъ.

Папы не избѣгли участи государей въ другихъ странахъ. Происходя большей частью изъ среды римской знати, папы раздавали въ наслѣдственное пользованіе церковныя владѣнія своимъ родственникамъ и друзьямъ, которые и превратились постепенно въ феодальныхъ владѣльцевъ съ весьма призрачными обязательствами по отношенію къ папскому престолу. При Каролингахъ (IX—X ст.) сдѣлалось обычаемъ отдавать монастыри и церкви въ ленное владѣніе не только епископамъ, но и свѣтскимъ лицамъ и даже знатнымъ женщинамъ, позднѣе это стало неизбѣжнымъ, такъ какъ приходилось заботиться о безопастности своихъ владѣній, которые постоянно подвергались нападеніямъ и были въ

большей безопастности, находясь подъ покровительствомъ сильныхъ бароновъ или епископовъ.

Таково было начало будущей итальянской аристократіи.

На свое итальянское происхожденіе указываютъ слѣдующіе древне-русскіе дворянскіе роды: Безднины, Елагины, Засѣцкіе, Кашкины, Нащокины, Нерыцкіе, Орферьевы, Ордыны-Нащокины, Офросимовы, Рохманиновы, Сіяновы, Тышкевичи, Вѣтреные, Панины, Корсаковы, Санти, Дурасовы, Грязново, Ошанины, Марины, Потемкины, Нерыцкіе, Анастасіевы, Чичерины.

Германія.

Въ Германіи феодализмъ развивался гораздо медленнѣе, чѣмъ во Франціи и Италіи, здѣсь существовала сильная королевская власть еще тогда, когда во Франціи и Италіи только что водворился феодальный порядокъ. Только въ серединѣ XIII ст., когда пала династія Гогенштауфеновъ, феодальныя стремленія аристократіи одержали верхъ надъ королевскою властью, результатомъ чего и было, что въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ вся Германія раздробилась на множество отдѣльныхъ государствъ, государи которыхъ стали родоначальниками высшей германской аристократіи. Съ раздробленіемъ на отдѣльныя государства, вся Германія раздѣлилась на феодальныя элементы, такъ какъ каждый вассалъ могъ имѣть своихъ подвассаловъ и мы видимъ, что отъ короля, какъ высшаго леннаго господина, до самыхъ низшихъ слоевъ общества идетъ длинная лѣстница различныхъ политическихъ положеній. Въ XIII ст. былъ составленъ судебникъ, называемый Саксонскимъ зерцаломъ, который даетъ намъ цѣлую картину положенія различныхъ лицъ въ тогдашнемъ обществѣ или такъ называемый порядокъ щитовъ, по которому первый щитъ принадлежалъ королю, щиты второго ранга духовнымъ князьямъ, третьяго ранга — свѣтскимъ князьямъ, четвертаго — свободнымъ господамъ и т. д., т.-е. получается картина, сильно напоминающая намъ мѣстническіе распорядки высшаго служилаго класса древней Руси.

Къ этому времени относится и возникновеніе рыцарства, превратившагося въ послѣдствіи въ среднее дворянство.

Первые признаки будущаго рыцарства мы находимъ въ VIII ст. у франковъ, когда впервые появляется конное войско вассаловъ, получавшихъ землю подъ обязательствомъ конной службы, т.-е. помѣстья нашего служилаго класса, къ нимъ стали примыкать дворовые слуги крупныхъ феодаловъ, занимавшіе должности маршалковъ, сенешалей, шенковъ и т. п.; имѣвшіе общее названіе министеріаловъ, а съ XI ст. получившіе наимено-

ваніе динстманновъ, что опять таки напоминаетъ происхожденіе у насъ слова дворянинъ. Выгоды положенія динстманновъ побуждали вступать на службу феодальныхъ владѣльцевъ не только свободныхъ людей, но даже знатныхъ, что очень подняло значеніе динстманновъ, превратившихся въ динстхерренъ и слившихся со знатью, а при Гогенштауфенахъ этотъ классъ становится уже замкнутымъ и наслѣдственнымъ, доступъ въ него уже затрудненъ, требуется посвященіе въ рыцари владѣльцемъ феода, а затѣмъ и рыцаремъ.

Во времена крестовыхъ походовъ начали образовываться духовно-рыцарскіе ордена (XI—XIII ст.), одинъ изъ нихъ—Тевтонскій—сыгралъ большую роль въ исторіи Россіи, почему считаю необходимымъ на немъ нѣсколько остановиться.

Основанъ Тевтонскій орденъ въ 1128 г. въ Іерусалимѣ германцами съ цѣлью оказывать матеріальную помощь больнымъ и бѣднымъ паломникамъ германскаго происхожденія и назывался братствомъ св. Маріи Тевтонской, около 1189 г. онъ принимаетъ военный характеръ и вводитъ у себя уставъ Тампліеровъ, согласно котораго рыцарями этого ордена могли быть только лица знатнаго происхожденія, т.-е. военно-духовный орденъ превратился въ чисто аристократическое учрежденіе.

Въ 1228 г. тевтонскіе рыцари впервые появляются на берегахъ Вислы и постепенно распространяютъ свои завоеванія, уже черезъ нѣсколько лѣтъ имъ принадлежала Пруссія и побережье Балтійскаго моря, теперешній Прибалтійскій край, въ которомъ дѣйствовалъ Ливонскій орденъ, явившійся въ 1198 г. для борьбы съ язычниками и основавшій въ 1201 г. Ригу. Въ 1237 г. оба ордена, какъ преслѣдовавшіе одинаковыя цѣли, соединились, благодаря чему пріобрѣли огромное значеніе и силу; въ 1347 орденъ получилъ отъ папы буллу, которая освобождала его отъ ленной зависимости епископовъ, хотя фактически ея и не было, но съ этого времени орденъ получаетъ въ свои руки руководящее значеніе и становится единственнымъ распорядителемъ въ странѣ. Какъ извѣстно уже въ 1242 г. рыцари столкнулись съ русскими, которые подъ предводительствомъ Александра Невскаго нанесли имъ пораженіе на льду озера Пейпуса. Съ самаго начала XV ст. начинается упадокъ ордена, который постепенно теряетъ свои владѣнія. Прибалтійскія провинціи сначала переходятъ къ шведамъ, а въ 1710 г. къ русскимъ и потомки рыцарей съ этого времени входятъ въ составъ россійскаго дворянства. Въ 1723 г. послѣдовалъ указъ Петра I, въ которомъ было сказано: „Если Лифляндскіе и Эстляндскіе шляхтичи, служившіе Швед-

скому королю и получившіе офицерскіе чины, пожелаютъ поступить въ нашу армію, то могутъ являться къ губернаторамъ въ Ригѣ и Ревелѣ и объявлять имъ патенты на свои чины, а губернаторы присылаютъ имена ихъ и свидѣтельства объ ихъ службѣ въ Военную Коллегію, и, по Нашему указу, они опредѣляются въ нашу армію тѣми же чинами, а по заслугамъ будутъ произведены по порядку и вящше.

Если молодые Лифлянскіе и Эстляндскіе шляхтичи, не бывшіе прежде въ службѣ, пожелаютъ служить въ арміи и получить чины, то должны явиться къ губернаторамъ и будутъ опредѣлены, какъ и великороссійскіе шляхетскіе дѣти въ гвардію, и по надлежащему обученію, смотря по ихъ службѣ и достоинству, потомъ вящше произведены будутъ". Въ этомъ указѣ Петра ясно проглядываютъ его симпатіи къ иноземцамъ—въ то время какъ для русскаго дворянина служба являлась обязательною и за уклоненіе отъ нея грозили каторгой и вырываніемъ ноздрей,—для только что покоренныхъ прибалтійскихъ дворянъ служба всецѣло зависѣла отъ ихъ собственнаго желанія. Кромѣ того они получили еще нѣкоторыя преимущества по арендѣ государственныхъ имѣній.

Для пользованія въ настоящее время титулами жителями Прибалтійскихъ губерній требуются слѣдующія условія: для княжескаго и графскаго — грамота на пожалованіе титула; если же таковыхъ нѣтъ, то оффиціальная справка изъ мѣстныхъ матрикулъ, что фамилія дѣйствительно внесена въ матрикулы дворянства съ обозначеніемъ означеннаго почетнаго титула и съ указаніемъ, что титулъ сохранялся въ родѣ постоянно, начиная отъ лица, просящаго о признаніи за нимъ права на титулъ, по крайней мѣрѣ въ трехъ послѣднихъ поколѣніяхъ; если же пользованія титуломъ въ трехъ послѣднихъ поколѣніяхъ не было, то право на него теряется, хотя бы и было доказано происхожденіе отъ предковъ, пользовавшихся означеннымъ титуломъ, и въ этихъ случаяхъ разрѣшается только просить о сохраненіи въ гербѣ короны и мантіи.

Относительно же баронскихъ родовъ существуютъ слѣдующія правила:

Баронскій титулъ имѣютъ право носить тѣ только старинныя дворянскія фамиліи, которыя во время присоединенія означенныхъ губерній къ Россіи записаны уже были въ тамошнихъ матрикулахъ (дворянскихъ родословныхъ книгахъ) и потомъ въ указахъ, рескриптахъ и другихъ публичныхъ актахъ именуемы были баронскимъ титуломъ. Къ числу такихъ публичныхъ актовъ

должны быть относимы: всѣ бумаги, удостоенныя Высочайшаго подписанія, указы и аттестаты о службѣ, грамоты на ордена и приказы по военному вѣдомству.

Право на баронскій титулъ принадлежитъ не только тѣмъ лицамъ, съ ихъ потомствомъ, которыя въ приведенныхъ актахъ наименованы баронами, но вообше всему роду ихъ, т.-е. всѣмъ, которыя, нося одну съ ними фамилію, представятъ законныя доказательства о происхожденіи отъ одного родоначальника, записаннаго въ мѣстныхъ матрикулахъ до присоединенія къ Россіи.

Племенной составъ прибалтійскаго дворянства весьма разнообразенъ, мы въ его средѣ находимъ представителей верхней и нижней Германіи, Вестфаліи, Фризена и Голштиніи въ лицѣ родовъ: Ашебергъ, Мейндорфъ, Икскюли, Бергъ, Буксгевденъ, Фонъ-Деръ-Ховенъ, Сталь-фонъ-Гольштейнъ, Фитингофъ, Штакельбергъ, Кнорринтъ, Брюнингъ, Плетенбергъ, Фонъ-деръ-Реке, Беръ, Засъ, Гойнингенъ-Гюне, Тизенгаузенъ, Паленъ и пр.

Изъ южной Германіи мы находимъ: Зальца, Фонъ-цуръ-Мюленъ, Крюднеръ, Транзее. Средняя Германія дала: Герсдорфъ, Зейдлицъ, Клейстъ, Шлиппенбахъ, Фюрстенбергъ, Рокштуль.

Сѣверно-восточная Германія: Мантейфль, Врангель и др.

Кромѣ Германіи мы здѣсь находимъ представителей Скандинавіи: Стенбокъ, Экеспарре, Игельштрёмъ, Баге-Афъ-Боо.

Великобританія: Лаудонъ, Левисъ-офъ-Минаръ, Барклай-де-Толли, О′ Руркъ.

Италія: Борхъ. Франція: Колонги, Де-ла-Тробе, Вильбоа, Де-ла-Кроа, Де-ла-Гарди. Испанія: Перейра и Лопецъ.

Швеція.

Начало шведскаго дворянства надо искать въ томъ совѣтѣ, который образовался около короля въ XIII ст., окончательное же сформированіе дворянства можно считать въ XVI ст., когда крупные землевладѣльцы пріобрѣтаютъ въ странѣ первенствующее значеніе въ ущербъ королевской власти.

Въ началѣ XVII ст. въ Швеціи возникаетъ представительный образъ правленія, при чемъ верхняя палата была въ рукахъ дворянства и называлась рыцарскою, въ ней имѣли право представительства всѣ дворянскіе роды, какъ высшаго такъ и низшаго дворянства.

Шведское же дворяиство дало начало и финляндскому. Шведскіе вельможи владѣли въ Финляндіи ленами, въ ихъ рукахъ были всѣ важнѣйшія должности въ странѣ, впослѣдствіи и низшія должности стали раздаваться мѣстному дворянству.

Въ 1809 г. по фридрихсгамскому миру Финляндія отошла къ Россіи.

Въ настоящее время въ Финляндіи считается 236 дв. родовъ. Изъ нихъ графскіе роды: 1) Де-Геeры, 2) Армфельдтъ, 3) Стевенъ-Штейнгель, 4) Аминовы, 5) Сухтеленъ, 6) Маннергеймъ, 7) Ребиндеръ, 8) Кронгіельмъ. Боронскихъ родовъ считается 47.

Кромѣ финляндскихъ титулованныхъ родовъ въ составъ русскаго дворянства входятъ роды, получившіе титулы отъ королей шведскихъ, изъ нихъ графскимъ титуломъ пользуются: 1) Де-ла-Гарди, 2) Бреверн-де-ла-Гарди, 3) Стенбокъ, 4) Стенбокъ-Ферморъ, 5) Меллинъ, 6) Нирод, 7) Крейцъ, 8) Горнъ

Около 45 родовъ пользуются баронскимъ титуломъ.

Кромѣ того цѣлый рядъ нашихъ древнихъ дворянскихъ родовъ считаетъ своихъ родоначальниковъ выходцами изъ Швеціи: Ададуровы, Богдановы, Бухарины, Глѣбовы, Дашковы, Евскіе, Зайцовы, Захарьины, Зезевитовы, Клементьевы, Кобяковы, Лодыжинскіе, Наумовы, Нестеровы, Новосильцовы, Остафьевы, Савеловы, Суворовы, Сумароковы, Хрулевы, Чепчуговы, Шепелевы, Яковлевы, Воронцовы, Аксаковы, Вельяминовы, Исленьевы, Кожины.

Грузія.

Высшее сословіе въ Грузіи ведетъ свое начало отъ тѣхъ мамасахлисовъ, которые правили грузинскимъ народомъ въ тѣ времена, когда еще не было царей. Потомство младшихъ братьевъ этихъ мамасахлисовъ получали отдѣльные участки, въ которыхъ управляли подъ руководствомъ своихъ старшихъ братьевъ и носили названіе „тави“, т.-е. голова, потомство ихъ составило высшій классъ Грузіи подъ названіемъ тавадовъ или князей. Съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ тавадскихъ родовъ пріобрѣли большое значеніе и управляли своими областями почти самостоятельно.

Позднѣе цари грузинскіе начали возводить въ достоинство тавадовъ за заслуги, при чемъ для полученія званія тавадовъ требовалось:

1) имѣть не менѣе 2 крѣпостей нѣсколькихъ деревень и вообще имѣть возможность поддерживать свое достоинство князя;

2) имѣть церковь или монастырь для погребенія въ немъ членовъ своей семьи и

3) имѣть нѣсколько зависимыхъ отъ нихъ дворянскихъ семействъ.

Низшій классъ высшаго сословія составляли „азнауры“, потомки дружинниковъ царя, тавадовъ и высшихъ духовныхъ лицъ, такимъ образомъ азнауры дѣлились на три разряда: 1) царскіе

азнауры, они считались выше другихъ и жаловались отъ царей землями;

2) княжескіе азнауры, они составляли дружины князей и сопровождали ихъ во время войнъ и

наконецъ 3) азнауры главы грузинской церкви, которые сидѣли на церковныхъ земляхъ.

Всѣ три разряда азнауровъ пользовались свободой отъ податей, владѣли крѣпостными крестьянами и имѣли право строить крѣпости.

Появленіе въ Россіи представителей грузинскихъ высшихъ классовъ начинается со второй половины XVI ст., единичные выѣзды продолжались вплоть до 1783 г., когда Русское правительство признало Грузинское дворянство въ правахъ дворянства Россійскаго. Тавады признаны въ княжескомъ, а азнауры въ дворянскомъ достоинствѣ. Доказательствами о принадлежности къ тавадскимъ и азнаурскимъ родамъ признаются: 1) всякаго рода жалованныя или охранныя грамоты, данныя Имеретинскими царями и владѣтелями Гуріи и Мингреліи: первыми двумя—до 4 декабря 1803 года, а послѣдними—до 30 августа 1853 года, если лица, коимъ сіи грамоты были даны, названы въ нихъ тавадами или азнаурами, или сіятельными, или благородными; 2) таковыя же грамоты на пожалованіе населенныхъ имѣній, если бы даже лица, коимъ пожалованы таковыя имѣнія, и не были названы въ нихъ тавадами или азнаурами, сіятельными или благородными; тѣ изъ сихъ грамотъ, коими жаловались не одни только крестьяне, но и азнауры, служатъ доказательствомъ тавадскаго достоинства; тѣ же коими пожалованы одни только крестьяне, служатъ доказательствомъ азнаурнаго достоинства; 3) таковыя же граматы, или подобные имъ акты, на возведеніе въ сардарское достоинство или въ одну изъ придворныхъ должностей, какъ-то: сахалтухуцеса, бакаултухуцеса, моларетухуцеса, мигвинетухуцеса, парештухуцеса, меджинибтухуцеса, меликтухуцеса, мезаглетухуцеса и хевистави, или въ званіе диванбега или владѣтельскаго моурава; возведеніе въ сардарское званіе есть доказательство тавадскаго достоинства, а въ прочія должности—азнаурскаго; 4) данные или утвержденные имеретинскими царями, владѣтелями Мингреліи и Гуріи, приговоры, коими опредѣляется возмездіе за кровь, согласно §§ 23 и 26—31 закона царя Вахтанга, если, впрочемъ, лица, въ пользу коихъ приговоры состоялись, названы въ нихъ прямо тавадами или азнаурами, или сіятельными, или благородными; 5) рѣшенія царей Имеретинскихъ, владѣтелей Мингреліи и Гуріи, собственныя ихъ или утвержденныя ими, по тяжебнымъ дѣламъ, въ ко-

ихъ соприсягатели тяжущихся, всегда равные имъ по званію, наименованы тавадами или азнаурами, или сіятельными, или благородными, и 6) брачный союзъ съ сестрою или дочерью царей: Имеретинскаго, Грузинскаго или Кахетинскаго, или владѣтелей Мингреліи, Гуріи и Абхазіи, если только таковой союзъ доказывается рядною записью или другимъ какимъ-либо подобнымъ документомъ и нѣтъ сомнѣнія, что оный заключенъ съ согласія царя или владѣтеля; брачные союзы сего рода служатъ всегда доказательствомъ тавадскаго достоинства. Вспомогательными доказательствами признаются: 1) присяжные листы владѣтеля Мингреліи Григорія и Мингрельскихъ тавадовъ и азнауровъ 1803 г.; 2) приказы и частныя письма царей Имеретинскихъ, владѣтелей Гурійскихъ и Мингрельскихъ—первыхъ двухъ до 1803 года, а послѣднихъ до 1853 года, въ коихъ лица, которымъ оные писаны, названы тавадами или азнаурами, или сіятельными, или благородными, или изъ коихъ явствуетъ, что эти лица занимали какую-либо изъ должностей, исчисленныхъ въ предыдущей (5) статьѣ сего приложенія, и 3) охранныя грамоты Турецкихъ султановъ, изъ которыхъ явствуетъ, что лица, коимъ онѣ были даны, принадлежали къ сословію тавадскому или азнаурскому. Между родами азнауровъ владѣтельскихъ, княжескихъ и церковныхъ никакого различія не полагается. Азнаурскіе же азнауры признаются въ семъ достоинствѣ въ томъ случаѣ, если они перешли въ зависимость азнауровъ по волѣ тавадовъ, у которыхъ они были прежде въ зависимости, или по другимъ обстоятельствамъ, а не по царскому пожалованію.

Къ болѣе именитымъ родамъ Грузіи, Гуріи, Имеретіи, Корталиніи, Мингреліи, Кохетіи принадлежатъ княжескія фамиліи: Багратіоны, свѣт. Грузинскіе — прямые потомки Грузинскихъ царей, Гуріели — потомки владѣтелей Гуріи, Дадіановы — потомки царей Имеретинскихъ, свѣт. Мингрельскіе, Цициановы, Чавчавадзе, Шервашидзе—потомки владѣтелей въ Абхазіи, Джамбакуріанъ-Орбеліанъ, Эристовы.

Литва. Польша.

Общественный строй въ Литвѣ складывался въ началѣ такъ же какъ и въ другихъ странахъ. И здѣсь около болѣе сильныхъ собиралась народная масса и выдвинулся классъ старѣйшинъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превратились въ князей или, какъ ихъ называли, кунигасовъ и рикасовъ. Благодаря частымъ воинамъ выдѣлился особый военный классъ, который сгруппировался около кунигасовъ и образовался аристократическій слой. Въ половинѣ XIII ст. изъ кунигасовъ выдвигается Мин-

довгъ, около котораго начинаетъ собираться Литва, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ западно-русскихъ областей аристократическіе элементы увеличиваются князьями изъ дома Рюрика, признавшими надъ собою верховную власть Литовскаго великаго князя. Въ XIV ст. мы видимъ въ Литвѣ уже совершенно сложившійся государственный строй со всѣми признаками западнаго феодализма. Во главѣ государства стоялъ великій князь, подъ нимъ шелъ рядъ отдѣльныхъ князей, находившихся въ ленной зависимости и обязанности являться на зовъ в. к. со своими дружинами и участвовать въ его думѣ, а также платить дань.

Верхній слой населенія носилъ наименованіе бояръ и состоялъ, какъ и въ Руси, изъ потомковъ первыхъ землевладѣльцевъ края и изъ дружинниковъ князей. Этотъ классъ, въ свою очередь, имѣлъ свои дружины, которыя впослѣдствіи также вошли въ составъ высшаго сословія. Въ XV ст. въ Литву начинаютъ проникать съ Запада нѣкоторыя бытовыя формы въ родѣ гербовъ, которые оффиціально были введены привилеемъ 1413 г., начинаютъ встрѣчаться названія „баронъ“, „рыцарь“, появляются титулы князей; паны начинаютъ выхлопатывать себѣ титулы отъ императоровъ. Литовское боярство въ это время пользовалось громаднымъ вліяніемъ и значеніемъ, оно составляло раду литовскую или, какъ ее называли, пановъ-раду, имъ же принадлежало право на занятіе высшихъ государственныхъ должностей, каковыми были должности гетмана, т.-е. предводителя войскъ и военнаго судьи, канцлера—хранителя королевской печати и завѣдывающаго государственной перепиской, маршалка—представителя служилаго сословія, подскарбія—вѣдавшаго государственные доходы и, наконецъ, должности мѣстнаго управленія: воеводъ, ихъ помощниковъ—каштеляновъ и старостъ, которымъ нерѣдко подчинялись большія области. Съ конца XIV ст. (при Ягайло) въ Литву проникаетъ польскій обычай сеймовъ, на которыхъ крупные паны играли огромную роль и пользовались большимъ значеніемъ, несмотря на то, что в. к. прилагали старанія поднять значеніе мелкой шляхты, которая, несмотря на это, только въ XVI ст. получаетъ нѣкоторыя преимущества и пріобрѣтаетъ извѣстную власть надъ населеніемъ, живущимъ на ихъ земляхъ. Въ XVI ст. Литва соединилась съ Польшей и литовское высшее сословіе слилось таковымъ же польскимъ, въ громадномъ большинствѣ перейдя въ католичество, что давало извѣстныя преимущества.

Всѣ высшія должности въ государствѣ принадлежали высшему классу, дѣлились на четыре степени: первую занимали сановники высшихъ правительственныхъ учрежденій страны, вто-

рую—государственные и придворные чины въ столицахъ, третью—тѣ же чины въ воеводствахъ и четвертую—городскіе и земскіе чины.

Послѣ присоединенія Польши къ Россіи слѣдующіе чины признаны были въ правахъ русскаго и потомственнаго дворянства:

1) чины государственные: воеводы, староста Самонитскій, каштеляны высшаго и низшаго разрядовъ, Оберъ-гофмаршалъ, надворный маршалъ, Великій гетманъ, Польный гетманъ, Оберъ-Канцлеръ, Подканцлеръ, Великій Подскарбій, Надворный подскарбій, коронный секретарь, рефендарій (помощникъ канцлера), великій писарь, хорунжій, надворные хорунжіе, мечники, хранители королевскихъ драгоцѣнностей, инстигаторъ (уголовный прокуроръ), вице-инстигаторъ (помощникъ уг. пр.), коронный войсковой, регентъ (правитель дѣлъ высшей и низшей канцелярій), метрикантъ, комиссары, секретари, архиваріусы, инстигаторы, кассиры и контролеры комиссій: финансовъ, эдукаціонной (народнаго воспитанія), военной и маршальской (полиціи), депутатовъ трибуналовъ, ассесоровъ, ассесорскихъ рефендарскихъ судовъ и особые литовскіе чины: войскій, пивничій, мѣрничій, граничный и коморникъ.

2) чины придворные: великій подкоморникъ (оберъ-камергеръ), великій конюшій (оберъ-шталмейстеръ), подконюшій, ловчій, кухмистеръ, стольникъ, подчашій, крайчій, подстолій, чешникъ и шамбелянъ (камергеръ).

3) земскіе чины: подкоморіи, старосты, подвоеводы судебные и подстаросты, старосты городскіе, судьи городскіе, писаря городскіе, повѣтовые маршалы, хорунжіе, земскіе судьи, подсудки, писаря, регенты, стольники, подстольничьи, чешничіи, подчашіи, ловчіе, меченосцы или мечники, конюшіе, крайчіе, скарбники, обозные, стажники, мостовничіе, будовничіе, подсполничіи, лѣсничіе, струкчашіе, становничіе, подконюшіе, деревничіе, ключники, подключники, коморники, земскіе, намѣстники городскіе, бургграбій Краковскаго замка, городничіе, трибуны старшіе и младшіе (войсцы), цивуны Веленскій, Трокскіе и Самогитскіе, писаря, патроны и адвокаты при трибуналахъ, регенты ассесорскихъ и референдарскихъ судовъ, регенты и вице-регенты земскихъ и городскихъ судовъ, ротмистры и литовскій ввозный.

Занятіе одной изъ этихъ должностей кѣмъ-либо изъ предковъ давало права русскаго потомственнаго дворянства.

Доказательствами этого служатъ слѣдующіе документы:

Акты опредѣленія въ эти званія и должности, если же подобнаго акта нѣтъ, то и другія бумаги, изъ которыхъ было бы

ясно, что данное лицо дѣйствительно занимало должность, которая была сопряжена съ принадлежностью къ дворянскому сословію. Относительно же должностей подвоеводы, подстаросты и писаря городского, также регента, вице-регента и вознаго, кромѣ самаго акта о назначеніи на одну изъ этихъ должностей, требуется еще предствленіе оффиціальныхъ списковъ чиновниковъ или другихъ современныхъ документовъ, доказывающихъ, что лицо, на имя котораго выданъ былъ самый актъ, дѣйствительно исполняло означенную въ немъ должность. Относительно же должности Вознаго нужно было, чтобы, сверхъ упомянутыхъ доказательствъ, было представляемо удостовѣрѣніе, что возный не состоялъ записаннымъ въ спискѣ ни одного изъ податныхъ состояній.

Кромѣ того доказательствомъ дворянскаго происхожденія считается удостовѣреніе о томъ, что предокъ отыскивающаго дворянство лица, до 1795 г. занималъ должность или состоялъ въ чинѣ или званіи, хотя бы и не поименованныхъ нами выше, но жалуемъ королевскою грамотою, если это званіе или чинъ давали ему первенство предъ безчиновною шляхтою на сеймикахъ, или мѣсто между сановниками и дигнитаріями королевства.

Патенты на чины военные, подписанные королемъ, а до конституціи 1776 г. и гетманами, въ которыхъ лицо, получающее чинъ, названо „урожденнымъ“.

Изъ польскихъ родовъ пользуются титулами:
княжескимъ—Черторыжскіе, Гедройцы, Яблоновскіе, Любомирскіе, Радзивиллы, Сангушко, Сапѣги, Сулковскіе, Огинскіе, Корибутъ-Воронецкіе.

120 родовъ носятъ графскій титулъ, изъ нихъ въ Россіи въ гр. достоинствѣ признаны 56: Александровичи, Бобровскіе, Борхъ, Браницкіе, Бржостовскіе, Бѣлинскіе, Валевскіе, Велепольскіе, Водзицкіе, Волловичи, Вѣльгорскіе, Гауке, Грабовскіе, Грохольскіе, Гуровскіе, Гуттенъ-Чанскіе, Езерскіе, Замойскіе, Збоинскіе, Илинскіе, Квилецкіе, Кицинскіе, Комаровскіе, Корвинъ-Коссаковскіе, Коссаковскіе, Красинскіе, Красицкіе, Круковецкіе, Ледоховскіе, Лоси, Лубенскіе, Любѣнецкіе, Малаховскіе, Микорскіе, Міончинскіе, Мнишки, Мостовскіе, Мощенскіе, Ожаровскіе, Оссолинскіе, Островскіе, Остророги, Полетыло, Потоцкіе, Потулицкіе, Пржездецкіе, Ржевускіе, Скарбеки, Стадницкіе, Старженскіе, Суходольскіе, Тарновскіе, Сѣраковскіе, Тышкевичи и Холоневскіе.

17 родовъ получили графскій титулъ отъ римскихъ папъ, но русскимъ провительствомъ не признаны. 32 рода баронскихъ, изъ нихъ въ Россіи признаны 6: Вышинскіе, Горохи, Косинскіе, Растовецкіе, фонъ-Симолины и Шодуаръ.

VI, VII, VIII.

Для того, чтобы опредѣлить первоначальный составъ русскаго боярства, будемъ такъ называть тотъ высшій слой населенія, который образовался при первыхъ князьяхъ Рюрикова племени, надо будетъ возвратиться къ первообразу государства—къ семьѣ. Мы находимъ ее у всѣхъ народовъ, когда они находились еще въ первобытномъ состояніи, но во второй стадіи своего развитія. Здѣсь глава семьи распоряжается всѣми членами семьи по своему личному усмотрѣнію, каждое семейство, по выраженію Карамзина, было маленькою, независимою республикою—это первая ступень; второй ступенью въ дальнѣйшемъ развитіи являются родовые союзы, т.-е. союзы отдѣльныхъ семействъ, происходящихъ отъ одного родоначальника и соединившихся подъ властью родоначальника или же старшаго въ родѣ—„Полянамъ же, живущимъ особѣ, и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху Поляне, и живяху каждо родомъ своимъ, на своихъ мѣстахъ“ т.-е. мы видимъ здѣсь то же, что происходитъ съ живой органической клѣточкой. Въ родовомъ союзѣ глава его распоряжается уже при посредствѣ отцовъ семействъ или ихъ старшихъ представителей, т.-е. появляются первые признаки гражданскаго устройства, изъ котораго постепенно образовывается новая общественная группа—племя, обнимающее уже нѣсколько родовъ одного происхожденія. Подобное устройство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось очень долго, особенно это видно у кельтовъ, гдѣ родовое устройство существовало еще въ XIV ст., когда каждый отдѣльный кельтъ былъ членомъ опредѣленной родственной группы, составлявшей потомство одного родоначальника, и являлся носителемъ идеи рода. Какъ примѣръ подобнаго родового устройства является Шотландія съ ея дѣленіемъ на кланы (кланъ означаетъ—дѣти, потомство). Несомнѣнно, что подобное же устройство было и у славянъ, т. к. въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ указанія на роды, что можно видѣть и изъ только что приведенной мною выдержки. Такимъ образомъ принадлежность къ одному роду является связующимъ звеномъ; постепенно съ увеличеніемъ числа отдѣльныхъ родовъ они, какъ я говорилъ, преобразовывались въ родовые союзы—здѣсь уже родовые интересы начинаютъ уступать интересамъ общественнымъ, появляется волость—этотъ первый типъ государства, семейный совѣтъ замѣняется вѣчемъ, во главѣ волости появляется князь, появляются должностныя лица, при князѣ образуется дружина, начинаютъ образовываться особые классы населенія, изъ которыхъ впослѣдствіи сложились сословія, изъ которыхъ постепенно выдѣлился особый служилый классъ, поль-

зовавшійся особыми выгодами въ награду за свою службу въ началѣ одной верховной власти, а затѣмъ и странѣ.

Въ громадномъ большинствѣ странъ этотъ служилый классъ являлся результатомъ завоеванія.—Такъ въ древнѣйшихъ государствахъ—въ Индіи появился классъ браминовъ, въ Римѣ высшій классъ— патриціи образовался изъ потомковъ первыхъ поселенцевъ— сподвижниковъ Ромула, затѣмъ уже къ нимъ присоединились знатнѣйшіе собинскіе и этрусскіе роды, во Франціи дворянство явилось потомствомъ франковъ, завоевавшихъ въ V ст. Галлію, въ Англіи—потомствомъ завоевателей англо-саксовъ и т. д. Въ этомъ отношеніи русскій служилый классъ не походитъ на своихъ иноземныхъ собратій, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи исторія русскаго дворянства во многомъ сходна съ таковой же западнаго. Въ древней Руси произошло совершенно естественное выдѣленіе служилаго класса изъ общей народной массы, при чемъ главными его составными элементами было земское боярство и княжескія дружины, влившія несомнѣнно и пришлый иноземный элементъ, т. к. мы имѣемъ указанія на то, что онѣ имѣли весьма пестрый племенной составъ: здѣсь мы находимъ и варяговъ, и чудь, и славянъ, и полянъ, и кривичей, и печенѣговъ, и хорватовъ, и Мерянъ, и Древлянъ и т. д.

Существуетъ мнѣніе, что началомъ политическаго устройства страны и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ образованія служилаго класса на Руси было появленіе Рюрика съ братьями и ихъ дружинъ, т.-е. пріурочивается это ко второй половинѣ IX ст., но съ этимъ никоимъ образомъ согласиться нельзя, а нужно признать, что Рюрикъ засталъ уже готовый государственный строй. Мы знаемъ, что существовали города какъ Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Любечь, Воровичь, Вышгородъ, Витичевъ, Переяславль, Полоцкъ. Существовали племена, которыя управлялись своими туземными—князьями, лѣтописецъ говоритъ, что по смерти Кія и его братьевъ „держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дресовичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане; отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдятъ наверхъ Волги и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ“. Если признать показаніе лѣтописца относительно существованія Кія недостовѣрнымъ, то упоминаніе о племенныхъ княженіяхъ въ эпоху до Рюрика весьма цѣнно, и съ нимъ мы должны считаться, тѣмъ болѣе, что и дальнѣйшія свѣдѣнія подтверждаютъ это; такъ мы знаемъ имена Аскольда и Дира, Мала, Рогволда, наконецъ лѣтопись говоритъ: „по тѣмъ городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще“, что это за под-

властные Олегу князья, какъ не туземные, подчинившіеся новымъ пришельцамъ.

Все это доказываетъ, что во второй половинѣ IX ст. славянскія племена имѣли уже свое государственное устройство и настолько высокую культуру, что поглотили иноземныя дружины своихъ завоевателей, которыя растворились совершенно въ общей массѣ. Варяжскіе князья, призываемые для службы, ничего не принесли въ страну и, подчинивъ ее своей власти, не внесли въ ея жизнь никакихъ существенныхъ измѣненій.

Наличность туземныхъ князей говоритъ и о существованіи дружинъ, а съ другой стороны мы изъ лѣтописи знаемъ о существованіи „лучшихъ“ или „нарочныхъ“ людей, державшихъ Древлянскую землю, мы знаемъ „старѣйшинъ“ и „градскихъ старцевъ“, которые по мнѣнію пр. Ключевскаго были крупнѣйшими представителями торгово-промышленнаго класса и которыхъ внѣшнія обстоятельства заставили вооружиться, т.-е. превратиться въ военно-торговую аристократію, которая взяла въ свои руки управленіе. Уже при первыхъ князьяхъ—Рюриковыхъ составъ аристократическаго населенія былъ довольно великъ, такъ Константинъ Багрянородный, описывая торжественный пріемъ княгини Ольги въ Константинополѣ, говоритъ, что съ нею было 5 дружинниковъ князя Святослава, восемь русскихъ князей, восемнадцать русскихъ княгинь и двадцать два посла отъ русскихъ князей; въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Посланіи отъ Игоря велпкаго князя русскаго, и отъ всякоя княжья“, всѣ эти князья или княжье легло въ основаніе русскаго боярства, и несомнѣнно они принадлежали болѣе народу, чѣмъ потомство Рюрика, это все корни невѣдомыхъ намъ деревъ—имена ихъ Ты, Господи, вѣси.

„Если мы не послѣдуемъ въ точности за Шлецеромъ, говоритъ Забѣлинъ (И. Р. Ж. I, 641 и д.), котораго въ его взглядѣ на начало въ Русской Исторіи вполнѣ оправдываетъ время и состояніе науки, если, поэтому, мы оставимъ въ покоѣ всѣ сужденія о томъ же предметѣ норманской школы и не будемъ начинать свою исторію отъ пустого мѣста, то легко увидимъ изъ первыхъ же и самыхъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ, каковы договоры съ греками, что въ приходъ Рюрика въ Новгородъ и Олега въ Кіевъ Русская Земля жила именно дружиннымъ складомъ повсемѣстнаго городства, что для опредѣленія земской власти, сидѣвшей въ этомъ городствѣ, она имѣла даже особое имя, прозывая всѣхъ городовыхъ владыкъ въ общемъ ихъ составѣ или въ общемъ ихъ характерѣ всякимъ княжьемъ, всякою княжьею. Это княжье многочисленныхъ городковъ и городовъ и составляло политическую

клѣтчатку всего русскаго первобытнаго Земства. Оно было дѣйствующею силою земли, ея знаменемъ, ея кономъ или политическимъ корнемъ, на которомъ произрастали всѣ бытовыя общественныя отношенія земли. Договоры съ греками прямо ведутся отъ имени этого городства только подъ рукою главнаго города Кіева. Отъ всякаго княжья, отъ всѣхъ русскихъ людей, отъ всякаго города идутъ послы и гости и вмѣстѣ заодно утверждаютъ миръ, вмѣстѣ обѣщаются хранить его съ отвѣтомъ, въ случаѣ неисполненія условій; не одного Кіевскаго, но и каждаго русскаго человѣка. Вотъ почему не одинъ Кіевъ, но каждый русскій городъ, стоявшій въ союзѣ Кіева, требуетъ себѣ вклада, ибо по тѣмъ городамъ сидятъ князья, находящіеся только подъ рукою Кіева, этой матери, но не господина городовъ Русскихъ. Точно такъ же и приходящая въ Царьградъ Русь, послы и гости, получаютъ содержаніе, мѣсячное, отдѣльно и независимо по каждому городу: первое на Кіевскихъ пословъ и гостей, потомъ на Черниговскихъ, Переяславскихъ и всѣхъ прочихъ городовъ. Все это показываетъ, что каждый городъ понималъ себя особымъ, отдѣльнымъ, независимымъ существомъ, которое пользовалось одинаковыми правами и имѣло одинаковые органы для своихъ дѣйствій, какъ и главный метерой городъ Кіевъ. Именно право отдѣльнаго независимаго посольства показывало несомнѣнную самостоятельность и независимость каждаго города. Каждый съ своимъ родомъ жилъ особо, на своемъ мѣстѣ, каждый владѣлъ особо своимъ родомъ. Эти слова въ точности обозначаютъ характеръ древняго общественнаго быта и на первой его ступени, въ смыслѣ особыхъ кровныхъ родовъ, и на той ступени, гдѣ изъ родовъ образовались общины и города-дружины. Таково было устройство русскаго земскаго быта въ такъ называемое до-историческое время. Объ этомъ устройствѣ очень ясно свидѣтельствуетъ византійскій императоръ Маврикій (въ 6 вѣкѣ), говоря, что у Славянъ и Антовъ множество князьковъ, что Славяне и Анты живутъ вѣчно въ несогласіи: на чемъ рѣшаютъ одни, на то не соглашаются другіе; другъ другу не повинуются и не покоряются единой власти. О множествѣ князьковъ у Днѣпровскихъ обитателей Акатировъ свидѣтельствуетъ также Прискъ въ половинѣ 5 вѣка, см. выше стр. 437. Тѣ же самыя свидѣтельства, короткія и не знавшія подробностей дѣла, въ полной мѣрѣ прилагаются къ нашей исторіи 12 вѣка, о которой въ точности можно сказать то же самое, что Маврикій говорилъ о Славянахъ и Антахъ: „Никакой власти не терпятъ и другъ къ другу питаютъ ненависть“. Но само собою разумѣется, что такой порядокъ дѣлъ долженъ восходить и даль-

ше за предѣлы 6 и 5 вѣковъ, ибо до-историческое время тѣмъ и отличается отъ историческаго, что оно долгіе вѣка повторяетъ одно и тоже, что оно собственно есть только естественная исторія народной жизни, сложившая эту жизнь въ извѣстный образъ и повторяющая свое созданіе безъ конца, пока не выработаются въ ней какія-либо иныя основы развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ земская разрозненность жизни, это господство особыхъ, отдѣльныхъ и независимыхъ ея круговъ, родовыхъ или общинныхъ—все равно, вполнѣ оправдываетъ и существованіе повсевмѣстнаго городства, которое несомнѣнно и народилось вслѣдствіе той же разрозненности и коренной потребности жить особнякомъ, независимо, не подчиняясь никакой чужой власти, что, конечно, выходило по прямой линіи изъ древнѣйшаго въ полномъ смыслѣ родового устройства народныхъ связей. Итакъ на основаніи свидѣтельствъ византійскихъ писателей, поясненныхъ договорами Олега и Игоря и подтверждаемыхъ вещественными памятниками многочисленныхъ городовъ, можно съ достовѣрностію заключить, что передъ приходомъ Рюрика Русская земля представляла клѣтчатку городства, представляла вполнѣ сложившееся историческое тѣло, своего рода организмъ, конечно, еще съ первородными силами и свойствами, но уже готовый и способный воспринять въ себя болѣе возвышенныя начала исторической жизни. Существенною силою и формою, и, такъ сказать, матеріею этого организма былъ городъ, не въ одномъ смыслѣ осыпи или окопа, но и въ смыслѣ особаго порядка, нрава и обычая самой жизни. Пребывая еще въ предѣлахъ естественной исторіи, все это Городство, какъ множество, какъ цѣлая клѣтчатка, вполнѣ и одинаково выражало свои идеи и свои силы въ каждой своей частицѣ или особой клѣточкѣ. Различіе заключалось только въ объемѣ этихъ клѣточекъ, тоесть, многочисленныхъ городковъ и городовъ, въ ихъ большей или меньшей силѣ, въ тѣхъ отношеніяхъ, кто былъ старшій, кто младшій, кто былъ матерью, кто сыномъ своей матери. Матерые города, конечно, были главными основами всей этой клѣтчатки. Но подобно тому, какъ маленькіе городки были средоточіемъ своей волости, такъ и большіе, старшіе, были средоточіемъ своей области. И тѣ и другіе держались своею дружиною, имѣли одну и ту же задачу жизни: охранять, защищать свою волость или обволость (цѣлый округъ волостей), получать за эту службу кормленіе и добывать, распространять кормленіе по всѣмъ сторонамъ подъ видомъ всякаго промысла и торга и особенно подъ видомъ даней, то-есть, поборовъ съ близкаго и далекаго населенія всего того, что люди дадутъ. Промыслъ на людей-данниковъ составлялъ первую заботу

и всегдашнюю работу города или той богатырской военной общины —дружины, которая исключительно должна была жить въ городѣ. Само собой разумѣется, что такой промыслъ наиболѣе сосредоточивался въ матерыхъ городахъ, для которыхъ, уже съ самаго ихъ зарожденія, онъ являлся обычнымъ дѣломъ собирать дань кормленіе съ своихъ же родичей, младшихъ волостей городовъ. Дальнѣйшая исторія этого городства, конечно, должна была создать цѣлый союзъ старшихъ матерыхъ городовъ или союзъ большихъ племенныхъ волостей-областей, болѣе или менѣе равносильныхъ между собою, вполнѣ самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга. Въ такомъ порядкѣ земской жизни застаетъ Русскую Страну ея исторія, записанная въ лѣтопись. Но такой порядокъ не могъ создать себя даже и въ одно столѣтіе. Въ немъ очень много естественнаго и очень мало искусственнаго, а все естественное въ человѣческомъ быту вырастаетъ очень медленно и содержится очень долго. Только искусство, въ родѣ нашихъ петровскихъ преобразованій, пересоздаетъ человѣка сравнительно быстро и съ тою же быстротою переводитъ его развитіе съ одной дороги на другую. Поэтому племенныя области, въ которыя пришло княжеское племя Рюрика, несомнительно существовали уже много вѣковъ и въ призваніи князей выразили только свою жизненную потребность и желаніе устроиться лучше прежняго. Рюрикъ, такимъ образомъ, сталъ русское историческоо дѣло уже въ полномъ ходу. Недоставало только храброй дружины, которая могла бы прочистить во всѣ стороны давнишніе пути-дороги, отнятые различными Соловьями Разбойниками и Чудищами, Идолищами погаными, а больше всего хитростями льстиваго Грека-Византійца, очень нежаловавшаго имѣть пососѣдству сильную и непокорную народность“.

Весьма вѣроятно, что въ IX вѣкѣ уже было и частное землевладѣніе, хотя мы и не имѣемъ на это указаній. Земель свободныхъ было много, способъ ихъ завладѣнія былъ весьма простъ—занимка, но для проведенія этой земли въ культурное состояніе нужны были средства, нужны были рабочія руки, а тѣмъ и другимъ опять таки располагали только тѣ „старцы“, которые были богатѣйшими людьми въ городахъ и вели торговлю. Примѣромъ этого можетъ служить исторія Великаго Новгорода, гдѣ высшій классъ—боярство былъ одновременно и купцомъ и землевладѣльцемъ, и воиномъ, пользовался огромнымъ вліяніемъ въ странѣ и фактически управлялъ областью, не имѣя юридически никакихъ особыхъ правъ и преимуществъ передъ другими класами населенія, занималъ всѣ высшія должности, что дѣлалось по обычаю, никогда не нарушавшемуся вѣчемъ.

Прямое же указаніе на частное землевладѣніе мы имѣемъ только въ XII-мъ вѣкѣ (купчая Антона Римлянина съ 1147 г.); Русская правда говоритъ уже о межахъ и перетесахъ (знаки частной собственности на деревьяхъ), исторія находитъ земское боярство, владѣвшее отчинами, т.-е. землями полученными по наслѣдству, почему мы можемъ считать къ этому времени частную земельную собственность—институтомъ вполнѣ окрѣпшимъ и вошедшимъ въ народное сознаніе и въ жизнь.

Въ началѣ на землѣ сидѣло одно земское боярство, а княжескія дружины по своему прямому назначенію, были элементомъ слишкомъ подвижнымъ, чтобы стремиться также осѣсть на землѣ, но съ теченіемъ времени, когда потомки Рюрика стали болѣе осѣдлыми и извѣстныя облажи оставались въ потомственномъ владѣніи одной и той же княжеской семьи, то и взгляды и привычки дружинниковъ измѣнились и мы видимъ, что князья въ награду за службу начали раздавать земли и такимъ образомъ дружина князя начала постепенно осѣдать на мѣстахъ, а земское боярство, видя усиленіе княжеской власти, старалось. приблизиться къ особѣ князя, искало въ немъ поддержки своего значенія и защиты свохъ интересовъ. Интересы земли смѣшивались съ интересами службы результатомъ чего произошло въ началѣ сближеніе, а затѣмъ и сліяніе мѣстнаго—земскаго боярства съ боярствомъ княжескимъ, духовная сила слилась съ силой физической и это все сгруппировалось около личности князя.

При Владимірѣ святомъ, мы знаемъ, тѣ и другіе присутствовали въ великокняжескомъ совѣтѣ, такъ какъ Владиміръ созывалъ „бояры свои и старцы градскіе“, но здѣсь эти старцы, т.-е. представители земскихъ интересовъ страны становились уже на второе мѣсто, впереди стояли новыя люди, представители силы, бояре-дружинники князя, хотя и созданные не безъ участія самаго земскаго боярства.

Вотъ что говоритъ проф. Ключевскій объ этомъ времени (Боярская Дума, изд. I-ое, стр. 36 и д.): „Руководившая городовыми областями военно-торговая аристократія поддержала самаго сильнаго изъ конунговъ, помогла ему укрѣпиться въ Кіевѣ, а потомъ военными походами и торговыми договорами съ Византіей возстановить и обезпечить торговыя сношенія съ приморскими рынками. Это общее дѣло разрозненныхъ дотолѣ волостныхъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ давнихъ усилій русскаго промышленнаго міра, которому сначала IX вѣка враги начали загораживать торговые пути къ Черноморью и Каспію. Та же аристократія помогла кіевскимъ князьямъ распространить свою власть

изъ Кіева. Этимъ содѣйствіемъ объясняется неодинаковый успѣхъ князей въ подчиненіи разныхъ племенъ. Гдѣ этотъ классъ былъ сосредоточенъ въ большихъ торговыхъ центрахъ, какъ у Сѣверянъ черниговскихъ или переяславскихъ, тамъ вся область безъ борьбы или посѣ легкой борьбы подчинилась кіевскому князю, увлекаемая своей старшиной, тянувшей къ нему по единству интересовъ и частью даже по племенному родству.

Напротивъ, Древлянъ или Вятичей, у которыхъ, при отсутствіи центральнаго властнаго города, этотъ классъ былъ разбитъ на мелкія мѣстныя общества, кіевскимъ князьямъ пришлось завоевывать по частямъ, долгой и упорной борьбой. Значитъ, военно-торговая аристократія большихъ городовъ была самою дѣятельною силой въ созданіи политическаго единства Руси, которое тѣмъ и началось, что этотъ классъ сталъ собираться подъ знаменами вышедшаго изъ его среды кіевскаго князя. Но это политическое объединеніе класса было началомъ его соціальнаго раздѣленія. Его прошлое сообщило ему двойственный характеръ: руководя торговыми оборотами городовыхъ областей, онъ былъ для нихъ и военно-правительственной силой. Теперь его боевые элементы начали переходить въ дружину кіевскаго князя, образуя новый правительственный классъ *княжихъ мужей*, получавшій уже не мѣстное, а общерусское значеніе. Другіе болѣе мирные люди того же класса оставались на своихъ мѣстахъ, продолжая руководить городскими обществами.

Такъ изъ правительственнаго класса большихъ городовъ выдѣлился соперникъ, съ которомъ онъ долженъ былъ подѣлиться властью.

Впрочемъ при первыхъ кіевскихъ князьяхъ соперничество обоихъ классовъ смягчалось памятью объ ихъ недавнемъ товариществѣ, о близкомъ соціальномъ родствѣ. Въ X вѣкѣ между княжеской дружиной и городской торговой аристократіей еще не было значительнаго разстоянія ни экономическаго, ни политическаго.“

„Изъ договоровъ Руси съ Греками X в. знаемъ, что князь кіевскій, его родня и бояре были тогда главные русскіе купцы, посылавшіе съ своими агентами торговые корабли въ Византію. Но между тѣмъ какъ правительственный классъ Руси торговалъ, торговая аристократія большихъ городовъ продолжала пользоваться правительственнымъ значеніемъ. Городскія общества оставались въ ея рукахъ. Города и при князьяхъ сохраняли свое прежнее военное устройство; ихъ полки участвовали въ походахъ княжеской дружины подъ начальствомъ городовой старшины. Князь Владиміръ на свои воскресные пиры приглашалъ вмѣстѣ съ боярами и сотскихъ, десятскихъ и нарочитыхъ мужей. Не прина-

длежа къ княжеской дружинѣ, эти сотники и десятники городовъ въ X в. повидимому выбирались своими горожанами. Но трудно сказать, что сталось съ главнымъ вождемъ городового полка, съ тысяцкимъ, который, по выраженію лѣтописей XI-XIII в., держалъ воеводство своей тысячи и" весь рядъ". Въ 1089 г. тысяцкимъ въ Кіевѣ былъ Янъ, который въ разсказѣ кіевскаго лѣтописца является дружинникомъ князя, вліятельнымъ боярином. Отца этого Яна Вышату Ярославъ I назначилъ въ 1043 г. воеводой въ походѣ на Грековъ, куда посланы были дружина князя и городовые полки. Но читая разсказъ лѣтописи объ этомъ походѣ, легко замѣтить особенную близость Вышаты къ этимъ полкамъ. Рядомъ съ нимъ видимъ особаго" воеводу Ярославля", вѣроятно командовавшаго собственно княжей дружиной. Когда бурей выбросило на берегъ нѣсколько тысячъ городскаго ополченія, никто изъ княжей дружины не хотѣлъ вести ихъ домой; одинъ Вышата сказалъ: "я пойду съ ними; останусь ли живъ, или погибну-только съ своими вмѣстѣ". Это сообщаетъ вѣроятность догадкѣ, что Вышата былъ кіевскимъ тысяцкимъ. Можетъ быть Вышата по происхожденію принадлежалъ къ городской неслужилой знати, но служба въ санѣ тысяцкаго по назначенію князя ввела его съ сыномъ въ княжескую дружину. Точно также новогородская знать XI-XII в., занимая должности въ мѣстной администраціи по назначенію князя, получила значеніе и званіе служилаго боярства.

Такъ прежняя старшина большихъ городовъ преобразовывалась въ княжескую дружину. Назначая тысяцкаго изъ среды городской знати, князь могъ поручить эту должность и члену своей дружины, но съ согласія города. Нѣчто подобное было съ должностью кіевскаго тіуна, городскаго судьи, въ 1146 г., когда князь обѣщалъ кіевлянамъ замѣщать ее "по ихъ волѣ". Тѣмъ или другимъ порядкомъ назначенія тысяцкаго могли примиряться и въ X в. притязанія обѣихъ силъ, дѣлившихъ между собою власть надъ обществомъ. Эта политическая и экономическая близость двухъ господствующихъ классовъ и обозначилась присутствіемъ городской старшины въ совѣтѣ князя Владиміра рядомъ съ княжеской дружиной, городскихъ старцевъ рядомъ съ боярами".

Съ усиленіемъ власти князя падало значеніе земскаго боярства, его все-цѣло вытѣснило и замѣнило боярство княжеское, втянувшее въ себя самыхъ выдающихся и энергичныхъ представителей земщины, все остальное отпало и превратилось въ низшіе классы населенія.

„Пока новое правительство, князь съ дружиной, не укрѣпилось и нуждалось въ помощи городовой знати, изъ которой оно

само вышло, обѣ общественныя силы стояли очень близко другъ къ другу. Весь X в. онѣ дѣйствуютъ дружно и остаются очень похожи одна на другую, вмѣстѣ воюютъ и торгуютъ, вмѣстѣ обсуждаютъ въ думѣ князя важнѣйшіе вопросы законодательства. Но потомъ обѣ эти силы, столь родственныя по происхожденію, расходятся все дальше и дальше. Это взаимное удаленіе обнаруживается съ половины XI в., при дѣтяхъ Ярослава; оно было подготовлено разными обстоятельствами. Княжеское правительство, устроившись и укрѣпившись въ административномъ и военномъ отношеніи, стало меньше пуждаться въ содѣйствіи городоваго управленія и городовыхъ полковъ. Княженіе Владиміра, когда городскіе старѣйшины такъ часто появлялись въ княжескомъ дворцѣ рядомъ съ боярами, было временемъ самый напряженной борьбы съ степью. Тогда кіевское правительство всюду усиленно искало ратныхъ людей. Но страшное пораженіе, нанесенное Ярославомъ Печенѣгамъ въ 1036 г. подъ стѣнами Кіева, на нѣкоторое время развязало руки правительству съ этой стороны. Въ то же время стало замѣтно расширяться политическое и экономическое разстояніе между княжеской дружиной и городской аристократіей. Служебныя преимущества все болѣе сообщали первой значеніе дворянства, низводя послѣднюю въ положеніе простыхъ мѣщанъ. Торговые успѣхи распространили въ странѣ значительный оборотный капиталъ, подняли денежные доходы правительственнаго класса насчетъ дохода натурой и ослабили его непосредственное участіе въ торговыхъ операціяхъ городовъ. Появленіе у бояръ привилегированной земельной собственности, признаки которой становятся замѣтны съ XI в., еще болѣе удалило этотъ классъ отъ городскаго общества, владѣвшаго торговымъ капиталомъ.

По памятникамъ X—XII в. можно видѣть, изъ какихъ элементовъ составлялся и какъ обособлялся служилый классъ. Въ него переходили люди изъ городской знати и даже изъ городского простонародья: извѣстно лѣтописное сказаніе о скорнякѣ, котораго кн. Владиміръ сдѣлалъ „великимъ мужемъ“ вмѣстѣ съ отцомъ его за то, что онъ одолѣлъ печенѣжскаго богатыря въ 992 г. Обособленію класса отъ остального общества содѣйствовалъ прежде всего племенной его составъ. Въ дружину варяжскаго конунга, утвердившагося въ Кіевѣ, въ первое время вступали преимущественно его соотчичи, приливъ которыхъ продолжался почти до половины XI в.; благодаря этому слово б о я р и н ъ долго сохраняло у насъ преимущественное значеніе знатнаго служилаго варяга. Въ лѣтописи сохранилось извѣстіе о вступленіи одного печенѣжскаго князя на службу къ Владиміру въ 992 г. Въ дружинѣ

князей XI и XII в. встрѣчаемъ людей изъ Финновъ; Угровъ, Половцевъ, Хозаръ, Поляковъ, Торковъ. Среди этихъ пестрыхъ по соціальному и племенному происхожденію элементовъ класса уже въ XI в. замѣтны слѣды іерархическаго дѣленія. Нося общее неопредѣленное названіе дружины, служилый классъ распадался на дружину старѣйшую или большую и молодшую. Первую составляли княжи мужи. Если дошедшій до насъ текстъ договоровъ Руси съ Греками точно воспроизводитъ соціальную терминологію X в., то старшая дружина уже тогда носила еще названіе б о я р ъ; доселѣ не объяснено удовлетворительно этимологическое значеніе этого термина. Въ глазахъ простаго неслуживаго населеніе и младшая дружина считалась мужами, боярами; но лѣтопись XI—XIII в. называетъ ее въ отличіе отъ настоящихъ бояръ б о я р ц а м и или боярами м о л о д ы м и.

Старшая дружина отличалась отъ младшей не только правительственнымъ и придворнымъ своимъ значеніемъ, но и нѣкоторыми юридическими преимуществами, сообщавшими ей характеръ привилегированнаго сословія. Главное изъ этихъ преимуществъ состояло въ болѣе заботливомъ огражденіи личной безопасности закономъ: за убійство княжа мужа законъ грозилъ вдвое болѣе тяжкой вирой, чѣмъ за убійство младшаго дружинника и простолюдина. Съ другой стороны, всякій дружинникъ, старшій и младшій, пользовался нѣкоторыми землевладѣльческими привилегіями, если пріобрѣталъ землю въ собственность. Благодаря этимъ разнообразнымъ преимуществамъ, служебнымъ, личнымъ, и хозяйственнымъ, принадлежавшимъ не всѣмъ членамъ дружины въ одинаковой мѣрѣ, слово бояринъ съ теченіемъ времени перестало быть синонимомъ к н я ж а м у ж а и получило различныя спеціальныя значенія въ разныхъ сферахъ жизни. Около половины XI в. еще не было проведено точной и окончательной юридической межи между старшей и младшей дружинами. Такъ изъ Русской Правды мы знаемъ, что „конюхъ старый у стада“, т.-е: староста конюшій князя впервые причисленъ былъ къ привилегированнымъ княжимъ мужамъ однимъ частнымъ приговоромъ кн. Изяслава Ярославича, присудившаго двойную виру за убійство своего конюха. Послѣ Ярослава привилегіей двойной виры пользовались и нѣкоторые тіуны князя, прикащики по управленію дворцовому хозяйственному. Какъ видно, князья старались распространить права старшей дружины на своихъ дворовыхъ слугъ. Такъ расширенъ былъ первоначальный составъ класса княжихъ мужей, къ которому принадлежали собственно старшіе военные сотрудники князя, а не дворовые слуги, завѣдывавшіе его хозяйствомъ и нигдѣ не

являвшіеся въ званіи бояръ. Это званіе напротивъ сузилось, стало тѣснѣе класса княжихъ мужей: оно усвоено было верхнему слою этого класса, сановникамъ, занимавшимъ высшія военныя и правительственныя должности и преимущественно тѣмъ, которые составляли совѣтъ князя. Но получивъ болѣе тѣсное значеніе при княжескомъ дворѣ, званіе боярина расширилось внѣ правительственной сферы: на языкѣ частныхъ гражданскихъ отношеній боярами независимо отъ придворной іерархіи назывались всѣ служилые привилегированные землевладѣльцы и рабовладѣльцы по тѣсной связи тогдашняго землевладѣнія съ рабовладѣніемъ".

Итакъ, какъ видимъ, уже въ XI в. въ дружинѣ начинаютъ проявляться признаки іерархическаго дѣленія и здѣсь выдѣляются болѣе сильнѣе элементы и образовываютъ старшую дружину или княжихъ мужей, младшая же дружина уже носитъ наименованіе дѣтскихъ, отроковъ, надо думать наименованіе, послужившее основаніемъ для позднѣйшаго наименованія дѣтей боярскихъ. Такимъ образомъ появляются первые признаки раздѣленія на классы, выдѣленіе боярства и дворянства. Хотя принадлежность къ дружинѣ не была наслѣдственнымъ правомъ и отъ воли князя зависѣло принять того или другого, даже смерда, на свою службу, но несомнѣнно, что уже въ это время складывалось ядро будущаго русскаго боярства и дворянства,—„Новогородцы же послаша за княземъ владыку съ большими бояры съ челобитьемъ и воротиша князя Ярослава съ Броннича" (Соф. лѣт. I, 195. 1269 г.). Воскресенская лѣтопись, перечисляя убитыхъ въ битвѣ съ Мамаемъ (1380 г.), говоритъ: „Здѣ же не всѣхъ писахъ избіеныхъ имена, токмо князи и бояри, нарочиты и воеводы, а прочихъ бояръ и слугъ оставивъ имена, не писахъ множества ради именъ: мнози бо на той брани побіены быша". Въ этихъ двухъ выпискахъ мы имѣемъ указаніе на большихъ бояръ и можемъ только уже вывести заключеніе, что, значитъ, должны быть и меньшіе, но подъ 1406 г. въ духовной грамотѣ митрополита Кипріана мы находимъ и тѣхъ, и другихъ (Воскрес. лѣт.): „Боярамъ великимъ же и меншимъ и съ женами и съ дѣтьми ихъ и всему христіанскому народу оставляю миръ и благословеніе". Крайне интересна картина, какую рисуетъ И. Е. Забѣлинъ въ своей „Исторіи Русской Жизни" (I,610 и сл.), онъ настолько картинно представилъ то, какъ сложились у насъ общественные классы, что я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ его сочиненія: „Первымъ лицомъ и кореннымъ основаніемъ дружиннаго быта онъ является и въ городѣ. Можно даже полагать, что первое понятіе о князѣ родилось съ самимъ городомъ, съ первымъ устройствомъ дружинной жизни,

ибо первый Кіевскій человѣкъ Кій, тогда начинаетъ княжить въ своемъ родѣ, когда братья строютъ ему городокъ Кіевъ. Въ глубокой древности этимъ словомъ обозначалась родоначальная власть, но въ 9 вѣкѣ, судя по переводу св. Писанія, оно „имѣло смыслъ болѣе общій и означало не только властителя, но и всякаго сильнаго человѣка“.

Въ послѣдующее время въ Новгородѣ лицо князя становится необходимымъ существомъ для этого вольнаго, но стараго великаго города. По всему вѣроятію Новгородскій обычай жить всегда съ княземъ идетъ изъ глубокой древности и вовсе не обозначаетъ особой привязанности къ Рюриковой династіи. По указаніямъ лѣтописи видно, что у Полянъ въ Кіевѣ, какъ и у всѣхъ другихъ племенъ, у каждаго существовало свое особое княженье, что уже въ приходъ Рюрика, Полоцкъ, Туровъ, Древляне имѣли своихъ князей и что при Ольгѣ по всѣмъ городамъ подъ его рукою сидѣли свои князья, которые носили даже собирательное имя всякое княжье. Все это заставляетъ полагать, что если существовали города, то въ каждомъ городѣ былъ свой князь, что князь вообще былъ необходимымъ существомъ городской жизни, какъ творецъ суда и расправы и первый защитникъ отъ обидъ и всякихъ враговъ. Это былъ конъ или корень городского общежитія.

За нимъ слѣдовали передніе мужи, именемъ которыхъ, мужи, въ родовомъ распорядкѣ обозначался совершенный возрастъ, и стало быть способность быть защитниками рода, почему и на боевомъ полѣ они, ставили первый передовой рядъ людей мужественныхъ, храбрыхъ, отважныхъ, которые первые бросались въ битву, были первыми начинателями и производителями боя. Не потому ли они чаще всего именуются боярами, людьми боя въ собственномъ смыслѣ?

По крайней мѣрѣ такому объясненію этого имени вполнѣ отвѣчаетъ сущность жизненной роли боярина, особенно въ древнѣйшее время. Это былъ передній и передовой разрядъ боевыхъ людей, водителей битвы, начинателей боя.

Очень естественно, что и во всѣхъ другихъ житейскихъ отношеніяхъ бояринъ становился первымъ и передовымъ человѣкомъ, потому что находившееся въ его рукахъ боевое дѣло, защита земли, были первымъ, передовымъ дѣломъ и для всего нарождавшагося общества. По той же причинѣ это званіе пріобрѣталось только личною заслугою, личною доблестью, личными боевыми достоинствами и не было наслѣдственно. За передними мужами, тоесть за людьми полнаго возраста или за отцами, въ родовомъ устройствѣ, конечно, слѣдовали дѣти, чады или вся родовая молодежь, почему и младшій составъ городовыхъ защитниковъ удер-

жалъ за собою наименованіе дѣтскихъ отроковъ и даже пасынковъ. Послѣднее имя прямо и показываетъ, насколько родовыя связи общества разошлись и удалились отъ первоначальнаго своего состава, ибо пасынокъ обозначаетъ уже родство не кровное, а, такъ сказать, союзное. Дѣтскіе въ прямомъ смыслѣ были дѣти бояръ, почему въ позднее время весь разрядъ младшей дружины, сохраняя далекую старину, прямо уже и именуется дѣтьми боярскими. Надо замѣтить, что всѣ такія имена въ древности выражали сущую дѣйствительность, потому что на самомъ дѣлѣ тогда воевать начинали съ дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ. Князья въ 12—14 лѣтъ участвовали уже въ битвахъ и водили самолично полки.

Изъ обстоятельствъ жизни перваго Святослава и жившаго послѣ него спустя почти триста лѣтъ Даніила, мы можемъ хорошо себѣ объяснить, что такое были наши дѣтскіе, впослѣдствіи Боярскія Дѣти. Въ двадцать лѣтъ это были уже настоящіе богатыри. Однако второй слой собственно городскихъ защитниковъ именовался собирательно гридь или гридьба, а единично гридинъ. Такъ какъ званіе боярина пріобрѣталось личною доблестью и не было наслѣдственно, то дѣти бояръ, доблестныхъ, передовыхъ мужей города, по естественному порядку, пользуясь славою своихъ отцовъ, должны были составить особый слой военной дружины, отличной отъ остальнаго населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что именно этотъ, въ собственномъ смыслѣ дружинный слой именовался Гридьбою. Само собою разумѣется, что норманская школа всякое теперь непонятное имя толкуетъ изъ скандинавскихъ языковъ, такъ и гридь происходитъ отъ шведскаго gred—мечъ, отъ Гирдманъ—придворный, Hird, Hirdinn—княжескій тѣлохранитель. Отсюда вообще гридина опредѣлили дворяниномъ, княжескимъ тѣлохранителемъ, придворнымъ чиновникомъ, всегда находившимся при князѣ, такъ какъ и особая комната на княжескомъ дворѣ именовалась гридницею отъ сборища въ ней гридей—тѣлохранителей. Между тѣмъ всѣ свидѣтельства лѣтописей, гдѣ упоминается Гридьба, ничего не говорятъ о такомъ значеніи этого слова, а указываютъ прямо, что гридьбою называется особый слой не княжескихъ придворныхъ, а именно городскаго населенія и именно слой военной дружины, идущій всегда вмѣстѣ, хотя и впереди, съ слоемъ крупцовъ. Въ одномъ спискѣ Русской Правды эти два слоя прямо такъ и названы горожанами, въ отличіе отъ княжихъ мужей. Составъ городского общества впервые обозначенъ по случаю пировъ св. Владимира, которые онъ давалъ дружинѣ на своемъ дворѣ въ гридницѣ. На эти пиры приходили: 1—бояре, 2—гриди, 3—сотскіе, десятскіе и 4—нарочитые мужи. Гридница

въ собственномъ смыслѣ значитъ сборная храмина или изба для схода Гридьбы. Была ли она принадлежностью одного княжаго двора, или составляла необходимую постройку для городского общежитія, объ этомъ можно судить по указаніямъ лѣтописей. Въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ древнѣйшій городской бытъ существовалъ безъ особой помѣхи, гридницы ставились уличанами. Въ Новгородѣ въ 1470 году на Славковѣ улицѣ была поставлена средняя гридница, слѣдовательно посреди двухъ крайнихъ. Во Псковѣ на улицѣ Званицѣ существовала гридница прозваніемъ Коровья. Гридницы были у Владыкъ, а иногда служили мѣстомъ заточенія. Гридницею вообще называлась обширная храмина, въ которой собирались горожане, по всѣму вѣроятію, для суда или для совѣщаній, а также и для общихъ праздничныхъ пировъ. Она соотвѣтствовала мірской, сборной, иначе судной деревенской избѣ. Самое слово гридь родственн Хорутанскому громада, сборище, толпа, и должно обозначать въ исключительномъ смыслѣ городовую военную общину, или городовую дружину. Повидимому бояре были только передними мужами Гридьбы и какъ мы сказали получали это званіе только за личную доблесть. Дѣти бояръ, боярская молодежъ, и въ прямомъ, и въ относительномъ смыслѣ меньшинства, естественно становились въ ряды Гридьбы, которая поэтому въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ занимаетъ всегда второе мѣсто послѣ бояръ. Такъ могъ образоваться въ городской дружинѣ ея военный слой, конечно, уже въ дальнѣйшемъ развитіи города, когда его жизнь являлась уже полною чашею относительно разнороднаго и разнообразнаго его населенія. Но мы упомянули, что еще при самомъ началѣ въ числѣ причинъ, которыя побуждали устроивать городокъ, не послѣдними были всякій промыслъ и торгъ, очень нуждавшійся въ охранѣ своихъ товаровъ или всякаго движимаго имущества. Первыми людьми въ первомъ городѣ являлись не только передніе люди боевого поля, но и передніе люди мирнаго промысла и торга. Въ первое время эти два рода занятій необходимо соединялись даже въ однихъ и тѣхъ же лицахъ. Да и въ послѣдующее время мы находимъ купцовъ на томъ же боевомъ полѣ, идущихъ слѣдомъ за Гридьбою; то есть, за сословіемъ бойцовъ въ собственномъ смыслѣ. Въ теченіе всей нашей исторіи, когда политическою силою всей страны былъ собственно городъ, подчинившій своей волѣ самое князьё, купеческое сословіе въ каждомъ городѣ составляло великую силу, нисколько не меньшую передъ силою боярства и всей военной дружины. Это самое заставляетъ предполагать, что и при основаніи всего древнѣйшаго Русскаго Городства едвали не первымъ камнемъ былъ

положенъ именно купеческій промыслъ, который необходимо нарождалъ и потомъ отдѣлялъ отъ себя и военный промыслъ подъ видомъ особый военной дружины бояръ и гридьбы. Покрайней мѣрѣ такое положеніе дѣлъ должно было существовать во всѣхъ углахъ страны, гдѣ населеніе устремлялось больше всего къ мирному промыслу и торгу.“

Съ развитіемъ идеи государства и съ усиленіемъ княжеской власти естественнымъ образомъ суживались права другихъ классовъ, которые стали зависимы отъ воли государя и постепенно превратились изъ совершенно свободныхъ въ тяглыхъ; первымъ крѣпостнымъ классомъ на Руси — былъ несомнѣнно служилый классъ, потерявшій въ началѣ возможность перехода отъ однаго князя къ другому, такъ какъ власть начала сосредоточиваться въ однихъ рукахъ и болѣе слабый князь, конечно, не могъ принять къ себѣ на службу служилаго человѣка болѣе сильнаго князя, такимъ образомъ свободный переходъ на службу прекратился самъ собою, а затѣмъ на него уже стали смотрѣть какъ на измѣну. Крестьянское же населеніе все еще продолжало пользоваться свободой перехода и только въ XVII в. было окончательно прикрѣплено къ землѣ. Чѣмъ дальше развивался процессъ собиранія Руси, тѣмъ труднѣй было служилому классу.

Съ раздѣленімъ Руси на удѣльныя княженія появились и отдѣльныя дружины, группировавшіеся около отдѣльныхъ князей, но они связаны были лишь договорами, эта была личная повинность передъ государемъ, пока этотъ государь исполнялъ принятыя имъ на себя обязательства. „А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“, вотъ какъ опредѣлялось отношеніе дружинниковъ къ князю въ удѣльный періодъ нашей исторіи, т.-е. мы видимъ тоже, что было на западѣ при его феодальномъ устройствѣ, но затѣмъ постепенное уничтоженіе удѣловъ суживало права дружины и стѣсняло возможность свободнаго передвиженія. Мы видимъ, что Русь начинаетъ собираться въ великія княженія, которыя поглащаютъ мелкіе удѣлы, а затѣмъ централизація идетъ еще дальше, въ пріокскомъ краѣ появляется Московское княжество, подъ властью котораго соединяются постепенно всѣ русскія области, а съ ними вмѣстѣ вокругъ московскаго великаго князя сгруппировываются всѣ дружины, разбросанная до того по всей Руси, появляется обширный уже служилый классъ, окончательно прикрѣпленный къ особѣ Великаго князя московскаго, а затѣмъ царя всея Руси.

Вторая половина XV ст. и первая половина XVI даютъ намъ яркую картину усиленія власти московскаго великаго княженія,

выдвинувшагося среди другихъ русскихъ княженій и постепенно ихъ поглотившаго. Отчасти способствовала этому центральное положеніе Москвы, а главнымъ образомъ рядъ выдающихся и энергичныхъ князей, которые твердою рукою стягивали подъ свою руку русскія области. Не только склонились передъ московскими князьями—князья мелкихъ удѣловъ, но въ 1463 г. пало в. к. Ярославское, въ 1478 г. палъ Великій Новгордъ, въ 1484 пало великое княженіе Тверское и въ 1520 г. Рязанское и стали вотчинами великихъ князей московскихъ, превратившихся волею судебъ въ государей всея Руси. Въ XV и XVI ст. постепенно подчиняются москов. великому князю князья Ярославскіе, Вяземскіе, Ростовскіе, Воротынскіе, Стародубскіе, Одоевскіе, Бѣлозерскіе, Суздальскіе, Микулинскіе, Мстиславскіе и др. Уничтоженіе удѣльныхъ княженій измѣнило и положеніе ихъ бывшихъ государей, которые стали зависимы отъ московскихъ великихъ князей и постепенно превратились въ ихъ слугъ и изъ ихъ уже рукъ всякія милости взамѣнъ отнятой свободы; за князьями, конечно, потянулись и ихъ бояре и служилые люди. Бояре приближенные князей, потерявшихъ свою независимость, несомненно должны были перейти подъ власть московскаго государя, имъ выбора не было—онъ одинъ являлся распорядителемъ ихъ судебъ и не только ихъ, а и всего великорусскаго племени. То что мы читаемъ въ древнихъ княжескихъ договорахъ: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ—воля“—не имѣеть уже мѣста въ XVI ст., воля тогда была одна—воля московскаго великаго князя и отъ него служилому человѣку уйти было некуда: на всемъ протяженіи русской земли онъ находился въ его власти и, конечно, никому изъ дѣятелей XVI ст. не могла прійти на умъ фраза, сказанная въ 1391 г. нижегородскому князю Борису Константиновичу его бояриномъ Василіемъ Румянцемъ: „Господине княже, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отъ нынѣ не твои и нѣсть со тобою есмы, но на тя есмы“, подобныя слова немыслимы уже въ XVI ст., когда на смѣну личнаго соглашенія свободнаго дружинника съ княземъ явилась личная повинность передъ государемъ и государствомъ, когда право смѣнилось долгомъ и обязанностью. Приведенные слова боярина Румянца совершенно тождественны со словами западнаго вассала: „я сохраню вѣрность какъ тебѣ обѣщалъ, доколѣ буду твоимъ, доколѣ буду держать твое имѣніе“, здѣсь мы видимъ сходство нашего боярства съ западн. дворян. Это былъ періодъ, когда на смѣну вольнымъ слугамъ древней Руси, имѣвшимъ право свободнаго переѣзда, „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ—воля“—появился классъ уже закрѣпощенныхъ

слугъ, несшихъ обязательную службу государству, т.-е. въ это время совершился крупный переворотъ въ жизни русскаго дворянства, которое потеряло свою свободу и изъ вольныхъ слугъ превратилось въ тяглое сословіе, это было періодомъ закрѣпощенія сословія, превращеніе его въ механическихъ исполнителей единоличной, высшей воли въ государствѣ, воли московскаго государя. Іоаннъ III въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1504 г. уже прямо говоритъ: „боярамъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ со своими вотчинами и съ куплями отъ сына моего Василія не отъѣхати никому никуда; а кто отъѣдетъ, — земля ихъ сыну моему“—здѣсь уже открыто запрещается переходъ. Итакъ, какъ мы видимъ, паденія удѣльныхъ княженій и соединеніе всей власти въ рукахъ одного московскаго великаго князя повлекли за собой уничтоженіе мелкихъ княжескихъ дворовъ, которые вмѣстѣ съ ихъ дружинами должны были слиться съ таковыми же московскаго государя, но уже это произошло не по ихъ доброй волѣ, а по необходимости и, конечно, приближенные бывшаго удѣльнаго князя не могли претендовать на занятіе того же положенія, какое они занимали раньше; новымъ пришельцамъ приходилось отходить дальше, уступая мѣсто кореннымъ слугамъ московскаго князя. Въ громадномъ большинствѣ они сливались съ массою служилаго люда, котораго у московскаго великаго князя собралось уже довольно много и ему оставалось лишь использовать ихъ съ наибольшею пользою для государства. Усиленіе значенія Московскаго Государства привлекало къ нему на службу западно—русскихъ и иностранныхъ выходцевъ, появляются въ Москвѣ князья Воротынскіе, Бѣльскіе, Трубецкіе, Мстиславскіе, Мезецкіе, Хотетовскіе, Мосальскіе, Жижемскіе, Перемышльскіе, Куракины, Голицыны, Хованскіе и др., вмѣстѣ съ ними переходятъ на московскую службу и ихъ дружина и слуги и все это вливается въ русское боярство и дворянство.

Такимъ образомъ мы видимъ, что первоначальный верхній слоій образовался изъ туземныхъ князей, дружины и земскихъ лучшихъ людей—„градскихъ старцевъ“, „старцевъ людскихъ“, „лепшихъ нарочитыхъ людей“, „огнищанъ“ и т. д. Такъ было въ Кіевской Руси, такъ продолжалось и тогда, когда политическая жизнь подъ ударами татаръ, перешла на сѣверъ, но здѣсь процессъ сліянія прошелъ болѣе болѣзненно, такъ какъ гражданственность ко времени перехода центра политической жизни на сѣверъ была болѣе развита и князьямъ пришлось вести упорную борьбу съ городскими общинами, привыкшими къ вечевому быту и слѣдовательно къ значительной самостоятельности. Борьба эта, въ

которой участвовали города и мѣстная землевладѣтельческая и торговая аристократія кончилась въ пользу княжеской власти, которая становится общепризнаннымъ фактомъ и князь является не только ея носителемъ, но и наслѣдственнымъ владѣльцемъ страны, ея „вотчинникомъ“ и дальнѣйшее уже устройство государства строится на этомъ принципѣ вотчинности и еще долго въ дѣятельности московскихъ великихъ князей чувствуется вотчинникъ, вотчинный дворъ становится прототипомъ московскаго великокняжескаго двора, всѣ должности котораго имѣли свои корни во дворѣ князя—вотчинника.

Въ числѣ областей, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ Московскаго государства, но боровшееся съ московскими государями дольше другихъ, былъ и Великій Новгородъ, который представлялъ изъ себя весьма своеобразное государственное устройство, несомнѣнно не единичное на пространствѣ русской земли. Въ Новгородѣ были смѣшаны чисто демократическіе взгляды съ чисто аристократическимъ государственнымъ устройствомъ. Во главѣ Новгорода стояло вѣче, которое рѣшало всѣ вопросы и избирало главу правительства—посадника, но выбирало его не изъ всѣхъ гражданъ, а изъ ограниченнаго круга боярскихъ фамилій (приблизительно 40), это, конечно, не было правиломъ, но являлось обычаемъ, котораго вѣче всегда придерживалось и никогда его не нарушало. Всѣ населеніе новгородской области теоретически пользовалось совершенно одинаковыми правами, но фактическими вершителями судебъ Новгорода было боярство, которое являлось крупнымъ капиталистомъ и не менѣе крупнымъ землевладѣльцемъ и въ своихъ рукахъ держало всю огромную торговлю Новгорода, а съ нею вмѣстѣ и его судьбу. Все это земское боярство, хотя и разоренное Іоанномъ III, вошло въ составъ московскаго служилаго класса. Кромѣ крупныхъ вотчинниковъ-бояръ Новгородъ имѣлъ еще мелкихъ землевладѣльцевъ-земцевъ или своеземцевъ, которые слились съ низшимъ слоемъ служилаго класса, съ дѣтьми боярскими, и также вошли въ составъ русскаго дворянства, будучи, частью еще при Іоаннѣ III, а частью при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ переселены въ московскія области. Изъ боярскихъ родовъ В. Новгорода въ составѣ рус. дворянства вошли Есиповы, Кузьмины-Караваевы, Савеловы, Селифонтовы, Авиновы, Глазоемцевы, Глуховы, Голенищевы, Головнины, Норовы; нѣкоторые изъ нихъ уже угасли. Іоаннъ III сильно двинулъ впередъ также закрѣпощеніе и мелкихъ удѣльныхъ князей; при немъ впервые князья потеряли право не только передавать свои удѣлы, но не могли переходить на службу къ другимъ князьямъ,

для чего онъ сталъ брать записи о вѣрности службы; подобныя записи были взяты съ перешедшихъ изъ Литвы князей Мстиславскихъ, Воротынскихъ и Бѣльскихъ. Древнѣйшею записью является грамота князя Даніила Дмитріевича Холмскаго отъ 1474 г., вотъ эта грамота:

„Се язъ Князь Данило Дмитревичъ Холмьски, что есмь билъ челомъ своему Господину и Осподарю Великому Князю Ивану Васильевичу за свою вину своимъ Осподиномъ Геронтьемъ Митрополитомъ всея Руси, и его детми и со служебники, Епископы: Никитою Епископомъ Коломенскимъ, Прохоромъ Епископомъ Сарскимъ, Филофѣемъ Епископомъ Пермьскимъ, и своею господою Архимандриты: Спаскимъ Архимандритомъ Германомъ, Симановскимъ Архимандритомъ Антоньемъ, Андрониковскимъ Архимандритомъ Иоанномъ; и Осподарь мой Князь Велики меня своего слугу пожаловалъ, нелюбье свое мнѣ отдалъ.

А мнѣ Князю Данилу своему Осподарю Великому Князю Ивану Васильевичу и его дѣтемъ служити до своего живота, а не отъѣхати ни отъ своего Осподаря отъ Великаго Князя Ивана Васильевича, ни отъ его дѣтей, къ иному ни къ кому. А добра ни ему и его дѣтемъ хотѣти вездѣ во всемъ, а лиха ни своему Государю Великому Князю и его дѣтемъ мнѣ Князю Данилу не мыслити, ни хотѣти никакова; а гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о лихѣ, и мнѣ то сказати Государю своему Великому Князю и его дѣтемъ въ правду, по сей моей укрѣплевой грамоте, безхитростно. А въ томъ во всемъ по сей моей грамоте ялся по мнѣ Осподарю моему Великому Князю Ивану Васильевичу и его дѣтемъ и до моего живота господинъ мой Геронтій Митрополитъ всея Руси, и съ тѣми съ своими дѣтми и съ служебники, со Владыки и съ Архимандриты, которые въ сей грамотѣ писаны. А черезъ сію мою грамоту язъ Князь Данило Дмитріевичъ что иму думати и почитати, или явится что которое мое лихо передъ моимъ Осподаремъ передъ Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ и передъ его дѣтми: ино не буди на мнѣ милости Божьее и пречистые его матери, и святыхъ чудотворцевъ Петра Митрополита и Леонтія Епископа Ростовскаго, и всѣхъ Святыхъ; также ни благословенія осподина моего Геронтія Митрополита всея Руси, и его дѣтей Владыкъ и Архимандритовъ тѣхъ, которыми есми билъ челомъ своему Осподарю Великому Князю Ивану Васильевичу, не буди на мнѣ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій; а Осподарь мой Князь Великій и его дѣти надо мною по моей винѣ въ казни воленъ.“

Закрѣпощеніе князей, начатое при Іоаннѣ III, продолжалось и при его преемникахъ, но особенно усилилось при его внукѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, который по выраженію князя Курбскаго—„затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, словно въ адовой твердыни“; кромѣ того введена была система поручительства, состоявшая въ томъ, что заподозрѣнное лицо должно было представить поручителей на извѣстную сумму, эти поручители представляли таковыхъ же и за себя, такъ что иногда было болѣе ста поручителей, ручавшихся за сумму въ десятки тысячъ рублей.

Въ XVI ст. уже совершенно окончилось существованіе удѣловъ; бывшіе удѣльные князья переходили на службу в. к. Московскаго и вошли въ составъ придворной аристократіи и слились съ боярствомъ.

Среди московскаго боярства XVI ст. мы находимъ князей Ростовскихъ, Ярославскихъ, Суздальскихъ, Микулинскихъ, Мстиславскихъ, Бѣлевскихъ, Воротынскихъ, Мезецкихъ, Стародубскихъ. и др. Удѣлъ въ это время былъ замѣненъ вотчиной, при чемъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ вотчинники сохраняли за собою нѣкоторыя державныя права, но и это скоро было отнято, права утрачивались и потомство Рюрика сливалось съ служилымъ классомъ, не отличаясь отъ него ни матеріальными, ни служебными преимуществами, нерѣдко даже уступая и въ томъ и въ другомъ.

Іоаннъ IV не остановился на уничтоженіе удѣловъ, онъ усердно принялся за уничтоженіи и самой памяти о нихъ, онъ не только отнималъ у князей ихъ вотчины и помѣстья, но уничтожалъ и цѣлые княжескіе роды; при Грозномъ исчезли Курлятевы, Нагіе, Телепневы, Ноготковы, Горенскіе, Алабышевы, Аленкины, Барбашины, Дорогобужскіе, Кубенскіе, Ногтевы, Золотые, Серебряные, Палецкіе, князья Ростовскаго дома: Бритые, Бычковы, Голенины, Голубые, Пужбольскіе, Хохолковы и др., многіе изъ нихъ сошли со сцены подъ топоромъ палача, другіе вынуждены были замѣнить княжескую шапку монашескимъ клобукомъ, цѣлый же рядъ родовъ хотя и сохранилъ жизнь, но помѣстья ихъ вошли въ составъ территоріи, отданной въ распоряженіе опричнины, которая охватила владѣнія князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ, Ростовскихъ, Стародубскихъ, Суздальскихъ, и др., что повлекло за собою выселеніе вотчинниковъ въ другія области—„государь велѣлъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быть въ опричнинѣ, изъ тѣхъ городовъ вывести и подавать земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городахъ“. Объ этомъ вре-

мени мы имѣемъ показаніе кн. Курбскаго: „единоплеменныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертьми поморилъ еси и отнялъ ихъ движимыя и недвижимыя стяжанія, чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разорилъ“. Если при Іоаннѣ III и сынѣ его Василіи была борьба съ удѣльными князьями, то при Іоаннѣ Грозномъ она превратилась въ безсмысленное гоненіе, ничѣмъ не оправдываемое, такъ какъ удѣльные князья были уже настолько обезсилены, что не оказывали никакого сопротивленія и безпрекословно шли на плаху по первому слову московскаго великаго князя, ставшаго ихъ государемъ. У Флетчера мы находимъ слѣдующія слова: „Теперь при Федорѣ Іоанновичѣ высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальною знатью; только лишь въ сознаніи и чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется внѣшнимъ почетомъ въ торжественныхъ собраніяхъ“. Ко времени соединенія всей Руси подъ скипетромъ Московскихъ Великихъ Князей высшій классъ состоялъ, какъ мы видимъ, изъ дружины, земскаго боярства, потомковъ удѣльныхъ князей, превратившихся въ обыкновенныхъ слугъ Московскихъ государей, и выходцевъ изъ другихъ странъ, большею частью татаръ, затѣмъ литовцевъ и отчасти разныхъ искателей приключеній или гонимыхъ у себя на родинѣ и являвшихся въ Москву съ предложеніемъ своихъ услугъ, осѣдавшихъ здѣсь и дѣлавшихся родоначальниками русскихъ дворянскихъ родовъ. Но несомнѣнно, конечно, что въ громадной своей части русское дворянство чисто русскаго происхожденія и вышло изъ среды своего народа. Не могу не отмѣтить, что уже въ XVI ст. можно было замѣтить моду выводить свой родъ отъ иноземнаго выходца и просматривая родословія нашего древняго дворянства, мы почти всюду наталкиваемся на легенду объ иноземномъ происхожденіи, которыя затѣмъ были признаны правительствомъ, почему нерѣдко мы можемъ встрѣтить чисто русскій родъ записаннымъ въ IV-ю часть родословной книги, т.-е. часть, въ которую вносятся иностранные дворянскіе роды; какъ примѣръ мы можемъ указать на Апраксиныхъ, Барыковыхъ, Бахметьевыхъ, Измайловыхъ, Кондыревыхъ, Крюковыхъ и т. д.

Курьезный случай въ этомъ же родѣ былъ съ однимъ изъ князей Крапоткиныхъ, который забылъ свое происхожденіе отъ Рюрика и, подавая въ концѣ XVII ст. свою родословную въ разрядный приказъ, показалъ свой родъ выѣзжимъ изъ Орды; повидимому необходимость происходить отъ иноземнаго выходца была настолько сильна, что предпочиталось происходить отъ татарина, чѣмъ отъ русскаго князя.

Временемъ завершенія устройства служилаго класса надо признать XVI ст., когда совершилось окончательное ограниченіе правъ высшихъ слоевъ—боярства, лишеннаго съ этого времени права отъѣзда и окончательно осѣвшаго на мѣстахъ; въ это же время начинается земельное устройство низшихъ слоевъ служилаго класса, придворная служба которыхъ у государя-вотчинника превратилась въ военную службу государству, при чемъ они были испомѣщены на земляхъ, которыя являлись тяглыми по отношенію къ государству и должны были нести извѣстную службу государству, а съ расширеніемъ предѣловъ Московскаго государства вся эта масса служилаго элемента послужила матеріаломъ для колонизаціи окраинъ государства и защиты его границъ. Это расширеніе границъ государства, потребовавшее увеличеніе войскъ, вызвало новый приливъ служилыхъ людей,—привительство начало верстать земельными окладами на помѣстномъ правѣ болѣе низкіе служебные слои; такъ въ 70-хъ годахъ XVI ст. даны были помѣстья въ Дѣдиловскомъ у. 200 казакамъ за азовскую и чигиринскую службы, тогда же получили помѣстья въ Каширскомъ, Пронскомъ и Зарайскомъ уу. служилые татары, въ 1585 г. 300 человѣкъ Епифанскихъ казаковъ были поверстаны въ дѣти боярскія и получили помѣстья въ томъ же Епифанскомъ у· Вся эта масса составляла главное ядро военныхъ силъ московскаго государства. Мы имѣемъ точную цифру дворянъ, участвовавшихъ въ походѣ 1578 г.: 212 служилыхъ князей и выборныхъ дворянъ, 9211 дворянъ и дѣтей боярскихъ московской земли, 1109 чел. новгородскихъ и юрьевскихъ помѣщиковъ—всего 10532 чел., нѣсколько ранѣе—въ 1563 г. въ походѣ на Полоцкъ, когда Іоаннъ Грозный долженъ былъ двинуть почти всѣ наличныя силы государства, дворянъ участвовало 18025 чел. Считая, что часть силъ государства должна была оставаться для охраны границъ,—можно опредѣлить количество дворянства, годнаго къ службѣ, приблизительно въ 25 тыс. человѣкъ.

Постепенно, въ теченіе XVI и XVII ст. совершилось раздѣленіе служилаго сословія на разряды—во главѣ стояли роды, дававшіе членовъ боярской думы, затѣмъ идутъ придворные чины, московское дворянство, занимавшее болѣе высокія должности по управленію и, наконецъ, масса провинціальнаго дворянства и дѣтей боярскихъ.

Къ этому же времени относится и образованіе мѣстничества, о которомъ я буду говорить особо.

Уничтоженіе въ 1682 г. мѣстничества вызвало повелѣніе царя Ѳедора Алексѣевича составить родословную книгу, о которой

я буду говорить, когда коснусь вопроса о „Государевомъ Родословцѣ“.

Пережитые тяжелые годы смутнаго времени отразились и на положеніи служилаго класса, нести службу „конно, людно и оружно“ отъ юности до старости или полнаго увѣчья становилось не подъ силу громадному большинству дворянства, войны шли безпрерывно, границы государства расширялись, требовалось все болѣе и болѣе усилій дня ихъ охраны, помѣстья и вотчины лежали въ пустѣ, крестьянское населеніе разбрелось, и вотъ мы видимъ, что многіе дворяне въ это время „не хотятъ государевы службы служити и бѣдность терпѣти и идутъ въ холопи“, что вызвало въ 1642 г. со стороны правительства особый указъ съ запрещеніемъ дворянамъ идти въ холопы. Но издавать указы было, конечно, легче, чѣмъ ихъ исполнять—вѣдь не отъ хорошей жизни свободный служилый человѣкъ мѣнялъ свое положеніе на зависимое холопство. Таково было положеніе дворянской массы при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ; при Петрѣ I оно не улучшилось, служба стала еще тяжелѣй, почему переходъ дворянства въ податные классы населенія продолжался, вотъ почему изслѣдователю не разъ прійдется встрѣчаться съ потомками древняго служилаго рода, превратившимися въ крестьянъ, но часто сохранившими воспоминанія о своемъ дворянскомъ происхожденіи. Стоитъ проѣхаться по нѣкоторымъ уѣздамъ Тульской, Тамбовской, Орловской, Курской и Воронежской губерній, т.-е. по той мѣстности, гдѣ въ XVI и XVII вв. пролегала пограничная черта, и вы встрѣтите цѣлые ряды бывшихъ государственныхъ крестьянъ, такъ называемыхъ четвертныхъ владѣльцевъ, сохранившихъ это названіе, какъ воспоминаніе о тѣхъ четвертяхъ, которыми верстались ихъ предки,—это все потомки первыхъ насельниковъ и колонизаторовъ края—дѣтей боярскихъ XVI и XVII вв.; нерѣдко въ какой-нибудь избѣ вы найдете и древній свитокъ, какъ доказательство того, что предки его теперешняго влядѣльца были служилыми людьми и помѣщиками. Не удивляйтесь, если среди фамилій этихъ услышите не утратившихъ своего значенія и въ настоящее время княжескихъ фамилій, но, конечно, уже безъ титула, знайте,что это отпрыски древнѣйшихъ родовъ, которые до сихъ поръ еще не утратили воспоминанія о своемъ дворянскомъ, а иногда и княжескомъ происхожденіи. Такъ растворились въ народной массѣ потомки служилыхъ родовъ, которые въ былыя времена окружали престолы русскихъ князей и составляли княжескія дружины.

Послѣ извѣстной грамоты императрицы Екатерины II 1785 г. многіе представители старинныхъ родовъ, зачисленныхъ въ подушный окладъ, поднялись для того, чтобы возстановить свои утраченныя права, и тѣмъ, кто спеціально займется генеалогіей, придется не разъ имѣть дѣло съ многотомными дѣлами въ депутатскихъ собраніяхъ о возстановленіи въ дворянскомъ достоинствѣ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, носящихъ фамильныя прозванія, хорошо знакомыя генеалогу.

XVIII вѣкъ, особенно его 1-я половина—это самая темная страница въ исторіи дворянства для генеалога. Старое дѣло все разрушено, новаго ничего не создано, и генеалогу приходится по обрывкамъ собирать свѣдѣнія о представителяхъ родовъ, кое-какой матеріалъ даютъ только сказки о службѣ и дѣла герольдмейстерской конторы, гдѣ собирались свѣдѣнія о недорослях, —только появленіе указа 1785 г. съ повелѣніемъ составить родословныя книги выводитъ насъ на торную дорогу, и съ этого времени работа генеалога, до извѣстной степени, облегчена. На этой родословной книгѣ и въ связи съ нею на тѣхъ учрежденіяхъ, которыя возникли при этомъ, т.-е. на дворянскомъ депутатскомъ собраніи и Департаментѣ Герольдіи, мы остановимся болѣе подробно, т. к. генеалогу какъ то, такъ и другое обойти нельзя—это тѣ камни, изъ которыхъ изслѣдователи строютъ фундаментъ для постройки всего зданія.

Въ началѣ XVIII ст. у насъ появилось наименованіе царедворцевъ, которое носили, повидимому, роды, представители которыхъ до того служили въ высшихъ чинахъ, затѣмъ наименованіе царедворцевъ было измѣнено на шляхетство, которое удержалось до времени Екатерины Великой, и съ тѣхъ поръ высшій классъ носитъ наименованіе дворянства.

Съ изданіемъ при Петрѣ I табели о рангахъ появилась у насъ выслуга въ дворянство, получившій чинъ 8 класса тѣмъ самымъ причислялся „въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству“, т.-е. пріобрѣталъ потомственное дворянство. Съ этого времени число дворянскихъ родовъ быстро увеличивается, на смѣну древнихъ родовъ, представители которыхъ, благодаря тяжелымъ условіямъ службы на окраинахъ, превращались въ однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ, появилась цѣлая масса новыхъ родовъ, происходившихъ отъ новыхъ дѣятелей XVIII ст., въ числѣ которыхъ мы видимъ царскихъ истопниковъ, конюховъ, вспѣвальной музыки контористовъ и вспѣваковъ; между прочимъ были возведены въ дворянское достоинство всѣ рядовые роты, которыя помогли Елизаветѣ Петровнѣ взойти на престолъ. Петромъ I введены у насъ титулы, которыхъ не знала древняя Русь.

Въ старину у насъ былъ единственный титулъ—это князь, при чемъ титулъ не жалованный, а означавшій, что предки лица, носившаго его, были владѣтельными государями, исключеніе составляли только татары, которые признавались князьями очень легко; достаточно было татарскому мурзѣ появиться на русской службѣ, чтобы быть признаннымъ въ княжескомъ достоинствѣ; у насъ даже говорили, что если мурза появлялся въ Москвѣ зимой, то его царь жаловалъ шубой, а если лѣтомъ, то княжескимъ титуломъ. Въ самомъ началѣ титулы жаловались обыкновенно австрійскимъ императоромъ, но затѣмъ Петръ сталъ самъ возводить въ баронское, графское и княжеское достоинство Россійской имперіи.

Пожалованъ былъ княжескій титулъ слѣдующимъ родамъ: Меншиковымъ, Аргутинскимъ-Долгорукимъ, Барклай-де-Толли, Безбородко, графамъ Паскевичамъ-Эриванскимъ, Васильчиковымъ, Воронцовымъ, гр. Голенищевымъ-Кутузовымъ, гр. Суворовымъ-Рымникскимъ, Кочубеямъ, графамъ Ливенъ, Лопухинымъ, гр. Орловымъ, гр. Фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, гр. Салтыковымъ, Чернышовымъ.

Графскій титулъ Россійск. Имперіи получили Адлербергъ, Апраксины, Аракчеевъ, Барановы, Баранцовы, Барклай-де-Толли, Безбородко, Бенкендорфъ, Беннигсенъ, Бестужевъ-Рюминъ, Блудовъ, Бобринскіе, Брунновъ, Брюсъ, Бутурлины, Бѣлевскіе, Валуевы, Васильевы, Васильчиковы, Витте, Воронцовы, Врончено, Вязмитиновы, Гендриковы, Голенищевы-Кутузовы, Головкины, Граббе, Гудовичи, Гурьевы, Девіеры, Деляновы, Денисовы, Дибичъ-Забалканскій, Дмитріевы-Мамонтовы, Евдокимовы, Ефимовскіе, Заводскіе, Зотовы, Игнатьевы, Каменскіе, Канкрины, Киселевы, Клейнмихель, Коновницины, Коссаковскіе, Корфъ, Коховскіе, Коцебу, Кочубеи, Кречетниковъ, Курута, Кутаисовы, Кушелевы, Ламздорфъ, Ланжеронъ, Ланскіе, Левашевы, Левенвольде, Ливенъ, Лидерсъ, Литке, Лорисъ-Меликовъ, Матвѣевы, Милорадовичи, Милютины, Минихъ, Мордвиновы, Муравьевы, Мусины-Пушкины, Никитины, Новосильцевъ, Олсуфьевы, Оппермань, Орловы, Фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, Остерманъ, Фонъ-деръ-Паленъ, Панины, Паскевичи, Перовскіе, Платовы, Потемкины, Пржездецкій, Протасовы, Путятины, Разумовскіе, Рейтернъ, Рибопьеръ, Ридигеръ, Ростовцевы, Ростопчины, Румянцевы, Салтыковы, Скавронскіе, Сперанскій, Сольскій, Строгановы, Суворовы, Сумароковы, Татищевы, Толстые, Толь, Тормасовъ, Тотлебенъ, Уваровы, Ушаковъ, Ферзенъ, Чернышевы, Шереметевы, Шуваловы, Эссенъ, Ягушинскій.

Начиная съ Петра I появляется титулъ барона Россійской имперіи.

Первымъ россійскимъ барономъ былъ государственный подканцлеръ Петръ Павловичъ Шафировъ, получившій этотъ титулъ отъ Петра Великаго 30-го мая 1710 года. Потомство его угасло въ 1767 году со смертью его внука, барона Василія Исаевича. Затѣмъ Петромъ Великимъ былъ пожалованъ въ бароны за успѣшное заключеніе Ништатскаго мира тайный совѣтникъ Андрей Ивановичъ Остерманъ (30-го августа 1721 года). Въ 1730 году 28 апрѣля Остерманъ получилъ отъ императрицы Анны графское достоинство. Третье и послѣднее пожалованіе Петромъ I баронства было братьямъ Строгановымъ, 6-го марта 1722 г.; именитые люди Александръ, Николай и Сергѣй Григорьевичи Строгановы получили баронскій титулъ, но онъ не удержался въ ихъ потомствѣ. Въ 1761 году баронъ Александръ Сергѣевичъ грамотой императора Франца I былъ возведенъ въ графы Римской имперіи, а 21-го апрѣля 1798 года получилъ россійское графское достоинство, которое 22-го августа 1826 года было пожаловано и другой вѣтви Строгановыхъ въ лицѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Григорія Александровича. Императрица Екатерина I возвела въ бароны 1-го января 1727 года ассессора Коммерцъ-Коллегіи Осипа, директора Архангельской таможни, Дмитрія и Аѳанасія Алексѣевичей Соловьевыхъ. Ихъ потомству Департаментъ Герольдіи въ 1841 году 24-го ноября отказалъ въ правѣ пользоваться баронскимъ титуломъ, вслѣдствіе утери ими необходимыхъ документовъ. Затѣмъ въ бароны Россійской имперіи былъ пожалованъ голштинскій графъ-канцелеръ и посланникъ при русскомъ дворѣ фонъ-Штамбкенъ. При Петрѣ II баронскимъ титуломъ былъ награжденъ камеръ-юнкеръ Высочайшаго двора, любимецъ Петра Великаго, Василій Петровичъ Поспѣловъ 22-го іюня 1728 года. Потомство его пресѣклось.

Императрица Анна и регентство императора Іоанна Антоновича не давали баронскаго титула совершенно.

Елизавета Петровна, за все время своего царствованія, успѣла пожаловать въ бароны, 25 апрѣля 1742 года, лишь одного стараго слугу своего отца, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Антоновича Черкасова, потомство котораго существуетъ до сихъ поръ.

Въ кратковременное правленіе Петра III не было вообще пожалованій ни графскаго, ни баронскаго титула.

Императрица Екатерина II возвела на баронское достоинство слѣдующихъ лицъ: 13-го февраля 1769 года, за привитіе ей оспы, доктора медицины, лейбъ-медика, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, англійскаго дворянина Томаса Димздаля и его

второго сына Наѳанаила, обоихъ по порядку первородства; 26-го января, за подвиги въ Турецкой войнѣ генералъ-маіоръ Отто Адольфа фонъ-Вейсмана и его братьевъ, полковника Густава-Эммануила и подполковника Франца Готгарда, съ наименованіемъ Вейсманъ-фонъ-Вейсенштейнъ; родъ этотъ пресѣкся со смертью новопожалованныхъ; 15-го марта 1772 года амстердамскихъ банкировъ Теодора и Раймонда Де Смеетъ, потомки которыхъ находятся въ Голландіи и до сихъ поръ сохраняютъ титулъ; 5-го августа 1773 года придворнаго банкира Ивана Юрьевича Фредерикса; 6-го февраля 1777 года россійскаго агента въ Тосканѣ и Ливорно Роберта Рутерфурда; 7-го іюня 1777 года канцеляріи совѣтника россійскаго министра при епископѣ Любекскомъ Ивана Ивановича Местмахера (родъ существуетъ до сихъ поръ); 7-го іюня 1788 года придворнаго банкира Ричарда Сутерленда, окончившаго вскорѣ жизнь самоубійствомъ и не оставившаго дѣтей; 26-го ноября 1788 года генералъ-маіора Георга Максимовича Спренгпортена, получившаго впослѣдствіи, въ 1809 году, графское достоинство по вновь присоединенному великому княжеству Финляндскому, и 30 іюня 1789 года артиллеріи генералъ-аншефа Ивана Ивановича Меллера, съ наименованіемъ Меллеръ-Закомельскій (потомство продолжается).

Императоръ Павелъ Петровичъ, отличавшійся щедростью на раздачу титуловъ вообще, пожаловалъ баронское достоинство шести лицамъ: генералъ-маіору Алексѣю Андреевичу Аракчееву, государственному казначею тайному совѣтнику Алексѣю Ивановичу Васильеву, обоимъ 5-го апрѣля 1797 года; егермейстеру Ивану Павловичу Кутайсову 22-го февраля 1799 года; 14-го іюля 1800 года-придворнымъ банкиромъ Іосифу Петровичу Вельо, Александру Францу Ралю и Николаю Семеновичу Роговикову. Изъ нихъ впослѣдствіи получили графское достоинство Аракчеевъ и Кутайсовъ—5-го мая 1799 года и Васильевъ 15-го сентября 1801 года; родъ Роговикова пресѣкся, потомство Вельо и Раля продолжается до сихъ поръ.

Императоръ Александръ I пожаловалъ одного барона на свою коронацію 15-го сентября 1801 года, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника сенатора Ѳеодора Михайловича Колокольнева.

Николай I Павловичъ возвелъ въ баронское достоинство 22-го августа 1826 года, извѣстнаго богача, банкира Людвига Ивановича Штиглица; со смертью барона Александра Людвиговича угасла баронская вѣтвь этого дома, боковыя же, дворянскія, линіи продолжаются до сихъ поръ.

Императоръ Александръ II 9-го марта 1857 года пожаловалъ въ бароны варшавскаго банкира Антона-Эдуарда Френкеля; затѣмъ 22-го декабря 1862 года ревельскаго бургомистра потомственнаго дворянина Іоганна-Карла Жирарда де Сукантонъ. 23-го іюня 1864 года баронское достоинствО получилъ потомственный дворянинъ Константинъ Карловичъ Фелейзенъ; 20-го мая 1866 года—представитель торговаго дома Кусовыхъ, статскій совѣтникъ дворянинъ Алексѣй Алексѣевичъ Кусовъ; 4-го іюня 1870 года—владѣлецъ мануфактурныхъ фабрикъ въ царствѣ Польскомъ, дворянинъ Вильгельмъ Фридрихъ Захертъ, и 6-го мая 1877 года—с.-петербургскій 1-й гильдіи купецъ Іоганнъ-Людвигъ Кнопъ. Представители всѣхъ баронскихъ фамилій, пожалованныхъ императоромъ Александромъ II, существуютъ и въ настоящее время, за исключеніемъ угасшаго уже рода бароновъ Захертъ. Императоръ Александръ III Александровичъ не возводилъ никого въ баронское достоинство, а нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай II Александровичъ пожаловалъ баронскій титулъ 30-го января 1898 года потомственному дворянину Леопольду Кроненбергу „въ воздаяніе его особыхъ на поприщѣ отечественной торговли и промышленности заслугъ“, какъ гласитъ высочайшій указъ.

Такимъ образомъ всѣхъ фамилій, получившихъ баронское достоинство Російской имперіи, со времени перваго пожалованія этого титула при Петрѣ Великомъ до настоящаго времени насчитывается 31. Изъ этого числа нѣкоторые роды пресѣклись, другіе получили, какъ высшую награду, графство, иные находятся за границей (Штамбенъ, Димздоль, де Смеетъ), и теперь изъ общей массы свыше 170 баронскихъ родовъ, пользующихся этимъ титуломъ въ Россіи, не считая Финляндіи, лишь 12 фамилій (Черкасовы, Фредериксы, Местмахеры, Меллеръ-Закомельскіе, Вельо, Раль, Франкели, Жирардъ-де-Сукантоны, Фелейзены, Кусовы, Кнопы и Кроненберги) награждены баронскимъ достоинствомъ россійскими монархами, а остальные являются или иностранными баронами или баронами остзейскаго происхожденія.

Чтобы дополнить общую картину состава дворянства нужно упамянуть, что за XVIII и XIX ст. къ русскому дворянству примкнули дворянства: въ 1818 г. грузинское, бессарабское, остзейское, финляндское, польское, въ 1839 малороссійское, въ 1784 князья и мурзы татарскіе, слился съ русскимъ дворянствомъ старшинскій классъ казачьихъ областей, будучи сравненъ съ армейскими чинами. Признаніе въ правахъ русскаго дворянства дѣлалось очень легко, особенно въ началѣ присоединенія областей въ Россіи, правительство, желая привлечь къ себѣ высшіе классы населенія,

очень легко признавало за ними права высшаго сословія Россіи; но если время проходило и объ этомъ своевременно не заявлялось, то такое признаніе затягивалось, а иногда и совершенно въ немъ отказывалось, что часто было и непослѣдовательно, какъ это случилось съ высшими классами Кабардинскаго народа, которые и по сіе время не могутъ добиться признанія за собою правъ, хотя безусловно ихъ имѣютъ.

Сословій въ Кабардѣ было 2—пши и вуорки; вторые дѣлились на 3 степени, первая изъ нихъ была владѣтельною и была крайне малочисленна, какъ и сословіе пши. Въ большой Кабардѣ, напримѣръ, было всего 4 рода пши (Кайтукины, Бекъ-Мурзины, Мисостовы и Атажукины), имъ принадлежали административныя права надъ народомъ; вуорковъ 1-й ст. было 5 родовъ (Куденеты, Анзоровы, Тамбіевы, Хамурзины, Жанбулатовы)—имъ принадлежала вся земля въ Кабардѣ. Первый изъ этихъ родовъ—родъ Куденетовъ—пользовался громадными привелегіями, такъ, напримѣръ, слово данное членомъ рода Куденетовъ, было обязательно для всего народа, не исключая и князей, т.-е. пши; человѣкъ, находящійся подъ покровительствомъ семьи Куденетовъ, находился подъ покровительствомъ всего Куденетскаго народа. Насколько велико было значеніе Куденетовъ, видно изъ разсказа объ одномъ посольствѣ Кабардинцевъ къ Императору Николаю Павловичу; во главѣ посольства стоялъ Куденетъ; на вопросъ Государя, почему во главѣ не князь, Куденетъ отвѣтилъ: „потому что я Куденетъ“.

И вотъ такимъ-то семьямъ было отказано въ дворянскомъ достоинствѣ, тогда какъ одновременно съ этимъ признается цѣлыя массы польской шляхты, никогда никакими правами у себя не пользовавшіяся. Такъ же какъ въ Б. Кабардѣ немногочисленны и владѣтельные роды и у другихъ кавказскихъ народовъ, такъ у Чеченцевъ мы знаемъ три семьи: Парчхой или Пешкой, Цечой или Цецой и Турловыхъ, у Осетинъ Тугановыхъ, Кубатіевыхъ, Дударовыхъ или Дударуковы, у Кумыковъ Айдемировыхъ и все въ томъ же родѣ.

И если бы нашлось такихъ родовъ 3-4 десятка, то, думается, они бы не испортили и безъ того пестраго фона россійскаго дворянства, а между тѣмъ этотъ упорный отказъ въ правахъ вселяетъ крайнее неудовольствіе. Мнѣ лично пришлось, если не ошибаюсь, въ 1902 г. бесѣдовать въ Петербургѣ съ депутаціею высшихъ сословій горскихъ народовъ, во главѣ которой опять-таки стоялъ Куденетъ, пріѣхавшей спеціально хлопотать о распространеніи на нихъ правъ дворянства, и въ ихъ словахъ слышался справедливый упрекъ по отношенію тѣхъ, кто могъ бы помочь имъ получить

то, что такъ легко давалось другимъ. Но трудно что-нибудь сдѣлать, имѣя такое архаическое учрежденіе, какимъ является нашъ департаментъ герольдіи, стоящій на мертвой буквѣ закона и имѣющій членовъ, не имѣющихъ никакого понятія о томъ дѣлѣ, къ которому ихъ привязала слѣпая судьба.

Съ конца XVIII ст. къ составу дворянства была присоединена и казачья старшина, начавшая обособляться въ особый классъ съ самаго начала XVIII ст., когда постепенно власть казачьяго круга начала замѣняться единолично властью гетмана или атамана, поддерживаемаго центральнымъ правительствомъ, которое находило эту власть болѣе соотвѣтствующей и болѣе отвѣчающей своимъ цѣлямъ. Около атамановъ складывался особый классъ старшины, который стремился сдѣлать это званіе наслѣдственнымъ, результатомъ чего и явилось въ казачьихъ областяхъ населеніе со всѣми прпзнаками высшаго сословія и съ стремленіемъ владѣть крѣпостными, въ началѣ бѣглыми, а затѣмъ, съ усиленіемъ своего вліянія, и закрѣпощенными казаками. Въ концѣ концовъ этотъ классъ былъ признанъ въ правахъ россійскаго дворянства, при чемъ въ Донской области это произошло въ 1798 г., когда казачьи офпцерскіе чины были сравнены съ армейскими, что и давало ихъ носителямъ права дворянства; послѣ Донского войска съ теченіемъ времени были сравнены въ чинахъ казаки Кубанскіе въ 1802 г., Уральскіе въ 1799 г. Астраханскіе въ 1817 г., Оренбургскіе въ 1840 г. и въ 1845 г. Терскіе и Сибирскіе.

Въ малороссійскомъ войскѣ въ правахъ дворянства были прпзпаны: лица, имѣвшія изъ прежнихъ малороссійскихъ чиновъ слѣдующіе: генеральнаго обознаго, генеральнаго судьи, генеральнаго подскарбія, генеральнаго писаря, генеральнаго есаула, генеральнаго хорунжаго, генеральнаго бунчужнаго, полковниковъ войскового правленія, бунчуковыхъ товарищей, обозныхъ полковыхъ артиллерійскаго правленія, есауловъ артиллерійскаго правленія, хорунжихъ артиллеріи генеральной артиллерійскаго правлепія, полковыхъ есауловъ, хорунжихъ и сотниковъ войсковаго правленія, атамановъ артиллеріи генеральной, войсковыхъ товарищей и писарей полковыхъ статскаго правленія, равно тѣ голько чины подкоморія, земскаго судьи и подсудка, кои жалованы были во время существовавшаго въ Малороссіи гетманскаго правленія.

Въ доказательство дворянства отъ Молороссіянъ принимаются: грамоты, жалованныя отъ Россіи Царей и Великихъ князей, и данные гетманами за службу универсалы на недвижимыя имѣнія, также универсалы или патенты бывшей Малорос. Коллегіи на прежніе малорос. чины, которые я только что указалъ.

Малорусское дворянство нѣсколько отличается отъ другихъ казачьихъ земель тѣмъ, что оно существовало уже раньше, и въ 1654 г. 300 шляхтичей присягнули на вѣрность Московскому царю. Небезызвѣстная изслѣдовательница Малорусской старины г-жа Ефименко говоритъ, что „по всей вѣроятности, главный контингентъ шляхты составляли бывшіе земяне, низшія наслоенія шляхетскаго сословія, родственныя шляхты литовскихъ „застѣнковъ“ или же еще ближе извѣстной овручской лычаковой шляхтъ, которая ходила за плугомъ съ саблями, подвязанными мочалой, и хотя могла себя мнить de jure „равной воеводѣ“, но de facto должна была взирать на недостигаемую высоту изъ своихъ общественныхъ доловъ чуть не съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и любой подданный. Но какъ бы то ни было, разъ установленъ фактъ, что дворянство, хоть и въ жалкихъ остаткахъ, пережило переворотъ, является естественное предположеніе, что именно оно и послужило ферментомъ, благодаря вліянію котораго такъ быстро образовалось въ лѣвобережной Украйнѣ новое дворянство“. (Ефименко. Южная Русь, I. 146). Та же г-жа Ефименко приходитъ къ заключенію, что старая шляхта, послуживъ ферментомъ для образованія дворянства, сама осталась въ сторонѣ и новое малорусское дворянство все цѣликомъ образовалось изъ войскового уряда, которое, забывъ свое происхожденіе изъ простой казачьей массы, въ концѣ XVIII ст. говорило, что „по древнему праву выборовъ, малороссійскому праву присвоенныхъ, всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичъ, а не бывъ шляхтичемъ, невозможно было никому быть избираемому и имѣть чинъ“ (Ефименко. I, 152), но это утвержденіе исторически невѣрно и доказываетъ только лишній разъ, что при самомъ демократическомъ укладѣ естественно желаніе себя выдвинуть изъ общей массы. Ляхъ и шляхичъ въ глазахъ малоросса, по словамъ той же г-жи Ефименко, были равнозначущи, и вотъ малороссійская старшина стремится выводить себя отъ польской шляхты и происходитъ полонизація фамилій, появляется цѣлый рядъ двойныхъ фамилій, появляется масса документовъ, сфабрикованныхъ, какъ говорятъ, въ Бердичевѣ, въ результатѣ чего въ числѣ предковъ юнаго малорусскаго дворянства мы находимъ польскихъ магнатовъ и князей, татарскихъ мурзъ, венеціанскихъ графовъ и т. п. Существовало, впрочемъ, нѣсколько фамилій, которые дѣйствительно пользовались раньше дворянскими правами, это были: Лизогубы, Дмитрашки-Раичи, Горленко, Божко, Рубцы, Бороздны, Бакуринскіе, Случановскіе и нѣкоторые другіе, члены которыхъ получили русскіе чины, а

съ нимн вмѣстѣ и права дворянства, но это являлось исключеніемъ, съ какимъ намъ приходится встрѣчаться и въ другихъ казачьихъ областяхъ.

Со времени Петра I въ Россіи, благодаря постояннымъ сношеніямъ, появляются представители высшихъ классовъ Молдавіи и Валахіи, усиленный выѣздъ которыхъ въ Россію начался послѣ 1711 г., и изъ которыхъ многіе попали въ ряды русскаго дворянства. Распознать происхожденіе этихъ родовъ легко по ихъ гербу: валахскіе роды имѣютъ въ своемъ гербѣ летящую птицу, держащую въ клювѣ крестъ, молдавскіе—воловью голову; напр. Кантеміръ, Абаза, Бантышъ-Каменскій, Черногорецъ, Милорадовичъ, Куликовскіе и др. Сынъ князя Дмитрія Кантеміра, Антіохъ Кантеміръ, былъ въ русской службѣ при Петрѣ Великомъ. Въ 1715 году поступили къ Петру изъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи: 3 полковника, 4 ротмистра, 9 офицеровъ, 2 сербскихъ капитана и 148 сербскихъ солдатъ. При Петрѣ въ русскую службу поступало такъ много иностранцевъ всѣхъ націй, что нѣтъ возможности ихъ перечислить. Петръ нанималъ какъ иностранныхъ фельдмаршаловъ, генераловъ, полковниковъ, такъ и художниковъ, мастеровыхъ; вездѣ были иностранцы, нужные, какъ учителя для русскихъ. На службѣ при Петрѣ были иностранцы: изъ 52 пѣхотныхъ полковъ—22 иностранныхъ полковника, изъ 33 кавалерійскихъ полковъ—11 иностранныхъ полковниковъ. Иностраннымъ полковникамъ давалось двойное противъ русскихъ жалованье 600 р., а русскимъ 300 р. Въ 33 кавалерійскихъ полкахъ полковой штабъ состоялъ изъ 330 человѣкъ, изъ нихъ 88 иноземцевъ; ротныхъ офицеровъ было 2310 человѣкъ, изъ нихъ иноземцевъ 330. Вообще указомъ 1711 года было постановлено, чтобы русскихъ было 5 человѣкъ при той должности, гдѣ иноземцевъ было 3. Въ 1717 году при учрежденіи коллегій было постановлено, чтобы президенты коллегій были русскіе, а вице-президенты иностранцы. Въ каждой изъ 9 коллегій были иностранцы: 1 совѣтникъ или ассесоръ, 1 секретарь, 1 шкрейверъ.

31 декабря 1741 г. Императрица Елизавета Петровна возвела въ дворянство гренадерскую роту Преображенскаго полка, которая оказала ей помощь при восшествіи на престолъ, составъ ея былъ 364 человѣка, но въ этомъ числѣ были, впрочемъ, и дворяне. Роды, происходящіе отъ этихъ гренадеръ, имѣютъ въ гербѣ стропило съ 3 горящими бомбами, а шлемъ, вмѣсто дворянской короны, увѣнчали гренадерской шапкой. Среди этихъ родовъ нѣкоторые довольно извѣстны: будущіе князья Воронцовы, графы Шуваловы, Храповицкіе, Охлестышевы, Картавцевы, Слѣпцовы

и нѣкоторые другіе. Разыгравшіеся въ концѣ XVIII ст. событія во Франціи дали намъ цѣлый рядъ представителей французскаго дворянства, каковы, между прочимъ, маркизы де-Траверсе, графы де-Сенъ-При, графы де-Тулузъ-Лотрекъ, гр. де-Рецъ-Шанкло, гр. Шуазель-Гуфье, гр. Раймондъ-Моденъ, гр. де-Шамборантъ.

Въ 1750-хъ годахъ между р.р. Луганью и Бахмутомъ, по правому берегу р. Сѣв. Донца были поселены сербы, болгары, волохи, венгры и представители другихъ народностей Австріи и Балканскаго полуострова, и съ этого времени среди русскаго дворянства мы имѣемъ такія фамиліи, какъ Хорваты, Депрерадовичи, Штеричи, Евличи, Шевичи, Подгоричане-Петровичи, Вуичи, Булацели, Гирчичи и т. д.

IX. X.

Раздѣляя составъ высшаго русскаго дворянства на его составныя части, мы получимъ слѣдующіе главные элементы:

1. Потомство Рюрика.
2. Потомство Гедимина.
3. Роды русскаго происхожденія.
4. Роды выѣзжіе изъ западныхъ государствъ.
5. Роды татарскаго происхожденія.

Громадное большинство этихъ родовъ, за исключеніемъ потомковъ Рюрика и Гедимина, не поддаются точному опредѣленію, такъ какъ легенды, лежащія въ ихъ основѣ — только легенды, ничего не доказывающія и ни на чемъ не основанныя. Даже нѣкоторые роды, производимые отъ Рюрика и признанные оффиціально въ качествѣ таковыхъ, также должны быть подвергнуты научной критикѣ, каждый въ отдѣльности, такъ какъ не имѣютъ научныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ доказательствъ своей принадлежности къ потомству Рюрика; таковы, напримѣръ, всѣ нетитулованные роды, производящіе себя отъ Смоленскихъ князей. Родословіе этихъ князей очень запутано и вызываетъ много недоумѣній, почему каждый родъ долженъ быть разсмотрѣнъ особенно тщательно, раньше чѣмъ произносить свое сужденіе. Генеалогу необходимо считаться съ существовавшей у насъ модой выводить себя отъ знатнаго иностраннаго выходца, это считалось какъ бы хорошимъ тономъ, не даромъ же въ концѣ XIII ст. несомнѣнный князь-рюриковичъ, забывъ о своемъ происхожденіи отъ русскихъ удѣльныхъ князей, хорошо зналъ только одно, что для знатности русскаго рода необходимо вывести себя отъ выходца, и онъ съ спокойной совѣстью заявляетъ, что родоначальникъ его выѣхалъ изъ Большой Орды. Мы имѣемъ о составѣ русскаго дворянства

изслѣдованіе пр. Загоскина—„Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-петровской Руси“, гдѣ авторъ расчленилъ русское дворянство на составные его элементы, но руководствовался онъ для этого показаніями родословныхъ росписей безъ критической оцѣнки этихъ показаній, почему это изслѣдованіе и не можетъ удовлетворить нашихъ требованій, при чемъ, конечно, это не вина изслѣдователя, такъ какъ произвести критическій анализъ всѣхъ вымысловъ, а иногда и добросовѣстныхъ заблужденій, физически невозможно, да и нѣтъ для этого достаточныхъ данныхъ. Начало многихъ родовъ теряется въ глубокой старинѣ и искать какихъ-нибудь свѣдѣній о такихъ отдаленныхъ временахъ положительно невозможно. Доказать выѣздъ кого-либо изъ родоначальниковъ нашихъ древнихъ родовъ невозможно, но и доказать противное также невозможно, почему что бы ни говорилъ изслѣдователь противъ выѣздовъ, его противники всегда могутъ сказать: а все-таки родъ выѣзжій. Не всегда вѣдь возможно такъ опредѣленно опровергнуть вымыселъ о выѣздѣ, какъ это сдѣлалъ Н. П. Лихачевъ по отношенію къ Головкинымъ. Въ виду этой безцѣльности я не буду дѣлать попытки опредѣлить происхожденіе родовъ, а ограничусь лишь выясненіемъ того служебнаго значенія, какое имѣлъ родъ въ моментъ уничтоженія мѣстничества и составленія родословной книги по повелѣнію царя Ѳеодора Алексѣевича, т.-е. опредѣлю составъ въ это время боярской думы, какъ высшаго правительственнаго учрежденія страны, наканунѣ реформъ Петра I, внесшаго громадныя перемѣны въ жизни дворянства и сильно измѣнившаго не только его физіономію, но и самый его составъ, облегчивъ доступъ въ него при посредствѣ табели о рангахъ, пришедшей на смѣну старой классификаціи чиновъ и замѣнившей бояръ, окольничихъ, стольниковъ, возникшихъ на русской почвѣ и составлявшихъ продуктъ русской исторіи разными регистраторами, ассесорами и совѣтниками, ничего не говорившими русскому уху.

Въ 1722 г. Петромъ I была издана табель о рангахъ, по которой вся служба государству была раздѣлена на 14 классовъ.

По этой табели уже первый военный чинъ и гражданскій чинъ 8-го класса давали право потомствен. дворянства. Но рядомъ съ новыми чинами продолжали еще нѣкоторое время существовать и старые, какъ пережитокъ старины, такъ что нерѣдко можно, напримѣръ, встрѣтить, что стольникъ производился, положимъ, въ полковники и. т. п.

Прототипомъ внутренняго устройства Московскаго Государства была вотчина, прототипомъ великаго князя былъ хозяинъ—вотчинникъ. „Политическій корень Московскаго Государства, говоритъ И. Е. Забѣлинъ („Больш. бояринъ въ своей вотчин. хоз.“ В. Евр. 1871. II, 500), былъ исключительно вотчинный; былъ воспитанъ и выросъ на вотчинномъ развитіи народа, и сама Москва, въ смыслѣ Государства была ничѣмъ инымъ, какъ лишь типическимъ высшимъ видомъ старинной русской вотчины: потому она и стала называться государствомъ, то есть собственнымъ именемъ вотчины. Вотъ почему и общая государственная политика была, въ сущности, только наиболѣе полнымъ выразителемъ частныхъ вотчинныхъ отношеній“. Служба Государству въ началѣ была службою государю-вотчиннику. Весь укладъ придворной службы, всѣ придворныя должности имѣли въ прошломъ своихъ предковъ среди княжеской дворни, что, впрочемъ, произошло не въ одной только Россіи, тоже мы видимъ и на Западѣ, гдѣ позднѣйшіе почетные придворные титулы имѣли въ основаніи своемъ дѣйствительныя должности.

Всѣ наши древніе чины дворецкихъ, конюшихъ, оружничихъ, стольниковъ, стряпчихъ и т. д.—это все произошло отъ дѣйствительныхъ должностей княжескихъ дворовъ. Съ расширеніемъ власти Москов. великихъ князей всѣ эти дворовые чины превращаются въ должности Государственныя и дворные слуги сливаются съ боярами и вольными слугами. Несвободный элементъ, занимавшій эти должности, замѣняется свободнымъ, съ ростомъ авторитета московскихъ государей служба при нихъ становится все болѣе почетною, ее ищутъ не только просто свободные люди, къ ней стремятся уже люди знатные, на службѣ московскихъ государей появляются служилые князья племени Рюрика. Государь-вотчинникъ постепенно превращается въ Государя-Самодержца, окруженнаго цѣлымъ сонмомъ слугъ дворныхъ—царедворцевъ, раздѣленныхъ на множество чиновъ, которые то и дѣло встрѣчаются генеалогамъ въ ихъ изысканіяхъ, почему и считаю необходимымъ дать описаніе главнѣйшихъ изъ нихъ т.-е. не главнѣйшихъ по своему положенію, а чаще другихъ упоминаемыхъ въ документахъ. Того раздѣленія древнихъ чиновъ на военные и гражданскіе, какъ это имѣемъ мы теперь, сдѣлать невозможно, т. к. чины имѣли общее значеніе—какой-нибудь стольникъ сегодня могъ быть воеводою въ городѣ, а завтра быть посланникомъ, рейтарскимъ или стрѣлецкимъ полковникомъ, почему я сдѣлаю приблизительное опредѣленіе происхожденія древнихъ чиновъ и ихъ мѣсто среди другихъ чиновъ.

Первымъ чиномъ былъ бояринъ; происхожденіе его, какъ мы уже знаемъ, ведетъ начало изъ глубокой древности, его предками были мужи, старѣйшины, старцы и земскіе бояре. Бояре входили въ составъ боярской думы, сидѣли на воеводствахъ въ главнѣйшихъ городахъ, были во главѣ посольствъ, вообще занимали самыя крупныя и отвѣтственныя должности въ Государствѣ. Встрѣчаемъ также термины введеный и путный бояринъ. Вотъ какъ опредѣляетъ пр. Сергѣевичъ наименованіе введеный: „Введеные бояре это суть тѣ бояре, которымъ сказывается боярство. Сказывается не просто боярство, которое есть ничто иное, какъ бытовое наименованіе лучшихъ или старѣйшихъ людей, а введеное боярство. Княжеская служба создаетъ не бояръ вообще, а введеныхъ бояръ, иначе—придворныхъ бояръ, всегда состоящихъ при князѣ и дѣлающихъ его дѣло“ (Юр. др. I, 399).

Терминъ введенный появляется, повидимому, въ XIV и, надо думать, означаетъ тоже, что „княжій мужъ“ Русской Правды.

Путный означаетъ боярина, который пользуется извѣстнымъ кормленіемъ, т.-е. доходомъ съ какого-либо „пути“, путями назывались всякіе промыслы: ловчій, сокольничій и т. п. Терминъ ближній и комнатный означалъ особую приближенность къ особѣ государя.

Непосредственно въ боярахъ, минуя другіе чины, служили слѣдующія фамиліи: въ XV ст. Бороздины (6 чел.), кн. Оболенскіе (6), Морозовы (3), Сабуровы (3), кн. Холмскіе (3), кн. Ярославскіе (3), кн. Патрикеевы (2), кн. Микулинскіе (2), кн. Ряполовскіе (2), кн. Барбашины (1), кн. Булгаковы (1) кн. Дорогобужскіе (1), кн. Симскіе (1), кн. Телятевскіе (1), Хромые (1), Челяднины (1) и кн. Щенятевы (1); въ XVI ст. кн. Шуйскіе (14), кн. Пронскіе (8), кн. Оболенскіе (6), кн. Голицыны (5), кн. Воротынскіе (5), кн. Глинскіе (5), кн. Трубецкіе (5), кн. Горбатые (4), кн. Куракины (4); кн. Одоевскіе (4), кн. Ростовскіе (4), кн. Черкасскіе (4), кн. Курбскіе (3), кн. Микулинскіе (3), кн. Мстиславскіе (3), кн. Катыревы-Ростовскіе (3), кн. Щенятевы (3), кн. Куракины (4), кн. Курлятевы (2), кн. Пенковы (2), кн. Репнины (2), кн. Телекины-Ростовскіе (2), Челяднины (2), кн. Булгаковы (1), кн. Бѣлевскіе (1), кн. Горенскіе (1), кн. Кашины (1), кн. Ноготковы (1), кн. Ногтевы (1), кн. Хохолковы-Ростовскіе (2), Сукины (1), кн. Холмскіе (1) и Ѳедоровы (1).

Въ XVII ст. кн. Голицыны (14), кн. Одоевскіе (8), кн. Куракины (5), Морозовы (4), кн. Репнины (4), кн. Хованскіе (8), кн. Сицкіе (3), кн. Трубецкіе (4), кн. Буйносовы-Ростовскіе (2), кн. Урусовы (5), кн. Воротынскіе (1), кн. Кашины (1), кн. Бахтеяровы—

Ростовскіе (1), Темкины-Ростовскіе (1) кн. Пронскіе (1), кн. Сулешовы (1), кн. Шаховскіе (1), кн. Шуйскіе-Скопины (1); затѣмъ шли роды, члены которыхъ до боярства бывали и въ другихъ думныхъ чинахъ—окольничихъ и думныхъ дворянъ. Роды эти слѣдующіе:

Въ XV ст. Захарьины-Юрьеры, Плещеевы, Заболоцкіе.

Въ XVI ст. Воронцовы, Захарьины-Романовы-Юрьевы, Морозовы, Яковлевы, Годуновы, Шеины, Шереметевы, кн. Бѣльскіе, Сабуровы, Бутурлины, кн. Серебряные, кн. Теляшевскіе, Салтыковы, кн. Сицкіе, кн. Троекуровы, кн. Хворостинины, кн. Шастуновы, Адашевы, Басмановы, Борисовы, Вороные-Волынскіе, Давыдовы, Даниловы, Зоболоцкіе, Колычевы, кн. Кубенскіе, Кутузовы, кн. Полецкіе, Плещеевы, кн. Ромодановскіе кн. Ряполовскіе, кн. Симскіе, Собакины, кн. Таповы, кн. Телепневы, Траханіоровы, Тучковы, кн. Хилковы, кн. Ушатые.

Въ XVII ст. Салтыковы, Стрешневы, Шереметевы, Нагіе, кн. Ромодановскіе, кн. Долгорукіе, Милославскіе, кн. Черкасскіе, Головины, кн. Хилковы, кн. Прозоровскіе, кн. Барятинскіе, Романовы, кн. Львовы, Годуновы, кн. Мосальскіе, кн. Лобановы-Ростовскіе, кн. Троекуровы, Плещеевы, Басмановы, Бутурлины, кн. Бѣльскіе, кн. Волконскіе, Далматовы, кн. Лыковы, Зюзины, Колычевы, кн. Лыковы, Матвѣевы, кн. Мезецкіе, Нарышкины, Мусины-Пушкины, кн. Пожарскіе, Пушкины, Сабуровы, кн. Татевы, кн. Туренины, кн. Хворостинины, Хитрово, Шеины, Неплюевы, Соковнины, Головкины, Татищевы, кн. Щербатые, Лопухины, Матюшкины, Юшковы, Волынскіе, кн. Барятинскіе.

Порядокъ старшинства по времени полученія родами боярства слѣдующій:

До 1550-го года получили боярство слѣдующіе роды:

Барбашины, кн. Бѣлевскіе, кн. Горбатые-Шуйскіе, кн. Дорогобужскіе, Заболоцкіе, Долматовы-карповы, кн. Катыревы-Ростовскіе, кн. Кубенскіе, кн. Курбскіе, кн. Курлятевы, кн. Микулинскіе, кн. Нагіе, кн. Оболенскіе, кн. Одоевскіе, кн. Палецкіе, кн. Пенковы, кн. Пронскіе, кн. Ромодановскіе, кн. Ряполовскіе, кн. Репнины, кн. Серебряные, кн. Скопины-Шуйскіе, кн. Стригины, кн. Телепневы-Оболенскіе, кн. Телятевскіе, кн. Темкины-Ростовскіе, кн. Ушатые, кн. Холмскіе, кн. Хохолковы-Ростовскіе, кн. Шастуновы, кн. Шуйскіе, кн. Щепины-Ростовскіе, кн. Ярославскіе, Бороздины, кн. Булгаковы, кн. Бѣльскіе, кн. Голицыны, кн. Куракины, кн. Патрикѣевы, кн. Трубецкіе, кн. Щенятевы, кн. Бутурлины, Воронцовы-Вельяминовы, Кутузовы, Морозовы, Хромые, Шеины, Шереметевы, Челяднины, Романовы-Юрьевы-Захарьины,

Яковлевы, кн. Глинскіе, Давыдовы, Сабуровы, Симскіе, Плещеевы, Ѳедоровы.

Съ 1550-по 1600.

Кн. Воротынскіе, кн. Горенскіе, Даниловы, кн. Капины, кн. Ногтевы, кн. Сицкіе, кн. Татевы, кн. Троекуровы, кн. Хворостинины, кн. Хилковы, кн. Борисовы, кн. Мстиславскіе, кн. Колычевы, Салтыковы, Собакины Траханіотовы, Чоботовы, Годуновы, кн. Черкасскіе, Басмановы, Вороные, Адашевы, Сукины.

Съ 1600-по 1613.

Кн. Бахтеяровы-Ростовскіе, кн. Буйносовы-Ростовскіе, кн. Долгорукіе, кн. Кольцовы-Мосальскіе, кн. Лыковы, кн. Пріимковы-Ростовскіе, кн. Ромодановскіе, кн. Рубцовы-Мосальскіе, кн. Туренины, кн. Шаховскіе, Бѣльскіе, Волоцкіе, Головины, Нагіе, Сабуровы.

Съ 1613-по 1650.

Кромѣ того новая династія принесла боярскія шапки кн. Зубатымъ, кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, кн. Мезецкимъ, кн. Пожарскимъ, кн. Прозоровскимъ, кн. Хованскимъ, Пушкинымъ, кн. Сулешевымъ и Стрешневымъ.

Послѣ 1650 г. получили боярство:

Кн. Борятинскіе, кн. Волконскіе, кн. Козловскіе, Татищевы, кн. Щербатые, Головкины, Милославскіе, Мусины-Пушкины, Неплюевы, Ордынъ-Нащекины, Соковнины, Матюшкины, Нарышкины, кн. Урусовы, Хитровы, Юшковы, Лопухины, Волынскіе, Зюзины и Матвѣевы.

Всего имѣли своихъ представителей въ боярахъ 123 рода, изъ нихъ 63 рода принадлежали къ потомству Рюрика. Кромѣ указанныхъ еще двое носили званіе бояръ-Дмитрій Исаковичъ Борецкій въ 1471 г. и гетманъ малороссійскій Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій въ 1666 г.

Слѣдующимъ послѣ боярина шелъ чинъ окольничаго.

Древнѣйшее указаніе на окольничихъ мы имѣли въ концѣ XIII ст., когда упоминается охольничій Смолепскаго князя Ѳедора Ростиславича.

Окольничій раньше былъ должностью, они должны были устраивать для государя путь во время его походовъ: подъ 1555 г. имѣемъ слѣдующую запись: „Какъ государь ходилъ на Коломну и Тулу, а передъ государемъ были окольничіе отпущены на Коломну, а раздавали дворы...“, подъ 1567 г. „Лѣта 7076, сентября въ 3 день, ходилъ царь і великиі князь Іванъ Василье-

вичъ... въ свою отчину, въ Великій Новгородъ... окольничей передъ государемъ Василій Ивановичъ Умный Колычевъ, Василей, Григорьевъ сынъ Зузинъ...“, а слѣдующая выпись изъ разряда 1625 г. ясно показываетъ, что окольничество раньше чѣмъ стать членомъ было должностью:

„А какъ Государь пошелъ отъ Троицы, Сергіева монастыря, къ Москвѣ, и передъ государемъ шли въ окольничихъ мѣсто дворяне...“

Второй обязанностью окольничаго было, повидимому, объявленіе налов: „На окольничемъ мѣстѣ сидѣлъ въ засѣдкахъ окольничій Ѳедоръ Леонтьевичъ Бутурлинъ, купчинъ являлъ“.

Наименованіе окольничій прибавлялось иногда къ званію боярина:

„Послалъ князь великій въ Литву боярина своего окольничаго Григорья Ѳедоровича, сына Давидовича“, пр. Сергѣевичъ объясняетъ это тѣмъ, что окольничій бояринъ—это какъ бы младшій бояринъ по сравненіи съ старшимъ съ бояриномъ введенымъ.

Въ XVII ст. окольничіе несли тѣ же обязанности какъ и бояре, и входили въ составъ боярской думы. Встрѣчаемъ также наименованіе ближнихъ или комнатныхъ.

Слѣдующіе реды достигали окольничества, но не бывали въ боярахъ:

до 1550 г. достигли окольничество:

Кн. Великогоганы, кн. Звѣнцовы, Дмитріевы-Мамоновы, кн. Ноздреватые, Житовы, Квашнины, Беззубцевы, Жулебины, Ляцкіе, Сакмышевы, Свибловы, Тучковы, Бесенковы, Ивановы, Китаевы,

до 1600 г.

Кн. Вяземскіе, кн. Елецкіе, кн. Засѣкины, кн. Токмаковы, кн. Тулуповы, Чулковы, Зайцевы, Скуратовы, Обиняковы-Вельяминовы, Сорокоумовы, Клешнины, Лыковы, Петровы,

до 1613 г.

Кн. Жировые-Засѣкины, кн. Литвиновы-Мосальскіе, Измайловы, Крабовы, Щелкаловы,

послѣ 1613 до 1650

Чеглоковы, Коробьины, Ртищевы, Проѣстева,

послѣ 1650

Кн. Горчаковы, кн. Дашковы, Еропкины, кн. Хотетовскіе, Ухтомскіе, Желябужскіе, Кондыревы, Протасьевы, Квашнины-Самарины, Чаадоевы, Боборыкины, Змѣевы, Ржевскіе, Олферьевы,

Потемкины, Савеловы, Толочановы, Толстые, Шепелевы, Апраксины, Леонтьевы, Нарбековы, Чириковы, Языковы, Глѣбовы, Елизаровы, Акинфовы, Гавреневы, Голохвастовы, Зыковы, Колупаевы, Павловы, Щегловитовы, Хлоповы, Полибины, Пончищевы,

всего до окольничества достигали представители 73 родовъ.

Думные дворяне:

Начало думнаго дворянства лежитъ въ тѣхъ „дѣтяхъ боярскихъ, которые живутъ въ думѣ“ и указаніе на которыхъ мы встрѣчаемъ еще въ первой четверти XVI ст., когда подъ 1517 г. мы находимъ слѣдующую запись (Сб. Р. И. О. LIII, 40): „И государь напъ боарина своего Григорія Ѳедоровича послалъ на свое дѣло; и нынѣ государь нашь велѣлъ цѣловати крестъ въ Григорьево мѣсто своему сыну боарскому Ивану Юрьеву сыну Поджогина, который у государя въ Думѣ живетъ“, слѣдующая же запись отъ 1570 г. прямо указываетъ намъ, что дѣти боярскія, которые живутъ въ думѣ и думные дворяне одно и то же: „какъ дворяне королевскіе изъ избы вышли, и царь и великій князь велѣлъ изъ избы выйти дворяномъ всѣмъ, а остатися велѣлъ бояромъ и околничимъ и приказнымъ людемъ, да дворянамъ тѣмъ, которые у государя въ Думѣ зъ бояры живутъ. И призвалъ государь къ себѣ бояръ и околничихъ и прикозныхъ людей и дворянъ думныхъ, да посломъ велѣлъ къ себѣ приступится“ (Сб. И. О. LXXXI, 675), въ этой выпискѣ одновременно одни и тѣ же лица названы и дѣтьми боярскими, которые у государя въ Думѣ живутъ и думными дворянами.

Думное дворянство составляло третью степень въ составѣ боярской думы, назначались также и на воеводства, въ посольствахъ и сидѣли по приказамъ. Въ XVI ст. думными дворянами служили представители слѣдующихъ фамилій: кн. Телятевскіе, кн. Горенскіе. Зайцевы, Черемисиновы, Кобяковы, Воронцовы, Грязные, Бѣльскіе, Скуратовы, Безнины, Зюзины, Воейковы, Пивовы, Нагіе, Татищевы, Писемскіе, Ржевскіе, кн. Буйносовы-Ростовскіе, Алферьевы, Клешнины,

Въ XVII ст. Акинфовы, Аничковы, Баклановскіе, Башмаковы, Биркины, Бухвостовы, Вердеревскіе, Власовы, Глѣбовы, Гавреновы, Головцыны, Голохвастовы, Граматины, Дашковы, Елизаровы, Еропкины, Желябужскіе, Заборовскіе, Змѣевы, Зыковы, Зюзины, Извольскіе, Комынины, Карауловы, Клешнины, Колупаевы, Кондыревы, Косоговы, Ларіоновы, Леонтьевы, Лихаревы, Лихачевы, Ловчиковы, Лодыженскіе, Лопухины, Луговскіе, Лызловы, Ляпу-

новы, Матвѣевы, Матюшкины, Микулины, Мясные, Нарбековы, Нарышкины, Нащокины, Неплюевы, Огаревы, Ордины-Нащекины, Павловы, Панины, Полибины, Полтевы, Потемкины, Проестевы, Прончищевы, Пушечниковы, Пушкины, Ржевскіе, Ртищевы, Савеловы, Собакины, Соковнины, Соловцевы, Сомовы, Стрешневы, Сунбуловы, Супоневы, Тарбѣевы, Татищевы, Толочановы. Толстые, Тяпкины, Хитрово, Хлоповы, Хрущовы, Чаплыгины, Чемодановы, Шакловитые, Щепины, Юшковы, Языковы, Яковлевы, Яновы. Нѣкоторые изъ указанныхъ родовъ достигали и высшихъ чиновъ.

Въ послѣднемъ составѣ Бярской Думы имѣли своихъ представителей слѣдующіе роды: въ боярахъ:

кн. Барятинскіе, кн. Воротынскіе, кн. Долгорукіе, кн. Зубатые, кн. Козловскіе, кн. Коркодиновы, кн. Лыковы, кн. Одоевскіе, кн. Пріимковы-Ростовскіе, кн. Прозоровскіе, кн. Ромодановскіе, кн. Рѣпнины, Татищевы, кн. Троекуровы, кн. Щербатые, кн. Голицыны, Головкины, Милославскіе, кн. Трубецкіе, кн. Хованскіе, Бутурлины, Головины, Мусины-Пушкины, Неплюевы, Пушкины, Салтыковы, Собакины, Соковнины, Шеины, Шереметевы, Годуновы, Матюшкины, Нарышкины, кн. Урусовы, Хитрово, Юшковы, Лопухины, кн. Черкасскіе, Волынскіе, Стрешневы, Хлоповы, Языковы

въ окольничихъ: кн. Звенигородскіе, Матвѣевы, кн. Оболенскіе, Полибины, кн. Горчаковы, кн. Дашковы, кн. Жировые-Засѣкины, кн. Засѣкины, Ржевскіе, кн. Хотетовскіе, кн. Ухтомскіе, Желябужскіе, Измайловы, Кондыревы, Лихачевы, Протасьевы, Квашнины-Самарины, Чаадаевы, Змѣевы, Потемкины, Савеловы, Толочановы, Толстые, Шепелевы, Апраксины, Леонтьевы, Нарбековы, Языковы, Глѣбовы, Акинфовы, Голохвастовы, Зыковы, Колупаевы, Павловы, Щегловитовы, Чоглоковы, Прончищевы, Ржевскіе, кн. Шаховскіе

въ думныхъ дворянахъ: Башмаковы, Вердеревскіе, Дашковы, Заборовскіе, Карауловы, Ларіоновы, Ловчиковы, Лызловы, Мясные, Огаревы, Панины, Пушечниковы, Солсовы, Сунбуловы, Супоневы, Тарбѣевы, Хрущевы, Чаплыгины, Чемодановы, Щепины, Яковлевы.

Дворецкій.

Къ разряду высшихъ чиновъ принадлежали также дворецкіе, конюшіе, крайчіе и казначеи.

Чинъ дворецкаго—это дворскій или дворьскій, упоминаемый еще въ XII ст. „И поможе Богъ Андреевичю Мстиславу съ братьею, и взяша Кіевъ (1171 г.). Мстиславъ же Изяславичъ бѣжа

изъ Кіева на Василевъ. И постигша и Бастѣева чадь, начаша стрѣляти въ плечи ему, и много изоимаши дружины около его: Яша Дмитра Хороброго и Алексея дворского...“ Проф. Сергѣевичъ отожествляетъ дворскаго съ стариннымъ ключникомъ, тотъ и другой завѣдуютъ княжимъ дворомъ, такимъ дворецкимъ несомнѣнно былъ и Анбалъ, довѣренный ключникъ Андрея Боголюбскаго, про котораго лѣтопись (Ипат. 114) говоритъ: „Тотъ бо ключь держашеть у всего дома княжа и надо всими волю ему далъ бяшеть“.

Кромѣ главнаго дворецкаго были дворецкіе при каждомъ дворѣ князя, всѣ они были въ подчиненіи главнаго или большаго дворскаго.

Въ XVI ст., кромѣ московскаго дворецкаго, сохранились еще и дворецкіе бывшихъ удѣльныхъ князей, такъ мы встрѣчаемъ упомнинаніе о дворецкихъ Рязанскомъ, Тверскомъ, Нижегородскомъ, Новгородскомъ, Казанскомъ и Астраханскомъ. Въ XVII ст. мы уже знаемъ одного дворецкаго, стоящаго во главѣ приказа Большаго Дворца, которому подчинены дворы: ситенный, кормовой, хлѣбенный, житенный, состоящіе въ вѣдѣніи ключниковъ, что еще служитъ доказательствомъ превращенія древняго ключника въ дворскаго.

Должность дворскаго стояла раньше въ слѣдъ за окольничими, если ее не занимаетъ бояринъ или окольничій.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ званіе дворецкаго становится почетнымъ титуломъ, въ 1646 г. онъ сразу возвелъ въ санъ дворецкаго 12 человѣкъ.

Съ этого времени чинъ дворецкаго дается лишь боярамъ, какъ особое отличіе. Одинъ изъ бояръ-дворецкихъ продолжалъ вѣдать приказомъ Большаго Дворца. Въ вѣдѣніи дворецкихъ была масса служилаго люда: ключники, подключники, стряпчіе Сытеннаго, Кормоваго и Хлѣбеннаго дворовъ, сытники—всѣ они также принадлежали къ служилому сословію и верстались помѣстьями и получали вотчины.

Конюшій.

Должность конюшаго извѣстна еще Русской Правдѣ, которая опредѣляетъ особую плату за убійство тіуна конюшаго. Конюшенное хозяйство составляло часть общаго княжескаго хозяйства и должность конюшаго, конечно, была въ подчиненіи у дворскаго, вѣдавшаго всѣмъ хозяйствомъ, но она раньше дворецкаго была почетнымъ титуломъ, уже въ 1496 г. получилъ званіе конюшаго боринъ Андр. Θед. Челяднинъ; до этого назначенія должность

конюшаго стояла за стольниками. Въ 1550 г. конюшій бояринъ впервые занимаетъ мѣсто впереди бояръ; Котошихинъ прямо говоритъ: „А кто бываетъ конюшимъ и тотъ первый бояринъ и чиномъ и честью“, а о дворецкихъ онъ говоритъ: „И тотъ бояринъ честію бываетъ другой человѣкъ, подъ конюшимъ первой“.

Конюшими были слѣдующія лица: бояре Андр. Ѳед. Челяднинъ 1406—1503, Ив. Андр. Челяднинъ 1511—1515, кн. Ив. Ѳед. Овчинина-Телепневъ-Оболенскій 1538—39, кн. Мих. Вас. Глинскій 1541—47, кн. Вас. Ив. Чулокъ-Ушатый 1549, Ив. Петр. Ѳедоровъ 1550—67, Бор. Ѳед. Годуновъ 1584—99, Дмит. Ив. Годуновъ 1599—605. и Мих. Ѳед. Нагой 1605—06.

Въ вѣдѣніи конюшаго находились конюхи стремянные, стряпчіе и задворные. „Всѣ эти вышеписанные чины, говоритъ Котошихинъ,—люди честные и пожалованные годовымъ жалованьемъ, и помѣстьями, и вотчинами“.

Послѣ уничтоженія должности конюшаго, конюшеннымъ вѣдомствомъ стали завѣдывать ясельничіе,—чинъ, существовавшій еще въ XV ст. Ясельничіе занимали положеніе гораздо ниже конюшихъ, по лѣстницѣ чиновъ они стояли послѣ стряпчихъ съ ключемъ.

Въ ясельничихъ служили представители слѣдующихъ фамилій: Векентьевы, Лихаревы, Дровнины, Суковы, Хлоповы, Ошанины, Татищевы, Воейковы, Глѣбовы, Биркины, Болтины, Кондыревы, Елизаровы, Матюшкины, Желябужскіе, Вышеславцевы.

Крайчіе.

Должность крайчаго повидимому всецѣло принадлежитъ двору Московскихъ великихъ князей, по крайней мѣрѣ ранѣе начала XVI-ст. она въ актахъ не упоминается. Крайчій служитъ для приданія особой торжественности столу государя, онъ наблюдаетъ за стольниками, которые подаютъ блюда Государю. Крайчій стоитъ у стола государя, въ то время какъ дворецкій сидитъ за особымъ поставцомъ. Мѣсто крайчаго по лѣствицѣ было, повидимому, за окольничими, одинъ разъ впрочемъ сдѣлано было исключеніе для кн. Куракина, вѣроятно потому что Куракины принадлежали къ родамъ, которые бывали только въ боярахъ, минуя другія чины:„ Великій Государь Ѳедоръ Алексѣевичъ князя Ивана Куракина пожаловалъ изъ стольниковъ комнатныхъ въ крайчіе, а потомъ указалъ ему сидѣть въ полатѣ съ бояры въ думѣ и имя его поставить выше окольничихъ“, это являлось исключеніемъ почему и было отмѣчено въ боярской книгѣ.

Въ крайчихъ служили представители слѣдующихъ родовъ: Сабуровы, кн. Голицыны, кн. Кубенскіе, кн. Глинскіе, кн. Мстиславскіе, кн. Пронскіе, кн. Бѣльскіе, кн. Горенскіе, Басмановы, Собакины, Годуновы, кн. Шуйскіе, Юрьевы, кн. Лыковы, кн. Хворостинины, кн. Черкасскіе, кн. Буйносовы-Ростовскіе, Салтыковы, кн. Сулешовы, Плещеевы, кн. Урусовы, Стрѣшневы, кн. Куракины, кн. Одоевскіе.

Казначеи.

Должность казначея принадлежитъ къ хозяйственнымъ должностямъ и извѣстна становится въ московской Руси, они завѣдуютъ казною Государя, это то, что въ старину представляли изъ себя ключники и тіуны и подобно имъ и казначеи бывали нерѣдко несвободными, т. к. мы не разъ встрѣчаемъ въ духовныхъ грамотахъ князей объ отпускѣ на волю казначеевъ, тіуновъ, дьяковъ и посельскихъ, вѣдавшихъ прибытки князя.

Уже въ концѣ XV ст. должность казначея начинаетъ получать особое значеніе и казначеи становятся во главѣ Казеннаго двора, который вѣдалъ Государевы доходы, и расходы таможенные доходы, оброки, пошлины и т. п., въ XVI ст. казначеямъ принадлежали и судебныя функціи и въ этомъ отношеніи имъ были подвѣдомственны цѣлые города. Въ XVII ст. вѣдомство казначеевъ суживается, у нихъ на рукахъ осталась только царская казна. Должность казначея никогда не была почетнымъ титуломъ и имѣла характеръ чисто дѣловой, по старшинству она стояла между крайчимъ и думными дворянами.

Въ казначеяхъ были представители слѣдующихъ фамилій:

Овцыны, Траханіоровы, Головины, Третьяковы, Сукины, Курцевы, кн. Мосальскіе, Черемисиновы, Татищевы, Волынскіе, Дубровскіе, Нарбековы, Камынины.

Оба эти чина, крайчаго и казначея, входили такъ сказать по должности въ составъ боярской думы.

Печатники.

Печатниками назывались лица, хранившіе княжескія печати, служившія для скрѣпы грамотъ и указовъ. Должность печатника принадлежитъ къ древнѣйшимъ должностямъ княжескаго двора, первый печатникъ, котораго мы знаемъ,—это Кириллъ, печатникъ Галицкаго князя Даніила Романовича, посланный княземъ въ 1241 г. въ качествѣ ратнаго воеводы въ землю Болоховскую. Отсутствіе отчества указываетъ, что печатникъ Кириллъ не былъ человѣкомъ родовитымъ, тоже было и въ московской Руси, въ боль-

шинствѣ случаевъ печатниками служатъ дьяки, а въ XVII ст. эта должность исключительно соединяется съ дьячествомъ и принадлежитъ думному дьяку Посольскаго приказа.

Оружничіе.

Оружничіе Московскихъ Государей—это меченоши древней Руси, о которыхъ мы встрѣчаемъ указаніе уже въ началѣ XIII ст. Меченоша не только носитъ княжескій мечъ, но также исполняетъ всякія порученія: „Великій князь Всеволодъ посла съ полкомъ Кузму Ротьшича, меченошю своего, и взя Тепру и возвратися со многимъ полономъ въ Володимеръ“, что указываетъ на высокое положеніе меченоши.

Въ XVII ст. оружничій вѣдалъ Оружейнымъ приказомъ, который не только хранилъ оружіе, но и изготовлялъ его.

Оружничими назначались окольничіе или бояре.

Занимали эту должность представители слѣдующихъ фамилій: Салтыковы, Карповы, кн. Щетинины, кн. Вяземскіе, кн. Бѣльскіе, Пушкины, Хитрово.

Постельничіе.

Названіе постельничій впервые появляется въ концѣ XV ст. при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, въ древней Руси прототипомъ постельничаго, повидимому, былъ отрокъ. Постельничій вѣдалъ всю постельную казну Государя: „А што моего платья, а то платье, а то платье у моего постелничово, у Ондрѣя, у Иванова сына, Бѣлкина да у Ѳедора у Васильева сына Кокошкина у Малова“, постельничій завѣдывалъ также изготовленіемъ бѣлья иплатья, спалъ въ одной комнатѣ съ Государемъ, ходилъ съ нимъ въ баню, сопровождалъ въ торжественныхъ выходахъ, наблюдая за нимъ, чтобы стулъ, скамеечка подъ ногами и все необходимое было подъ руками: „А съ стряпнею былъ постельничій, Ѳедоръ Алексѣевичъ Полтевъ, а съ нимъ стряпчіе съ стряпнею, съ полотенцомъ, и со стуломъ и съ подножіемъ“.

Подъ началомъ постельничаго находились стряпчіе, которые ходили со стряпней и спальники, которые дежурили въ комнатѣ царя, одѣвали и раздѣвали его.

Изъ этихъ двухъ должностей стряпчіе, въ XVII ст. становятся младшимъ придворномъ чиномъ, не соединенномъ съ никакими опредѣленными обязанностями, иногда они дежурили при Государѣ, назначались въ полковыя должности, воеводами въ города и т. п. Представители болѣе знатныхъ родовъ назначались иногда стряпчими, но въ самые юные годы. Изъ массы стряпчихъ,

доходившихъ въ XVII ст. до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, былъ выдѣленъ такъ называемый стряпчій съ ключомъ, что являлось должностью, онъ былъ помощникомъ постельничаго по завѣдываніи послѣднимъ Мастерской палатой и постельною казною, храня отъ послѣдней ключъ, что и послужило для его наименованія—„стряпчій съ ключомъ.

Стольники.

Въ старшинствѣ чиновъ они старше стряпчихъ. Первоначальная ихъ обязанность служить за столомъ, затѣмъ эта обязанность остается за ними только въ торжественныхъ случаяхъ, они приглашали къ столу, или какъ говорили въ старину „сказывали въ столы“, отпускали ѣду, наряжали вина, смотрѣли за порядкомъ—„въ столы смотрѣли“ и т. п.

Когда званіе стольника становится придворнымъ чиномъ, мы ихъ видимъ въ приказахъ, на воеводствахъ, въ полковой службѣ, въ посольствахъ и т. п.

Въ стольникахъ бывали члены самыхъ именитыхъ родовъ, переходя затѣмъ прямо въ думу, для большинства же родовъ, служившихъ въ московскихъ дворянахъ, это было высшимъ предѣломъ ихъ честолюбивыхъ мечтаній.

Чашниками назывались стольники, которые во время торжественныхъ обѣдовъ подавали питье—чашничали.

Стольники же бывали рындами, служившими для большей пышности при пріемахъ пословъ, они стояли около престола съ топорами въ рукахъ.

Жильцы.

Жильцы составляли нѣчто въ родѣ дворцоваго охраннаго отряда и жили извѣстное время около дворца, откуда и произошло ихъ названіе. Они комплектовались изъ дѣтей московскихъ дворянъ раньше чѣмъ попадали сами въ московскія списки и изъ провинціальныхъ дворянъ, для которыхъ это было наградою за долгую службу и часто на этомъ они и заканчивали свою служебную карьеру.

Дворяне.

Все остальное дворянство раздѣлялось на дворянъ московскихъ, дворянъ городовыхъ и дѣтей боярскихъ. Дворяне городовые дѣлились на выборъ, на дворовыхъ и просто городовыхъ.

Дворяне произошли отъ дворовыхъ княжескихъ слугъ, впервые это наименованіе мы встрѣчаемъ при убіеніе Андрея Боголюбскаго: „Горожане же боголюбскыи и дворяне разграбиша

домъ княжь.“, это бывшіе отроки и дѣтскіе древней Руси временъ Русской Правды. Что дворяне и дворные или дворовые слуги одно и то же убѣждаютъ насъ и лѣтописи, одна лѣтопись говоритъ о дворянахъ, другая, описывая тѣже событія, называетъ ихъ дворными людьми. Но кромѣ личныхъ услугъ князю они вмѣстѣ съ тѣмъ и войны. До XVI ст. дворяне—это низшая ступень служилаго класса, повидимому они являются первыми помѣщиками въ отличіе отъ высшихъ слоевъ служилаго класса бояръ и дѣтей боярскихъ, владѣвшихъ не помѣстьями, а вотчинами. Это различіе начинаетъ сглаживаться уже въ концѣ XV ст., когда Іоаннъ III далъ помѣстья Новогородскимъ боярамъ въ Московскихъ областяхъ, а на отобранныя у нихъ земли испомѣстилъ дѣтей боярскихъ. Въ 1550 г. царь Іоаннъ IV приказалъ дать въ Московскомъ у. помѣстья „боярамъ и другимъ слугамъ, которымъ быть готовымъ въ посылки“. Съ средины XVI ст. дѣти боярскія и дворяне начинаютъ смѣшиваться, дворяне иногда пишутся впереди дѣтей боярскихъ: „А мы княжата, и дѣти боярскіе, и дворяне“. „А мы дворяне и дѣти бярскіе“, также встрѣчаемъ мы наименованіе—дворяне, что живутъ въ думѣ и дѣти боярскіе, что живуть въ думѣ: „А князь великій сидѣлъ въ брусяной избѣ, а у него бояре, и окольничіе, и дворянскіе, и дѣти боярскіе, которые живутъ въ думѣ, и дѣти боярскіе прибыльные, которые не живутъ въ Думѣ“. Въ концѣ XVI ст. терминъ дворянинъ повидимому оттѣсняетъ совершенно на задній планъ терминъ сынъ боярскій, — который становится принадлежностью низшаго слоя служилаго класса. Подъ 1583 г. мы встрѣчаемъ, напримѣръ, запись, въ которой представитель знатной фамиліи носитъ наименованіе дворянина, да еще поставленнаго выше думнаго дворянина: „А встрѣча послу первая была на нижнемъ крыльцѣ противъ Благовѣщенія: дворянинъ князь Иванъ Васильевичъ Сицкой, да дворянинъ думный, Романъ Васильевичъ Олферьевъ, да дьякъ Ондрей Шерефидиновъ да Дружина Петелинъ“.

Въ актахъ XVII ст. дворяне уже всюду стоятъ выше дѣтей боярскихъ. Дѣти боярскіе являются какъ бы особымъ классомъ, разбросаннымъ по всему пространству страны, а дворянинъ становится какъ бы первымъ чиномъ.

Всѣ городовые дѣти боярскіе и дворяне были росписаны по городамъ, въ уѣздѣ котораго владѣли помѣстьями, здѣсь же они несли службу, будучи написаны въ десятни съ указаніемъ размѣровъ всѣхъ помѣстій и годности къ службѣ; въ чемъ за него ручалися его товарищи; такъ напримѣръ: Дворовые, окладъ 400 чети. Наумъ Ѳанасьевъ сынъ Постовъ, дано ему жалованья 14

руб.; быти ему на службѣ на конѣ, въ пансырѣ, въ шеломѣ, въ саадакѣ, въ саблѣ да за нимъ три человѣка на коняхъ, въ пансырѣхъ, въ шапкахъ въ желѣзныхъ, въ саадацѣхъ, въ саблѣхъ, да два коня простыхъ, да два человѣка о дву меринѣхъ въ кошу съ юки. Порука по немъ въ службѣ Третьякъ Телешовъ, да Василій Огалинъ. Иногда этихъ поручителей бывало до 20 человѣкъ. Приведенный примѣръ указываетъ положеніе лица очень кратко, но иногда свѣдѣнія сообщаются очень подробныя: выборъ 650 ти". Григорей Васильевъ сынъ Нарматцкой окладчики и городомъ сказали: головою своею и службою добръ, служивалъ на добромъ конѣ въ пансырѣ, и простой конь и служилой человѣкъ за нимъ бывали; а служилъ съ отцомъ вмѣстѣ съ отцова помѣстья; а нынѣ де за Григорьемъ помѣстья на Вологдѣ да въ Арзамасѣ, а сколько въ дачѣхъ, и сколько крестьянъ, и какъ ему нынѣ съ того помѣстья быть на государевѣ службѣ того не вѣдаютъ, про то де скажетъ самъ Григорей; да за Григорьемъ же де въ Зубцовскомъ уѣздѣ вотчина, дана ему за Московское осадное сидѣнье при царѣ Васильѣ пустешь что была деревня, Тихонина съ пустошьми на девяносто чети и та вотчина пуста и лѣсомъ поросла отъ литовскаго разоренья. А Григорей самъ про себя и про свою службу и про Зубцовскую вотчину сказалъ тожъ, а про помѣстья сказалъ, помѣстья де за нимъ на Вологдѣ деревня Золотова съ пустошьми въ дачахъ сто чети съ полуосминою, а помѣстьѣ четыре крестьянина да пять бобылей, да за нимъ же де помѣстье въ Арзамасѣ,-дано ему жены ево прожиточное помѣстье деревня Невѣровъ Усадъ, въ дачахъ шестьдесятъ семь чети безъ третника, а въ немъ шесть крестьяниновъ да шесть бобылей, и съ тово де ему помѣстья велѣно по Государеву указу выдать замужъ патчерица своя, а приданово за нею велѣно дать пятьдесятъ рублевъ, а съ Вологотцского де помѣстья ему на государеву службу безъ государева жалованья подпятца нечѣмъ, а государева де ему жалованья изъ чети девятнатцать рублевъ, и только де его государь пожалуетъ, велитъ ему дать свое государево жалованье окладъ его, и онъ на государевѣ службѣ будетъ на добромъ конѣ въ латахъ, да въ шишакѣ съ пищалью, а простого коня и служилого человѣка за нимъ не будетъ; а у сказки его въ его Григорьего мѣсто отецъ его Василій руку приложилъ".

Первымъ шагомъ для сына боярскаго было написаніе его по дворовому списку, что впрочемъ, повидимому, не дѣлало никакой разницы въ его положеніи и не повышало ни денежнаго, ни земельнаго оклада.

Какъ примѣръ подобнаго награжденія написаніемъ по дворовому списку я укажу на челобитье Рыльскаго сына боярскаго Титова, просившаго написать его по дворовому списку за его 30- лѣтнюю службишку и полонное терпѣніе и за раны и за то, что онъ на многихъ бояхъ съ польскими и съ литовскими людьми бивался, хотя Титовъ по своему отечеству и не имѣлъ права на дворовый списокъ, но т. к. и ранѣе „дѣти боярскія разныхъ городовъ были написаны по дворовому списку за службу, а не по родству“, то Государь пожаловалъ его и велѣлъ удовлетворить его просьбу и написать по дворовому списку (1634 г.).

Затѣмь шелъ выборъ, сюда попадали лучшіе дворяне, которые назначались на должности сотенныхъ и подъѣздныхъ головъ: „А во всякія посылки воеводамъ посылати дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лутчихъ, чтобъ дворяне выборные и дѣти боярскіе лутчіе во всякіе посылки ѣздили, а даромъ на службѣ не жили; а меньшіе въ статьи дѣти боярскіе большихъ статей дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лутчихъ не ослуживали, чтобъ передъ дворяны и передъ дѣтми боярскими лутчими дѣтямъ боярскимъ молодымъ на службѣ посылокъ лишнихъ однолично не было“.

Бывали случаи, впрочемъ единичные, когда городовые дворяне быстро выдвигались на служебномъ поприщѣ, что даже вызывало протестъ со стороны ихъ бывшихъ товарищей, характерный случай произошелъ въ 1624 г. съ назначеніемъ Новогородскаго городового дворянина князя Никиф. Яков. Мещерскаго вторымъ воеводой въ большой полкъ въ Тулу, чѣмъ были возмущены дворяне, служившіе изъ выбору, т. е. стоявшіе выше Мещерскаго , вотъ что писалъ первый воевода князь Голицынъ: „Которымъ дворянамъ выборнымъ велѣно быть на Государевѣ службѣ съ нимъ въ Тулѣ, и онъ, по государеву указу, росписалъ въ головѣ по сотнямъ и къ подъѣзднымъ станицамъ и списки сотнямъ имъ далъ. И тѣ дворяне приходили къ нему въ съѣзжую избу съ великимъ шумомъ и сотенные и подъѣздные списки передъ нимъ въ съѣзжей избѣ помѣтали. А сказали ему, что имъ у сотенъ и у подъѣздныхъ станицъ въ головахъ отъ него, для товарища его, князя Мещерскаго, быть невозможно“, черезъ нѣсколько дней послѣ пометанія списковъ кн. Голицынъ донесъ, что, назначенные въ головы, Борисъ Колтовской, Аѳанасій Уваровъ и Яковъ Хрущовъ „съ государевой службѣ сбѣжали“, но оказалось, что они не сбѣжали, а отправились въ Москву поддерживать свои претензіи. Въ Москвѣ ихъ задержали, подержали 2 дня въ тюрьмѣ и выслали опять въ Тулу, но все же послѣдовалъ

указъ на имя князя Голицына по которому „дворянамъ выборнымъ велѣно быть всѣмъ съ тобою съ однимъ“, т. е. желаніе выборныхъ было уважено и имъ до кн. Мещерскаго дѣла не было. Въ данномъ случаѣ выборные явились представителями всего городового дворянства и вступились за свою честь.

Для высшихъ чиновъ написаніе на службу съ городомъ являлось уже наказаніемъ и лишеніемъ чести.

Высшую ступень среди дворянства занимали московскіе дворяне, занимавшіе мѣста за придворными чинами, впереди жильцовъ и городовыхъ дворянъ всѣхъ наименованій. Первымъ началомъ московскаго дворянства надо считать тодъ указъ Іоанна IV 1550 г., которымъ онъ повелѣлъ дать помѣстья близъ Москвы боярамъ, окольничимъ и дѣтямъ боярскимъ 1000 человѣкамъ (это такъ называется Тысячная Книга, съ которой не разъ приходится имѣть дѣло генеалогу), этотъ списокъ долженъ быть пополненъ тѣми фамиліями, члены которыхъ уже владѣли помѣстьями и вотчинами въ примосковномъ краѣ, что мы выводимъ изъ слѣдующихъ словъ того же указа:

„А за которыми бояры и за дѣтьми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ иномъ городѣ, которые близко къ Москвѣ, верстъ за 50 или за 60, и тѣмъ помѣстья не дати“. Это то ядро, которое и составило особый классъ московскаго дворянства. Московское дворянство оказалось въ особенно привилигированномъ положеніи, благодаря близости къ Государю, они составляютъ какъ бы категоріи лучшихъ и ближайшихъ слугъ, попасть въ московскій списокъ, эта награда для лицъ, служащихъ по городовымъ спискамъ—это вѣнецъ для ихъ служебной карьеры, котораго громадное большинство изъ нихъ не достигаетъ. На службу по городамъ верстались, на службу по московскому списку жаловались государемъ, часто званіе московскаго дворянина оставалось только званіемъ и вновь пожалованый продолжалъ служить въ своемъ городѣ: „По московскому списку написаны, а на службѣ велѣно быть въ полкахъ съ тѣми городами, изъ которыхъ написаны“.

Затѣмъ, хотя существовало общее правило давать московскому дворянину помѣстья въ московскомъ уѣздѣ, но мы часто видимъ примѣры, что московскіе дворяне владѣютъ помѣстьями въ другихъ только уѣздахъ, что еще служитъ доказательствомъ, что часто званіе московскаго дворянина было только отличіемъ за службу. Въ московскихъ дворянахъ было большинство стольниковъ и стряпчихъ, нѣкоторые изъ нихъ, не попадая въ думу, возвращались опять въ свое прежнее званіе моск. дворянъ, что не являлось пониженіемъ для нихъ. Непосредственно изъ моск. дворянъ

жаловались въ думные дворяне, окольничіе и даже въ бояре. Моск. дворяне служатъ воеводами въ городахъ и полкахъ, участвуютъ въ посольствахъ, служатъ рейтарскими и стрѣлецкими полковниками, т.-е. занимаютъ тѣ же должности какъ и стольники.

Въ XVII ст. званіе московскаго дворянина можно считать фактически наслѣдственнымъ, всѣ сыновья московскаго дворянина очень рано попадаютъ въ московскій списокъ, начиная свою службу по жилецкому, конечно, въ томъ случаѣ, если не получаютъ придворнаго чина. Въ своихъ челобитьяхъ служилые люди прямо указываютъ, что отецъ и родственники ихъ служили по Московскому списку, напримѣръ, жилецъ Обросимъ Чебышевъ (1637 г.) былъ пожалованъ въ московскіе дворяне „за службу и родство“: „Служилъ я, пишетъ Чебышевъ, твои государевы службы по жилецкому списку лѣтъ съ 20 и больше, и никоторая служба меня нигдѣ не миновала и нѣтъ на меня нигдѣ никакихъ нѣтъ; и нынѣ я посланъ въ Путивль къ межевымъ судьямъ,—и мотчанья твоему скорому государеву дѣлу нигдѣ не учинилъ; а отецъ мой и дядья родные побиты за тебя, государя, на твоей государевѣ службѣ на бояхъ, а служили по московскому списку“.

Я лично не могу указать ни одного случая въ XVII ст., когда бы сынъ московскаго дворянина, если только его служба протекала обычнымъ путемъ, былъ написанъ по городовому списку. Если это не было правиломъ, то но было во всякомъ случаѣ, строго установившимся обычаемъ.

Кромѣ трехъ видовъ службъ, которые мы разсмотрѣли, т.-е. службы чисто государственной въ думныхъ чинахъ, придворный и военно-помѣстный существовалъ еще одинъ видъ службы царскаго обихода—это была служба въ царской охотѣ. Охота съ давнихъ временъ была любимѣйшимъ развлеченіемъ русскихъ князей, уже Владиміръ Мономахъ говоритъ о соколиномъ и ястребиномъ нарядѣ. Съ теченіемъ времени охота приняла видъ особаго учрежденія съ цѣлымъ штатомъ служащихъ. Во главѣ охоты стояли ловчіе и сокольничіе, иногда та и другая должность соединялись вмѣстѣ. Случалось, что ловчимъ давались порученія ничего общаго съ ихъ прямыми обязанностями не имѣвшія, такъ въ 1503 г. сокольничій М. С. Еропкинъ принималъ участіе въ посольствѣ въ Литву и участвовалъ въ переговорахъ. Должность ловчаго соединялась иногда и съ другими чинами, А. И. Матюшкинъ будучи ловчимъ, назначенъ былъ думнымъ дворяниномъ. Среди ловчихъ и сокольничихъ мы встрѣчаемъ Нагихъ, Проѣстевыхъ, Пушкиныхъ, Леонтьевыхъ, Заболоцкихъ.

Въ распоряженіи ловчаго и сокольничаго находились соколь-ники, кречетники, ястребники, охотники ловчаго пути, псари—всѣ они верстались помѣстьями и принадлежали къ служилому классу. Весьма часто сокольники, кречетники и ястребники посылались при посольствахъ, которые везли всегда подарки и въ томъ числѣ нерѣдко ястребовъ и кречетовъ.

Должность сокольничаго существовала до 1606 г., когда ее занималъ Гавр. Григ. Пушкинъ, послѣднимъ ловчимъ съ 1677 г. былъ В. И. Философовъ.

Звѣриная охота въ XVII ст. находилась въ вѣдомствѣ Конюшеннаго приказа, а соколиная потѣха въ вѣдомствѣ приказа Тайныхъ дѣлъ.

Затѣмъ остается еще одинъ видъ службы—это дьячество, игравшее огромную роль въ древней Руси, но никогда не пользовавшихся почетомъ. Но въ XIV ст. это просто писцы, а съ этого времени писецъ начинаетъ исчезать и появляется дьякъ. Это письменные люди, часто рабы. Какъ люди грамотные, они пользовались особымъ довѣріемъ князей и постепенно пріобрѣтали силу, въ XVI ст. они обязательно присутствуютъ на судѣ бояръ и окольничихъ, еще въ XV ст. при намѣстникахъ появляются дьяки и князь рѣшаетъ дѣла по слову намѣстника и дьяка, затѣмъ дьяки дѣлаются товарищами воеводъ, т.-е. входятъ въ составъ коллегіи: „А тебѣ велѣли есма быть на нашей службѣ въ воеводахъ въ Казани, въ острогѣ. А въ городѣ вѣдати и всякими нашими дѣлы промышляти съ воеводою, со князь Григорьемъ Булгаковымъ, со товарыщы да съ дьякомъ, со Михайломъ Битяговскимъ, вмѣстѣ за одно“ (Д. къ А. И. I. 127. 1581 г.), приговоры уже пишутся отъ имени всѣхъ и дьяка: „Въ лѣто 7093 іюля въ 22 день... воевода князь Григорій Андр. Булгаковъ, со товарищи да государя царя и великаго князя діякъ, Михайло Битяговскій, приговорили...“

Очень рано дьяки попадаютъ въ боярскую думу, а въ началѣ XVII ст. появляется, уже оффиціальный титулъ думнаго дьяка.

Дьяки сидѣли по приказамъ при начальникахъ, а нѣкоторыми приказами вѣдали единолично. Вотъ что говоритъ Котошихинъ о дѣятельности дьяковъ: „А на Москвѣ и въ городѣхъ въ приказехъ съ бояры, и окольничими, и думными, и ближними людьми, и въ посольствахъ съ послами бываютъ они въ товарыщахъ и сидятъ вмѣстѣ, и дѣлаютъ всякія дѣла, и суды судятъ.“

Число думныхъ дьяковъ доходило приблизительно до десятка, простыхъ же дьяковъ по приказамъ и городамъ въ 1676 г. было 121.

По служебной лѣстницѣ думные дьяки писались послѣ стряпчаго съ ключемъ, а дьяки по приказамъ послѣ московскихъ дворянъ.

За дьяками идутъ подъячіе, дѣлившіеся на старыхъ и молодыхъ.

Не смотря на значительную роль, какую играли дьяки въ древней Руси все же служба въ дьякахъ, даже въ думныхъ, ничего не прибавляла къ родовой чести и потомки дьяковъ всячески старались откреститься отъ своего родства съ ними, что можно видѣть изъ характернаго случая съ окольничимъ Осип. Ив. Сукинымъ въ 1663 г., на котораго билъ челомъ думный дьякъ Сем. Ив. Заборовскій „въ отечествѣ“ „Осиповъ прадѣдъ Сукина, говоритъ въ челобитьѣ Заборовскій, Борисъ Сукинъ, былъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ дьякъ и въ иныхъ худыхъ чинахъ бывали родители его“, Сукинъ между прочимъ въ отвѣтѣ говоритъ: „А дѣдъ де его, Осиповъ, Борисъ, въ дьякахъ не бывалъ, и тѣмъ его Семенъ безчеститъ. А тотъ Борисъ, что былъ въ дьякахъ, и тотъ не ихъ, Сукиныхъ“, хотя тотъ Борисъ и былъ ихъ Сукиныхъ, но внуку уже стыдно за дьячество своего дѣда. Не высоко смотрѣли на честь дьяковъ и Государи, что видно по отвѣту царя Михаила Ѳеодоровича стряпчему Ларіонову бившему челомъ на стряпчаго же Телепнева, „что ему менши быть его не вмѣсто“ т. к. отецъ Телепнева былъ дьякомъ, а отецъ Ларіонова сыномъ боярскимъ, но оказалось, что и отецъ Ларіонова былъ дьякомъ и Государь приказалъ Ларіонову быть съ Телепневымъ: „се они оба люди неродословные и счету имъ нѣту: гдѣ государь велитъ быть, тотъ такъ и будь“. Но худой чинъ дьяка нисколько не мѣшалъ имъ дослуживаться до чиновъ окольничихъ и даже бояръ, тотъ же Сем. Ив. Заборовскій, считавшійся съ Сукинымъ, дослужился до званія боярина.

Дьяки и подъячіе, какъ и всѣ служилые люди, верстались помѣстьями и награждались вотчинами и вошли въ составъ русскаго дворянства.

Всѣ служилые люди вѣдались, въ зависимости отъ ихъ службы, въ различныхъ приказахъ, но главнымъ образомъ въ Разрядномъ по отношенію къ службѣ и Помѣстномъ въ отношеніи землевладѣнія, затѣмъ по своему значенію для служилаго класса идутъ Приказъ Большого Дворца, Стрѣлецкій, для иноземцевъ—иноземный, но этими приказы, конечно, не ограничивались въ дѣлахъ любого изъ нихъ можно найти интересный матеріалъ. О каждомъ изъ приказовъ я буду говорить отдѣльно и укажу тотъ матеріалъ, который они могутъ дать изслѣдователю.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФ. КУЛЬТ.
№

Того же автора:

1. Библіографическій Указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію Россійскаго дворянства. Изд. 2-е 1888 г..... Ц. 3 р.
2. Опытъ родословнаго словаря русскаго древняго дворянства. Родословныя Записи. Вып. 1-й (А и Б); вып. 2-й (В и Г), за выпускъ.... Ц. 4 р.
3. Донскіе дворянскіе роды. Вып. 1-й..... Ц. 2 р.
4. Князья Пожарскіе..... Ц. 1 р. 50 к.
5. Библіографическій Указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію Тульскаго Дворянства..... Ц. 3 р.
6. Генеалогическія рѣдкости..... Ц. 1 р.
7. Донское Дворянство. Вып. 1-й..... Ц. — 50 к.
8. Родъ Чернопятовыхъ..... Ц. 1 р. 50 к.

Слушателямъ Московскаго Археологическаго института скидка 30%.

Поварская, Трубниковскій пер. 23.